

Дневник Данг Тхюи Чам

- 0 -

Издание книги осуществляется
при финансовой поддержке спонсора –
Клуба вьетнамских швейных компаний
«Тханглонг» в г. Москве

Оригинальное издание:

© Зоан Нгок Чам

Русский перевод:

© Переводчики и Клуб вьетнамских
швейных компаний «Тханглонг» в г. Москве

Данг Тхюи Чам

ДНЕВНИК
Данг Тхюи Чам

Перевод с вьетнамского
Анатолия Соколова и Ле Ван Няна

Издательство «Глобус»
Языковой культурный центр «Восток-Запад»

К российским читателям

В сентябре 2005 года я в очередной раз возвращался из Москвы во Вьетнам. Так случилось, что книги, которые я собирался читать в течение долгого полёта, оказались в чемодане, сданном в багаж. И тут я увидел, что стюардесса, уютно расположившись в кресле и включив лампу ночного освещения, увлечённо читала какую-то книгу. Через полчаса она стала заниматься подготовкой ужина для пассажиров. Тогда, чтобы как-то утолить жажду чтения, попросил у неё книгу. И всё оставшееся время до приземления самолёта в Ханое я не мог от неё оторваться, и глубоко потрясённый прочитанным закрыл последнюю страницу.

Это была книга Данг Тхюи Чам «Дневник врача на войне», героически погибшей в войне Сопротивления американской агрессии. Своей безжалостной правдой о жестокой войне она покорила миллионы вьетнамских читателей.

В Ханое я сразу же позвонил литературному критику Вьонг Чи Няну, написавшему предисловие к вьетнамскому изданию книги, чтобы узнать номер телефона и адрес семьи автора «Дневника». И вечером того же дня вместе со своим старым учителем

и известным поэтом Ву Куанг Фыонгом приехал в дом матери врача-героя Данг Тхюу Чам.

Каждый человек по-своему воспринимает книгу Данг Тхюу Чам, это зависит от его возраста и уровня образования. Но я уверен, что всех читателей объединяет чувство восхищения образом вьетнамского бойца, уважение к героизму, безграничной самоотверженности женщины-врача, делавшей свою нелёгкую работу на войне.

Совершенно очевидно, что патриотическая война вьетнамского народа сформировала целое поколение людей, которые проявляли истинные чувства и следовали высоким идеалам, были готовы к самопожертвованию, отдавали все свои силы и заботу однополчанам.

В своём дневнике эта женщина-врач в условиях жестокой войны не раз вспоминала о советском народе и его героях, таких как Павел Корчагин. В её записях всегда присутствует вера в светлое мирное будущее, оптимизм, и эти чувства Данг Тхюу Чам, несомненно, восприняла из произведений русской и советской литературы, хотя никогда не бывала в Советском Союзе.

Она погибла так же героически, как и Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Алия Молдагулова и миллионы других советских солдат, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны за свободу и независимость своего Отечества.

Расставаясь с семьёй Данг Тхюу Чам, я сказал, что приложу все силы, чтобы её дневник был издан на русском языке. Долгое время это намерение никак

не могло осуществиться в силу разных объективных причин, но я продолжал действовать, потому должен был исполнить обещание, которое я дал перед памятью погибших героев. И, наконец, такой счастливый день наступил. На деловой встрече с членами вьетнамского клуба швейных предпринимателей «Тханлонг» в Москве я узнал, что они читали «Дневник Данг Тхюи Чам» и были восхищены великим подвигом своей соотечественницы, поэтому готовы помочь издать эту книгу на русском языке, чтобы читатели России смогли познакомиться с этим замечательным произведением. Они согласились спонсировать этот проект и попросили меня провести всю организаторскую работу, связанную с переводом этого произведения на русский язык,

Свой дневник Данг Тхюи Чам писала только для себя и, конечно, никогда не думала, что он может быть опубликован. Она делала записи в простых книжечках-блокнотах, укрываясь в убежищах под взрывами бомб и снарядов, испытывая усталость после напряжённых хирургических операций. Она делала записи при тусклом свете керосиновой лампы, в тени деревьев на привале во время военного похода. Она делала записи, глубоко сопереживая страданиям раненых, испытывая неизбывную боль за гибель своих соотечественников.

Её дневник никогда не редактировался и сохранился в целостном виде. И сейчас он стал достоянием нашего поколения, стал настольной книгой для поколений людей, вступивших в XXI век, любящих мир

и ненавидящих войну на нашей земле.

Подготовкой к изданию русского перевода «Дневника врача на войне» я занимался вместе со своими коллегами – филологами Анатолием Алексеевичем Соколовым и Ле Ван Няном. Мы работали напряжённо, увлечённо и с большим энтузиазмом, осознавая ту высокую ответственность, которую на нас возложили герои войны Сопротивления американской агрессии, семья Данг Тхюи Чам. Перевод этого произведения означал донести до современных читателей чувства и мысли молодой женщины–врача на войне, достойно представившей своё героическое поколение в годы одной из тяжелейших войн в XX веке.

Мы прилагали все усилия, чтобы достойно выполнить эту ответственную задачу. Книга, которую вы сейчас держите в своих руках, не просто печатное издание, это наша память о погибших героях. Эта книга перенесёт вас в нашу страну – Вьетнам, в годы жестокой войны, которую три десятилетия вёл наш народ за свою свободу и независимость. Вьетнам одержал в ней победу, потому что у нашего народа были такие замечательные люди, как врач Данг Тхюи Чам. И если вы всё это почувствуете после прочтения этой книги, мы будем счастливы, и наш труд был не напрасен.

«Дневник врача на войне» уже переведён на 18 языков мира и был тепло встречен читателями многих стран. Эта книга легла в основу художественного фильма «Не сжигайте этот дневник», который был представлен на международных кино-

фестивалях и оставил глубокие эмоциональные впечатления у зрителей.

Уже почти два десятилетия после распада СССР на русском языке не появилось ни одного произведения вьетнамской художественной литературы, книги вьетнамских авторов практически исчезли с полок книжных магазинов и библиотек. Надеюсь, что издание «Дневника врача на войне» Данг Тхюи Чам на русском языке вновь открывает мост, по которому вьетнамская литература возвращается к российским читателям.

Нгуен Хюи Хоанг¹

¹ Нгуен Хюи Хоанг - литератор, переводчик, кандидат филологических наук.

История человеческих сердец

Утром 25 апреля 2005 года мне неожиданно позвонили из представительства одной квакерской организации в Ханое по поводу, сильно меня взволновавшему. Мне сообщили, что есть возможность встретиться с неким американцем – он сейчас в Ханое, – который сохранил дневники моей погибшей на войне старшей сестры – врача Данг Тхюи Чам. Нашей Тхюи.

Сестра погибла в 1970 году на фронте в Куангнгае. О боевых заслугах Данг Тхюи Чам говорится в её личном деле – она была представлена к награждению медалью Войны Сопротивления против американской агрессии второй степени, с очень краткой характеристикой: врач, погибла во время боевых действий на фронте; период работы: 5 лет, 3 месяца и 5 дней.

Однополчане моей сестры прислали нам на память оставшиеся от неё вещи: несколько фотографий, письма от семьи, полученные ею из Северного Вьетнама. Её товарищи говорили также, что моя сестра, по привычке, усвоенной с детских лет, вела дневник и что эти бумаги во время карательной операции попали в руки врагов.

* * * *

Звонку в моём доме предшествовало конкретное событие: во второй декаде марта 2005 года состоялась очередная международная конференция

о вьетнамской войне, ежегодно проводимая Вьетнамским центром при Техасском технологическом университете в городе Лаббок. Она прошла с большим числом участников. На конференции обсуждались разные аспекты войны во Вьетнаме. В частности, вниманию собравшихся был представлен доклад Фредерика Уайтхёрста¹ и Роберта Уайтхёрста² о дневнике вьетнамской девушки – военного врача из ДРВ, который Роберт нашёл во время своей службы в годы войны во Вьетнаме. Это сообщение вызвало живой интерес участников конференции. Братья Уайтхёрст рассказали историю дневника – за время, прошедшее с тех пор, как он попал к ним, и до того, как они решили подарить его Вьетнамскому архиву в Лаббоке. Были зачитаны некоторые страницы из дневника – слова, полные любви к людям и надежд на мир – Роберт перевёл их на английский язык.

Выступление братьев Уайтхёрст вызвало активный обмен мнениями. Докладчикам было задано много вопросов, а также прозвучало общее пожелание собравшихся Фреду – разыскать семью погибшей женщины-врача.

Журналист Тэд Энгельманн³, бывший одним из

¹ Фредерик Уайтхёрст (Frederic Whitehurst) – имеет учёные степени доктора права и доктора химических наук. Бывший высокопоставленный специалист по взрывчатым веществам (ФБР).

² Роберт Уайтхёрст (Robert Whitehurst) – капитан дальнего плавания, имеет учёную степень доктора ваяния. Старший брат Фредерика Уайтхёрста.

³ Тэд Энгельманн (Ted Engelmann) – фотожурналист-документалист, независимый исследователь. Неоднократно бывал во Вьетнаме, когда работал над книгой-фотоальбомом о воздействии

участников конференции, через три дня по её окончании отправился во Вьетнам. В Ханое он попросил сотрудника местной квакерской организации помочь найти семью врача Данг Тхюи Чам. Просьба журналиста встретила живой отклик и понимание. По некоторым косвенным зацепкам в дневнике участникам поиска удалось добраться до Донганя, где мой отец работал около пятидесяти пяти лет назад, а там – обнаружить единственного его сослуживца тех лет. Выяснилось, однако, что тот в 2000 году вышел на пенсию. Все же администрация больницы в Донгане специально командировала своего сотрудника в родную деревню моего отца, чтобы там, возможно, узнать что-то о местожительстве нашей семьи. Затем Тэд отправился в Фармацевтический институт в Ханое, в котором работала моя мама 20 лет назад до того, как уйти на пенсию. Добрые сердца – сколько же их было! – подавали вести друг другу, чтобы, в конце концов, помочь Тэду найти мою семью и вручить компактный диск, а на нём – дневник, которому 35 лет назад молодая девушка-врач доверяла свои сокровенные мысли и чувства.

Спустя некоторое время я стала получать письма от братьев Уайтхёрст. Они рассказывали о том, как многие месяцы странствовали по Вьетнаму в поисках нашей семьи. Временами им казалось, что уже нет никакой надежды на успех. Они боялись, что после их смерти оба дневника моей сестры

послевоенного времени в четырех странах – Вьетнаме, Австралии, Южной Корее и США. Он начал работать над этой книгой ещё в 1968 году и намеревался завершить к 30 апреля 2005 года – 30-й годовщине освобождения Южного Вьетнама.

затеряются в грудe всевозможных бумаг и документов, о которых, как правило, никто не знает, их могут даже выбросить, они могут обветшать или пропасть. Братья рассказали мне также, что когда они уже потеряли надежду найти нашу семью, у них появилась мысль издать оба дневника отдельной книгой, чтобы во всём мире узнали о том, как жила и погибла молодая женщина-врач, коммунистка из Ханоя. Они надеялись, что благодаря этой книге примеру моей сестры-врача последуют многие... И от безысходности, не зная, что предпринять, они передали оба дневника в дар Вьетнамскому архиву в Техасском технологическом университете города Лаббок - там дневники будут храниться и содержаться в более надлежащих условиях, чем у них дома.

Вот первое письмо, которое прислал мне Фред Уайтхёрст.

«Пятница, 29 апреля 2005 года.

Я, Фредерик Уайтхёрст, 35 лет храню воспоминания о враче Данг Тхюу Чам. Тэд Энгельманн, с которым я недавно познакомился, рассказал мне, что побывал у Вас дома, и что сейчас у Вас есть копии обоих дневников и фотографии. Как много я должен рассказать Вам, Вашей семье и особенно Вашей матери! После многолетних поисков это кажется сном, и сейчас, отыскав Вашу семью, я готов разрыдаться. Мать должна знать, как жила те месяцы и годы её дочь, страна должна знать о героине-враче Данг Тхюу Чам. Кажется, всё складывается надлежащим образом, и Ваша матушка

должна получить дневник своей дочери именно в 30-ю годовщину освобождения её страны...».

* * * *

Фредерик Уайтхёрст (обычно его зовут просто Фред) участвовал как офицер военной разведки США в военных действиях на фронте Дыкфо в провинции Куангнгай с 1969 по 1971 год. На войне в его обязанности входил сбор информации и материалов, нужных военным, чтобы анализировать ситуацию, искать следы расположения подразделений Армии освобождения, давать ориентиры для проведения внезапных атак или карательных операций. Эти обязанности позволяли Фреду непосредственно наблюдать за ходом войны, воочию видеть жестокие потери, которые несли и вьетнамская, и американская стороны. По свидетельству Фреда, *«маленькая деревушка Нёнфьюок, расположенная в западной части Дыкфо, была полностью уничтожена бомбами, и никого из жителей не осталось в живых»* (письмо от 4 июня 2006 года). Он помнит маленьких детей в Тюлае, которые сгорели в пламени напалмовых бомб. Фред был свидетелем, как его непосредственный командир – лейтенант чуть было не сошёл с ума, потому что не мог видеть, как американцы из санитарных команд *«просто собирали чьи-то руки, чьи-то ноги, складывая из них тела своих товарищей, которые потом помещали в гробы и отправляли в США»* (письмо от 4 июня 2006 года). Эти картины преследовали Фреда все годы, прошедшие после его возвращения из Вьетнама.

Но в те жестокие дни Фред увидел войну и в

другом ракурсе.

После атаки на «вьетконговское¹ укрепление», когда смолкли орудия, и подразделение Фреда заняло позицию, оказалось, что то была маленькая больница. Много барачных построек, много палат – понятно, что это были больничные палаты, – и даже одна военно-полевая операционная. Было ощущение, что все обитатели больницы спешно покинули её перед самым прибытием американских военных подразделений и не успели забрать с собой документацию.

По распоряжению командования американской армии, все материалы противника, найденные на месте боёв, подлежали передаче подразделениям военной разведки для дальнейшего изучения. В тот день Фред собрал много материалов. Вместе с переводчиками-вьетнамцами он отсортировал их, отобрав те, что представляли ценность для военных служб, а всё остальное сжигал на разведённом костре.

Фред бросал в огонь ненужные бумаги, когда к нему подошёл переводчик подразделения старший сержант Нгуен Чунг Хиеу^[51] с небольшим блокнотом в руках: «Фред, – сказал он, – этот блокнот незачем бросать в огонь, в нём и так бушует пламя». Фред не понял, что это за блокнот, но взволнованный вид Хиеу и проявленное им уважительное отношение к вещи противника произвели впечатление на американца, и он спрятал блокнот в карман.

Много ночей Фред и Хиеу провели за совместным чтением блокнота. То был дневник вьеткон-

¹ Вьетконг (*Việt Cộng*, буквально: вьетнамский коммунист) – так на Западе называли силы национального Освобождения.

говца – женщины-врача, руководившей маленькой больницей, против которой подразделение Фреда проводило карательную операцию. Почерк, написанные с сильным наклоном буквы, выдавали в авторе дневника женщину. Фред ещё больше заинтересовался, когда Хиеу сказал ему, что женщина была молода, ей исполнилось только 26 лет, что она приехала из Ханоя меньше двух лет назад на работу в Дыкфо.

Несколько месяцев спустя Фреду было суждено получить второй дневник женщины-врача, который ему также принёс Хиеу. Страстные, горячие строки потрясли Фреда, несмотря на то, что это был лишь приблизительно переданный смысл слов, которые с листа переводил Нгуен Чунг Хиеу. Эти слова дышали ненавистью к американской армии. Но его сильно удивили строки, говорившие о любви и надеждах. Он не мог понять, где истоки этих чувств, как молодая девушка могла разглядеть вокруг красоту жизни, несмотря на густой туман, оседавший от разрывов снарядов и бомб на поле военных действий? Как она смогла услышать в окружающем нежную симфонию жизни, когда американские войска находились прямо за её спиной?

В 1972 году Фред покинул Вьетнам и вернулся в США. В его чемодане были сувениры, отмеченные печатью войны: два дневника женщины-врача и более 50 фотографий жителей провинции Куангнгай. Снимки были сделаны пробитым пулей фотоаппаратом «Canon», который лежал на теле погибшего корреспондента-вьетконговца. В чемо-

дане – маленькая стамеска, найденная рядом с телом убитого старика-столяра. С тех пор Вьетнам непрерывно преследовал Фреда.

Шли годы, Фреда не покидали воспоминания о прошедшей войне, о преступлениях, свидетелем которых он стал во Вьетнаме и которые тяжким гнётом давили на его сердце. Фред обычно отворачивался от негативных явлений, не замечал их, а если и обращал на них внимание, то разве что походя. Но он делал много хорошего, обращался с судебными исками на ФБР и его директора, и даже на правительство США за противоправные действия, выигрывал дела, в том числе и такие, которые получили большой резонанс не только в США, но и во всём мире. В следующий раз я расскажу о Фреде больше.

Мать Фреда – учительница и художник. Когда сын показал ей дневники вьетнамской женщины-врача, она посоветовала ему быть осторожнее с этими двумя книгами, которые могут разрушить его жизнь.

Действительно, сердце Фреда не знало покоя, словно его жёг огонь, исходивший от этих двух небольших блокнотов с жёлтыми подтёками. Он не мог спать спокойно, старался что-то сделать ради этой женщины-врача. Жива ли она или умерла? И если умерла, то, должно быть, смерть её была так же прекрасна, как и жизнь, о которой он прочёл в дневнике. Где семья этой девушки? Знает ли мать, что её дочь была героиней?

Фред много раз пытался найти семью жен-

щины–врача. Из дневника ему было известно, что она окончила Ханойский медицинский институт, поэтому предстояло проверить всю информацию, все детали, касающиеся этого учебного заведения повсюду, в надежде найти хоть какие-то зацепки. Так в результате поисков появились имена двух известных профессоров – Данг Ван Тюнга и Данг Ван Нгы. Фред знал, что имя врача – автора дневников Данг Тхюи Чам, но мог ли он знать, что все трое и лица принадлежат к роду Данг? Он знал, что мать врача зовут Зоан Нгок Чам, но адрес её был представлен в виде цепочки загадочных цифр, записанных в конце дневника. Имея в виду, что отец Чам – Данг Нгок Кхюэ – заведовал больницей, расположенной недалеко от Ханоя, Фред предположил, что это частная семейная клиника; ведь Тхюи происходила из интеллигентной семьи, связанной с медициной. Он знал, что её дом расположен на маленькой улице Лодук. Но ведь в годы войны Ханой подвергся бомбардировкам, и нельзя было исключать, что вся её семья погибла во время одного из таких налётов. Он спрашивал многих людей, но найти кого-то из интересующих его лиц во Вьетнаме спустя многие годы после окончания войны оказалось непосильной для Фреда задачей. И только несколько лет назад появился один друг, который связался со своими родственниками в Ханое и от них узнал, что семья врача Данг Тхюи Чам жива. Непонятно, по какой причине те люди не захотели продолжить поиски, посоветовали всё прекратить и больше не говорить о дневнике.

Роберт Уайтхёрст – тоже ветеран вьетнамской войны, но никогда не был на фронте в южной части Намбо¹. За два года работы в равнинном районе Меконга он проникся уважением к этому краю, к доброжелательным, богатым на чувства вьетнамцам, он полюбил их. Вьетнам стал частью жизни Роберта ещё и потому, что он женился на вьетнамской девушке, родом из Лонгсюена. Он стал учить вьетнамский язык, с удовольствием ел местные блюда, а по возвращении домой в Америку – сажал привезённые из Вьетнама деревья и цветы. Однажды, будучи во Вьетнаме, он решил послать в Америку собранную из трёх деревянных дощечек лодочку, чтобы смягчить ностальгию жены по своей родине.

Роб прочитал дневник врача Данг Тхюи Чам после того, как в 1972 году вернулся в США. Уже первые страницы дневника его ошеломили. С помощью жены он несколько раз перечитывал дневник, и чем больше читал, тем сильнее чувствовал и глубже понимал, что происходило в душе девушки, находившейся по другую сторону линии фронта. Он общал своей матери: *«Все, кому мы давали читать дневник, были взволнованы тем, о чём писала Тхюи. Мы не считаем её чуждой героиней, иначе говоря, её воспоминания дороже не только Вам, её младшей сестре, и дороги нам, значение их шире, поскольку то, что делала Данг Тхюи Чам важно для всех*

¹ Намбо – традиционное название южной части Вьетнам, то же самое, что и Южный Вьетнам.

людей. И хотя во время войны, которая шла между нашими странами, она находилась по другую сторону линии фронта, – с начала 1970-х годов Фред и я бесконечно восхищались Тхюи, она заслуживает почитания, она хороший человек. Надеюсь, что после того, как Вы прочитаете эти строки, написанные в далёком прошлом, Вы согласитесь с нами в том, что она принадлежит вашей семье в прямом смысле, но в более широком и важном смысле она принадлежит всем нам» (письмо от 29 апреля 2005 года).

Надеясь прояснить информацию, почерпнутую из дневника, Роберт побывал во всех местах, упомянутых Тхюи, искал её следы повсюду, читал материалы о Ханое. Он знал, что в городе есть средняя школа, которая носит имя Тю Ван Ана. Он выяснил, что улица Лодук располагается в районе старого Ханоя. Он разыскал Западное озеро, но не нашёл место, связанное с семьёй доктора Данг Нгок Кхюэ. Строки в дневнике, передающие чувства медика, попавшего в экстремальные условия и страдающего из-за своего бессилия в стремлении спасти пациентов, помогли Роберту увидеть образ врача, неотступно хранившего верность клятве Гиппократата. А сквозь стихотворные строки, которые Данг Тхюи Чам сочинила, стоя в полдень на вершине горы, Роберт услышал биение сердца, восхищенного красотой природы. И образ этой девушки, выросшей в семье ханойских интеллигентов, стал обретать в глазах Роберта всё более чёткие очертания. Чем больше он читал дневник, тем очевиднее для него

становилась одна вещь: надо сделать так, чтобы все узнали о Данг Тхюи Чам. Он писал моей матери: *«Покинув Ханой, чтобы оказаться на войне, Тхюи ещё не знала, что такое война. После трёх лет в Дыкфо изменились многие вещи, о чём она писала в дневнике, да и сама она возмужала. И полученные ею знания и жизненный опыт ещё больше укрепили решимость, которую в ней с детских лет воспитывала семья. Она научилась тому, чему мы все должны научиться... Она получила уроки чести, сострадания, ответственности, самоотверженности и верности идеалам, уроки, благодаря которым она продемонстрировала пример любви ко всем людям, к красоте и к Человеку. Я знаю, что у Тхюи не было намерения писать с тем, чтобы весь мир затем читал её дневник, но, возможно, именно поэтому глубокая вера, которую она выразила в строчках предельно чётко и прямодушно, позволили мне увидеть, как она отважно пошла с этой верой в последний бой... И по нынешний день я единственный человек, который перечитывал этот дневник больше всех, больше, чем кто-либо. Я говорил Вам раньше и повторяю ещё раз: никогда я не усматривал в этой истории ничего такого, что могло бы заставить Вас или ещё кого-то страдать. Но искренние слова Тхюи о любви или её обращение к своей семье, волнуют любого, кто читает этот дневник. И вот уже обстановка непрерывных боёв и заботы Тхюи о раненых понемногу становится для нас обыденностью...»* (письмо от 28 мая 2005 года).

О существовании Вьетнамского центра

(Vietnam Center) в Техасском технологическом университете, который ежегодно проводит конференции о вьетнамской войне, Роберт узнал из Интернета. В этих конференциях участвуют люди разные во всех отношениях: учёные, послы, генералы, ветераны вьетнамской войны с обеих сторон – с Севера и с Юга. Роберт уговорил Фреда отправиться на очередное такое собрание и рассказать там о дневнике женщины-врача. О том, как проходила эта конференция, я уже упоминала. Многим её участникам Роберт и Фред с большим волнением вручили компактные диски – копии дневника Тхюи. Братья Уайтхёрст надеются, что подобно тому, как это случается в прекрасной сказке, дневник вернётся на родину, в семью почитаемой ими героини – женщины-врача.

* * * *

Я благодарю Роберта Уайтхёрста, который сохранил дневники человека, находившегося по противоположной стороне военных действий, который упорно искал возможность прочитать эти дневники, берёт их в то время, когда в его стране ещё было немало людей, враждебно настроенных к Вьетконгу, и который спустя так много лет, живя в другой части земного шара, искал возможность вернуть их моей матери.

Я благодарю старшего сержанта Нгуен Чунг Хиеу, который спас дневник моей старшей сестры от сожжения, поняв, какой в нём кроется огонь, а затем передал дневник Фреду, словно выполняя по-

ручение моей сестры. Хиеу, где Вы? Если прочитаете эти строки, отзовитесь, – мы хотели бы взглянуть в ваши глаза и иметь возможность сказать друг другу, что голос любви и надежды на мир способен преодолеть любую фронтовую полосу и дойти до всех искренних сердец.

И ещё я благодарю Роберта Уайтхёрста, американского ветерана, который написал мне слова, идущие от всего сердца: «Слово Тхюи – это мост, возведённый через идущие реки равнодушия, столько горечи, о грусти, ошибочной веры, которые разделили два наших народа на очень долгое время...».

Да, я убедила мою мать Зоан Нгок Чам – мать моей старшей сестры Данг Тхюи Чам, героически погибшей на войне, дать согласие на публикацию этой книги, несмотря на то, что вплоть до настоящего времени она не решается перечитать истекающие кровью строки, написанные рукой её любимой дочери 35 лет назад. Моя мать тоже верит, что эта книга станет мостом, который соединяет прошлое с настоящим и с будущим...

ДАНГ КИМ ЧАМ

ĐẶNG THÙY TRÂM

- 22 -

Lấy ảnh thay vào đây

NHẬT KÝ

ĐẶNG THÙY TRÂM

(Tái bản có sửa chữa)

ĐẶNG KIM TRÂM chỉnh lý
VƯƠNG TRÍ NHÀN giới thiệu

Nhà xuất bản Hội Nhà văn

ĐANG THỤY TRÂM
Дневник врача на войне

Перевод сделан по тексту книги:
Đặng Thùy Trâm. NHẬT KÝ ĐẶNG THỤY TRÂM
Hà Nội, Nxb Hội Nhà văn, 2010

Книга первая^(*)

(1968 -1969 гг.)

^(*) Первая книга дневника велась с 8-го апреля 1968 года по 4-е декабря 1969 года. Из материалов, захваченных армейским подразделением США после карательной операции в Дыкфо в конце декабря 1969 года, блокнот с дневником был оставлен на хранение Фредериком Уайтхёрстом и Нгуен Чунг Хиеу.

Cái quý nhất của con người là cuộc sống
đời người ta chỉ sống có một lần, phải
sống sao cho khỏi phải xót xa ân hận
vì những năm tháng sống hoài sống
phí, cho khỏi phải hổ thẹn vì những
năm tháng sống hoài sống phí, để
khi nhắm mắt xuôi tay ta có thể nói
ràng: "cả đời ta, cả sự ta đã hiến
đáng cho sự nghiệp cao đẹp nhất trên
đời: Sự nghiệp đấu tranh giải phóng
loài người."

N. A. OSTROTSKY.

"Đời phải trải qua giông tố nhưng
chớ cúi đầu trước giông tố."

"Самое дорогое у человека – это жизнь. Она да-
ётся ему только один раз, и прожить её надо так,
чтобы не было мучительно больно за бесцельно про-
житые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и
мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся
жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в
мире – борьбе за освобождение человечества".

Н.А. Островский

"В жизни приходится преодолевать бури, но нель-
зя склонять голову перед ними".

8 апреля [1968 г.]

Провела операцию удаления аппендицита с обезболивающими, которые состояли, увы, лишь из нескольких ампул новокаина. Очень жалко было этого молодого бойца. Во время операции он не издал ни звука. И даже улыбался, подбадривая меня усталой улыбкой губ, пересохших от боли. Меня очень тревожило то, что обнаруженная в животе инфекция появилась не из-за разрыва аппендикса. Около часа искала причину, но не нашла, пришлось зашить рану, поставить дренаж и вводить антибиотики прямо в брюшную полость. Как врач я не могла быть спокойна, но и не могла не восхищаться этим бойцом. Тихо поглаживая больного по голове, мне хотелось сказать ему: когда не можешь спасти таких людей, как он, то будет нелегко преодолеть эту боль в своей дальнейшей профессиональной жизни.

10 апреля [1968 г.]

Итак, сегодня вы двинетесь в путь, но не изгладится память о вас в опустевших джунглях. Вы уйдёте, но хранить ваши образы будет всё, что здесь есть: дороги, милые скамейки, стихи, исполненные любви. Слышу, как Туан отдаёт приказ:

«Надеть рюкзаки. Вперёд!». Эти пошитые из американских мешков нескладные рюкзаки ловко сидят на плечах. И всё же парни медлят, останавливаются передо мной, чтобы пожать руку в последний раз. И тут вдруг меня охватывает невероятной силы тоска по Северу, словно ливень обрушивается на речную гладь. И... я начинаю рыдать так, что не в состоянии отвечать на прощальные обращения бойцов. Ну, хватит же! Идите, идите, но обещаю, что наступит день, когда мы встретимся на любимом Севере.

* * * *

Всю ночь и весь нынешний день я волновалась об исходе операции Шана. И как же я обрадовалась вечером, когда наконец увидела, что он уже может сидеть! На его лице ещё видны следы боли и усталости, но на губах появилась – пока ещё слабая – улыбка. Его рука осторожно коснулась моей – в знак признательности и доверия. О, молодой, храбрый, раненый боец, я бесконечно тебя люблю, это любовь врача к своему пациенту, любовь старшей сестры – к заболевшему младшему брату (хотя ты и мой ровесник). И кроме того, это любовь – к человеку вообще, потому что она вызвана ещё и восхищением.

Увидел ли ты это в моём взволнованном взгляде? Почувствовал ли ты нежность, когда моя рука погладила твою рану, твои худые, посиневшие руки? Желаю тебе, Шан, быстрее поправиться, вернуться к своим боевым товарищам, вернуться к своей старенькой одинокой маме, которая с нете-

рпением ждёт тебя каждый час, каждую минуту.

12 апреля [1968 г.]

Вечерние джунгли после дождя, прозрачные листья деревьев в солнечных лучах, хрупкие, бледные, как руки девушки, заточённой во дворце.

Воздух чист и словно напоен грустью. Вся больница погрузилась в молчание, из помещения для персонала слышен голос Хьюнг – она с кем-то тихо разговаривает. Меня охватывает бесконечная грусть. О ком я тоскую? Об отце, о матери, о тех, кто только что отправился в путь, ...и о больном, который ждёт, когда я снова подойду к нему. В этой тоске кроется глубокая печаль, затаённая, но очень тягостная. Душевная рана всё ещё кровоточит, и хотя я пытаюсь подавить её работой, другими воспоминаниями, – она снова пробуждается, вызывая бесконечные страдания. Забудь, Тхюи¹! Забудь и ищи себе новую, более ясную, верную надежду. Призови гордость и отбрось отчаяние. Да не достоин тот человек моей чистой, светлой и верной любви!

Дорогие вы мои и любимые люди в Дыкфо, кто из вас поймет меня? Кто посочувствует моей душе, моему сердцу? Сердцу девушки, преисполненной надежд и мечтаний, которым не суждено было найти понимание и отклик.

¹ Так себя иногда называла автор дневника – Данг Тхюи Чам.

13 апреля [1968 г.]

Я получила письма из разных мест. Спасибо всем, кто выражает мне свои искренние чувства. Читать письма радостно и грустно. Ну, почему я вызываю у всех этих людей подобные чувства, и лишь один человек, в ответ на мою светлую и искреннюю любовь повел себя недостойно? Правда же это грустно, М.? Я бы охотнее заполнила опустевшую часть своей души любовью всех этих людей, но не получится – сердце по-прежнему упрямо бьётся в ритме 20-летних, оно переполнено любовью и прежними чувствами.

Ну всё, достаточно. Сердечко, уймись и веди себя спокойно – как море в безветренный вечер.

14 апреля [1968 г.]

Стихотворение, подаренное мне раненым бойцом, который сейчас лежит в больнице, исполнено чувств признания и благодарности мне – врачу, от души заботившемуся о нём и других пациентах. Он хорошо понял меня и посвятил мне стихи, выразив в них и неподдельное уважение ко мне и глубокое сочувствие моим неудачам. К девушке, которую предал любимый человек, были обращены горькие слова сострадания.

Читала стихи, и мне было очень грустно... Не могла удержаться, чтобы не приписать в конце их одну строчку: «Спасибо за любовь, но, видно, ты

не понимаешь Чам. Обещаю, что наступит момент, когда ты поймёшь девушку эпохи СОЦИАЛИЗМА». И я вернула ему стихотворение.

О-ох! Самое неприятное в истории с М. было то, что все осуждали его и сочувствовали мне. Но как же я страдала от такого отношения с оттенком жалости! И хотя Тхиет, Хао, Нгинь и другие соперничали мне, и хотели выразить это, но я не желала утешений. Я была в состоянии сама со всем справиться, мне хватало сил, чтобы похоронить, закопать глубоко в землю девять лет любви и надежд. И эти клочки земли всё ещё плодородны, всё ещё полны сил, там всё ещё можно сеять в ожидании сезона прекрасных цветов.

Но, друзья мои, не нужно поливать эти клочки земли слезами сочувствия. Благоухающие цветы надо поливать прохладной и чистой водой.

С каждым днём чувства к М. постепенно стирались, уходили, всё больше появлялось причин для упреков. И я буду продолжать отдаляться от него. Разве он достоин меня?

... апреля²

Тишина послеобеденных часов окутала джунгли. Узнав, что Шан почувствовал себя хуже, я решила его проведать. Все в комнате спокойно спали, включая и того пациента, к которому я пришла. Не

² Дата написана неразборчиво. Возможно, это 15 апреля.

желая его беспокоить, я повернулась и тихо направилась к выходу, но услышала стон Шана и решила вернуться. Он застенчиво улыбался... (*Запись неразборчива*). Он не выглядел страдающим и, возможно, просто хотел меня увидеть. Весь нынешний день я была занята. Разговор шёл не о его ранении, и он спросил меня: «Именно в этот день Вы приехали в Дыкфо, верно?»

- Ровно год назад, Шан.

Я ответила, но его вопрос меня удивил. Хотела сесть и поговорить с Шаном о прошлом годе, когда на его родной земле шла напряжённая и тяжёлая борьба, которой можно гордиться, но почувствовала, что говорить об этом будет трудно. Что значат мои дела в сравнении с тем, что совершили Шан, все жители Дыкфо, упорно сражаясь уже двадцать лет? А говорить с Шаном о том, как в разлуке я скучаю по своей семье, ещё более бессмысленно.

У Шана есть только старенькая мама. Его отец умер, когда матери было всего 22 года. И она пожертвовала своей молодостью, посвятив себя воспитанию сына. А когда Шану исполнилось 19 лет, он ушёл в армию. За прошедшие пять лет ему часто приходилось смотреть смерти в глаза, но он каждый раз оставался жив. Совсем недавно, примерно месяц назад, противник внезапно атаковал наши позиции, но Шану удалось вырваться из когтей вражеских солдат. Пятнадцать его товарищей геройски погибли. Ещё немного - и для Шана всё было бы кончено, – он тоже мог пасть навсегда у подножья горы Кыа, а его мать выплакала бы

себе глаза – никогда уже у неё не будет сына.

И сегодня его принесли ко мне. Согласно какой же логике я должна позволить смерти отобрать любимого сына у матери, которая сейчас волнуется и надеется, готова на всё ради него? Никогда! Из всех сил я буду биться за Шана, так же, как и за всех пациентов. И разве не в этом гордость и обязанность врача?

* * *

Получила письмо и подарок от Ван. Как жаль её! В жизни Ван полно горечи, чего люди, подобные ей, никак не должны были бы испытать. Ван живёт жизнью, исполненной альтруизма и надежд, революционными порывами. И она бы должна была быть вознаграждена за это. Почему в её жизни так много несчастий?

Если я это понимаю, то должна чувствовать свою ответственность, вселять в неё радость и веру конкретными поступками.

17 апреля [1968 г.]

Попрощалась с Ки и Фыонг³. Прожив вместе с ними целый год, я только сегодня поняла, как любят меня эти близкие люди.

Уже поздно вечером, после небольшой прощальной вечеринки Ки заглянул в мою комнату.

³ Нгуен Тхань Ки и Май Тхюи Фыонг – медицинские работники.

Мы не знали, о чём говорить. Он сел, держа открытую тетрадь, в руке – ручка, в тетради – ничего не значащие, написанные им строки. Времени осталось очень мало. Тебе ещё нужно сказать и написать важные вещи. Что же ты молчишь, Ки? Неужели ты намерен говорить со мной молча, глядя на меня покрасневшими от бессонных ночей глазами и улыбаясь грустной, сумрачной улыбкой на худом, изможденном лице? Ты слегка приобнял меня своими сильными худыми руками. Этот твой обычный знакомый жест сегодня почему-то очень меня растрогал. Я пошла тебя проводить. Дошла до ручья, а затем, понутив голову, вернулась к себе в комнату и увидела записку, которую ты оставил для Лиен⁴. Несколько коротких строчек, в том числе и твои пожелания: «Ты и Чам должны по-настоящему любить друг друга. Чам здесь одна, её семья далеко отсюда, у неё есть только друзья...». Спасибо тебе, Ки. Я никогда не забуду твоего душевного отношения ко мне.

И в последний вечер, уютно пристроившись на груди Фьонг, я слушала её советы. Я была спокойна и молчала, и только тёплые слёзы текли по моим щекам и капали на лицо Фьонг. Увы, Фьонг, я и сегодня ещё не член партии, и это очень огорчает.

22 апреля [1968 г.]

⁴ Чан Тхи Ми Лиен – медсестра, близкая подруга Данг Тхюу Чам. Имя Лиен часто упоминается в дневнике Данг Тхюу Чам в период между апрелем 1968 и июлем 1969 года.

Эх, Хыонг! Неужели ты погибла? Я услышала эту весть, и мне стало дурно, как в ночном кошмаре. Когда же кончится непрерывная боль – сегодня пал один человек, завтра – другой. Кровь и плоть спрессовались в огромную гору, выросшую у нас перед глазами. Когда? Когда, когда, товарищи? Когда же мы наконец прогоним с нашей земли эту орду кровопийцев?

И вот – конец. Никогда больше не будет тех ночей, на протяжении которых мы шептались, поверяя друг другу свои мысли и чувства. Я всё ещё слышу низкий, взволнованный голос Хыонг. Она утешает меня, поддерживает, хвалит за постоянство в любви. Теперь всё кончилось: совместные купания у ручья, совместные трапезы и чаепитие. Я вдруг вспомнила тот день, когда встретила тебя, Хыонг на берегу ручья в Нгиахане⁵: ты обняла меня, поцеловала в волосы и щёки, и у нас обеих навернулись на глазах слезы.

Смотрю на дядюшку Конга, – он безмятежно спокоен: до него ещё не дошла эта ужасная новость. И мне вдруг стало так больно, как будто на мои раны обильно посыпали соль. Потерять такую дочь, как Хыонг, – больнее, чем потерять какую-то часть тела. Ох, дядюшка Конг, подави свою боль, когда узнаешь эту весть! И ты Куанг⁶, честный и прямодушный парень, столько лет ждавший Хыонг. Твоей мечте уже никогда не суждено осуществиться. Твоя любимая теперь навечно покоится в земле родного края.

⁵ Нгиахань – район в провинции Нгиабинь.

⁶ Куанг – любимый парень Хыонг.

24 апреля [1968 г.]

Очень тяжёлый день. Три операции тяжело-раненых бойцов одновременно. Весь день провела у операционного стола, напряжение сил достигло предела не только из-за ранений поступивших пациентов, но и от раздирающего душу плача дядюшки Конга, от хлынувшего на нас потока печальных известий.

При выполнении боевого задания был схвачен Дыонг. Сможет ли этот живой и непосредственный паренёк вынести пытки вражеских палачей? Безумно жаль его. Он так и не получил посланное ему письмо: отправитель погиб, а адресат – схвачен!!! В ушах звучит грустная мелодия песни: «Душа матери безбрежна, как море в штиль. Ласковые слова её колыбельной тихо журчат, подобно струям ручья». Был ли это голос Дыонга в тот вечер? Или же то был его стон в темнице, когда он думал о своей старенькой матери, положившей всю свою жизнь на то, чтобы вырастить сына, всю свою радость и надежды вложившей в любимого ребёнка?

Сколько же матерей, таких же, как мать Дыонга, ещё будут страдать и плакать, пока не иссякнут все слёзы?

Ой, если мне суждено погибнуть, то с моей мамой будет так же, как с этими матерями, посвятившими жизнь воспитанию своих детей. И она будет всегда страдать из-за того, что её дочь погибла в огне войны. Мама! Что я могу сказать тебе? Что я очень-очень люблю тебя, но мне пришлось уехать далеко от

родного дома. Вражеские войска всё ещё здесь. И сколько ещё матерей потеряют своих сыновей и дочерей, сколько мужей потеряют своих жён. Какая же это боль!

25 апреля [1968 г.]

Продолжают поступать печальные вести: группа кадровых работников из Дыкфо, возвращаясь с учебы в провинции, подверглась атаке противника. Говорят, несколько человек погибли. Нгиа⁷ тоже был в этой группе, и неизвестно, что с ним. Он очень решительный, храбрый, он способен быть лидером группы. Если с тобой, Нгиа, что-нибудь случилось – что я смогу ещё сказать? Сколько одиноких тихих ночей мне предстоит проплакать? Или же мои слёзы высохнут и превратятся в пламя ненависти, которое будет гореть в моём сердце? Все эти дни я буду надеяться, что ты вернешься, а сейчас...

26 апреля [1968 г.]

Получила письмо, когда вернулась из X8⁸, но

⁷ Речь идёт о её близком друге – Нгуен Тиен Нгиа, которого она считала своим названным братом.

⁸ X8 – зашифрованное название организации Фронта Национального освобождения Южного Вьетнама в Дыкфо.

это письмо не от М., а от Тама. Прочитала письмо, и стало очень грустно. Те дни давно ушли в прошлое, так зачем же снова всё ворошить, Там? Ты любишь меня, но невольно заставляешь меня страдать. Пишешь мне о болезни М., о том, что понимаешь и любишь меня, но на самом деле ты совсем меня не знаешь. Неужели ты так и не понял, что у образованной девушки, такой как я, есть самолюбие, гордость? Ну а если понял, то... лучше обсудим текущие дела: как хорошо работать, проявлять бдительность. И только это.

30 апреля [1968 г.]

Опять грустишь, Тхюи? Проведено несколько операций тяжелораненых, у которых, казалось, не было надежды выжить. А ведь сегодня их положение стабилизировалось, на их ещё бледных, синеватых от потери крови лицах появились улыбки. Разве это не радует тебя, Тхюи?

И всё же грустно. И это щемящее чувство проникает в моё сердце, подобно тому, как капли воды после обильного дождя просачиваются глубоко в землю. Так хочется быть спокойной и радостной, но никак не получается, эти мысли уже избородили мой мозг. Как их разгладить? Для этого мне надо целиком сосредоточиться на том, чтобы хорошо лечить раненых бойцов, улучшать условия в больнице. Ну почему я родилась мечтательницей, полной любви, так много требующей от жизни!

Многие мечтают о такой жизни, как моя: у меня дружная семья, все живы, в профессии и раньше, и сейчас у меня есть условия для движения вперёд, есть работа по моим способностям, люди ко мне внимательны. Так чрезмерны мои требования или нет?

Отвечай же, Тхюи, упрямая девушка с трудным характером.

1 мая [1968 г.]

Вот снова в джунглях встречаем День международной солидарности трудящихся, это долгий день молчания, день воспоминаний. Я скучаю о Ханое, о маме, о моих сестрах и брате⁹. Едва задремала в середине дня, как приснилось, что я вернулась в Ханой, встретила с мамой и с сёстрами в здании Медицинского института¹⁰. Всё та же узенькая дорога, те же ворота в доме доктора Нгиепа¹¹. Чтобы выйти на улицу, я протиснулась через сломанную решетку ворот так же легко и естественно, как я делала это в детстве. Уже больше года я живу вдали от дома. И будет ли этот год последним в нашей разлуке? Я вдруг вспомнила дни перед КН¹², радостные и полные

⁹ Данг Тхюи Чам была старшей дочерью в семье, у неё было три сестры и один брат.

¹⁰ Имеется в виду Институт повышения квалификации медицинских работников, расположенный на улице Зянго в Ханое.

¹¹ Чан Хью Нгип – бывший ректор Института повышения квалификации медицинских работников в Ханое.

¹² КН – сокращение на вьетнамском языке (*khôi nghĩa*), означающее «Восстание [на Юге]» в 1960–1961 годах.

надежд... сейчас... Так пусть будет так, как тогда, почувствуем радость победителей – ведь победа у них уже в руках. «Марш победителей» ещё звучит в ушах: «Выходите на улицы, и пусть суждено нам погибнуть, – но мы завоюем власть и отдадим её народу».

4 мая [1968 г.]

Я замолчала, прервав разговор. В сумраке все так же ощущаю беспокойство двух больных, которые разговаривают со мной. Кажется, они переживают тягостное молчание, пропитанное моими слезами. Они от всей души сочувствуют мне, но чем больше они говорят, тем мне тяжелее. Они спрашивают, почему я не борюсь за свои политические права, почему, если я достойна быть членом партии, партийная ячейка не принимает меня в свои ряды? Почему, почему, почему? Кто ответит этим двум уважаемым людям? Я не смогла им дать откровенный ответ. Но моё тягостное молчание многое говорило об этом тупиковом положении. Кажется, все считают, что Чам вполне достойна быть коммунисткой, однако она всё ещё не состоит в их рядах. Значит, нельзя быть искренней? Ведь чем большую я проявляю искренность, тем мне труднее.

В эти дни мне было очень грустно. И всё же я могу найти слова, совершить какие-то поступки, чтобы раскрыть свои настоящие чувства. Но именно эти чувства и стали фитилём, от которого

зажётся огонь в куче давно высохших дров. Почему все люди любят меня, относятся с уважением, а партия так строга и ничего не видит?

5 мая [1968 г.]

Эх, М., что же я могу тебе сказать? По-прежнему люблю тебя, но эта любовь переплетается с гневом и осуждением. Ты говорил, что я не понимаю тебя. Это не так. Я понимаю тебя, но не во всём. Поэтому, когда все вокруг смотрят на меня с сочувствием, никак не удается отойти от переживаний. И такое отношение ранит моё самолюбие. Это рана, которая никак не заживает. Выходит, что она всю жизнь будет беречь мне сердце!

Слышала, ты серьезно нездоров, и это меня расстроило, – очень за тебя тревожусь. Будь я рядом, я бы позаботилась о тебе. Похоже, что наши роли нам предопределили другие (хотя в действительности это не так).

Эх, М., ты не мой, но я хочу своей любовью помочь тебе и уменьшить твою боль и мучения. Но как же сейчас я смогла бы сделать это? Предчувствие говорит мне, что мы больше с тобой не увидимся, и то прощание действительно стало последним. Ты стоял и смотрел мне вслед, а я шла и не оборачивалась, хотя знала, что твои чёрные глаза следовали за мной. Секунды в объятиях любимого человека остались как образ далекого прошлого.

6 мая [1968 г.]

Вокруг меня происходит много такого, что вызывает головную боль. Вот уговорила себя, что нельзя быть чрезмерно требовательной, что все вокруг – замечательные люди. Я пришла к выводу, что «в жизни приходится преодолевать бури, но нельзя перед ними склонять голову». И вот бури и грозы пришли ко мне, и снова это – не сильные и не постоянные грозы, бушующие в конце лета.

Радуйся, будь рада доброжелательным улыбкам пациентов, когда они смотрят на тебя.

Будь рада тому, что большинство кадровых работников в уезде, провинции этого края относятся к тебе с искренней любовью.

Вот так-то, Тхюи. И перестань ещё чего-то требовать. Партия? Партия в результате непременно увидит, чего я стою. Среди окружающих людей гораздо больше тех, кто любит меня, восхищаются мною, чем тех, кто ненавидит. В конце концов они ненавидят меня из зависти.

9 мая [1968 г.]

Приходится жить в условиях, когда надо быть скромной, но в то же время верить в себя, проявлять независимость суждений. Поступая правильно, я смогу гордиться собой. Для этого чистая совесть – самое ценное средство. Надо понять это, чтобы сделать её основой для веры в себя. Почему

я должна сомневаться, если знаю, что поступила правильно? Жизнь – это не только чувства, есть и разум. Понимаешь ли ты это, упрямица?

12 мая [1968 г.]

Конференция в Париже! Будет ли так как в те памятные дни 1954 года? Я с волнением слежу за новостями и знаю наверняка, что победа на конференции будет предопределена победами на фронтах войны. Значит, надо морально готовиться к вступлению в последний и решающий этап войны, чтобы в ней показал свое превосходство сильнейший. Несмотря на то, что кто-то погибнет, – а кто-то погибнет, – это дни настоящей радости. Тогда подлинный мир вернётся в нашу страну. Уже больше двадцати лет пламя боли всё ещё полыхает над мирными полосками земли. Уже пролито много слёз, положены тысячи жизней. Нам ничего не жалко для того, чтобы завоевать независимость и свободу.

14 мая [1968 г.]

Строчка, написанная на столе: «Моя дорогая старшая сестра Чам...». Это написал Шан. Так просто и так трогательно. Мои симпатии к Шану росли с каждым днём. Однажды я сидела и разговаривала с

Шаном, он называет меня старшей сестрой, хотя я младше его на несколько лет. Мы препирались: в случае, если одному из нас придется принять смерть, то кто это должен быть – я или он? Я уступила Шану право остаться в живых, потому что ему ещё в жизни не довелось испытать минуты счастья, и к тому же он единственный сын у старой матери. Овдовев в 22 года, она так и не вышла больше замуж, одна воспитывала сына и жила с ним вплоть до последнего времени. Однако Шан упрямо настаивал, что жить нужно мне – я должна вернуться к матери, к сёстрам и брату, которые ждут меня на любимом Севере. Понятно, что это был пустой спор, который ни к чему не обязывал, но почему-то мы, «старшая сестра и младший брат», почувствовали ещё бóльшую взаимную приязнь. Мне хотелось выразить ему свою искреннюю и чистую симпатию, но я боялась, что такое моё отношение может быть кем-то истолковано неправильно. Шан старше меня на 3 года, у него есть жена и 5-летний ребёнок.

17 мая [1968 г.]

Война всё ещё продолжается. Смерть наступает людей каждый день, каждую минуту, и это происходит так же легко, как шлепок рукой. Ещё вчера вечером мы разговаривали с Тхином и Шаном. Тхин советовал Ле купить ткань, чтобы пошить кофточку. А сегодня ночью оба они – два безжизненных тела, погребённые под покровом земли в Дыкфо. В этом краю они оказались

впервые. Умереть стало слишком легко, и нет никакого способа предотвратить потери. Как жаль!

Лиен была права, когда сказала, что нужно жить и быть доброжелательными друг к другу, любить друг друга, иначе потом, если наши друзья погибнут, придётся горько сожалеть. И тогда мы поймём, что мало любили друг друга, не приходили на выручку друг другу, когда это было нужно. Лично я так всегда и поступала. И откровенно говоря, я по-прежнему симпатизирую всем людям и люблю их со всей искренностью.

Я чувствую ответственность за всех пациентов нашей больницы, сопереживаю им, особенно в критические фазы болезни. Вот почему как бы мы ни были отдалены друг от друга, всё равно можно почувствовать, что между нами, пациентом и врачом, существует некая связь, и что-то приближает ко мне пациентов. Они называют меня *старшей сестрой*, хотя им больше лет, чем мне. Они весело шутят и даже немного капризничают. В тяжёлые и суровые дни я заряжалась от них спокойствием и весёлым настроением.

Что же касается личных дел, то перестань думать об этом, Тхюи. А тучи, которые появляются на небе, гони к самому горизонту, не позволяй им посеять сомнение в твоей душе.

20 мая [1968 г.]

Сегодня проводили наших пациентов, которые

возвращались в ряды бойцов. Следовало бы радоваться, однако и тем, кто уходил, и тем, кто оставался, было очень грустно. Проведя целый месяц в больнице, раненые привязались ко мне не только в силу симпатии, которая возникает обычно между пациентом и врачом – к этим чувствам прибавилось и глубокое взаимопонимание, свойственное дружбе.

Сегодня они отправились в путь. Будут ли они помнить те долгие ночи моего дежурства, которые мы проводили в беседах? Запомнят ли те дни, когда весь персонал больницы был брошен на доставку риса, и им, словно обычным медработникам, пришлось ассистировать мне во время операции? Запомнят ли, как ночью при свете керосиновой лампы они старательно протирали медицинские инструменты?.. Какие это были замечательные дни! Когда же мы встретимся снова, и доведётся ли нам ещё свидеться, мои любимые друзья?

25 мая [1968 г.]

Все эти дни тоска терзает мне душу. Что же меня так гнетёт? Только ли грусть, кровоточащей раной засевавшая в моем сердце? Или что-то ещё? В обществе по-прежнему нет справедливости, и это проявляется ежедневно. По-прежнему существуют «жучки», которые подтачивают честь партии. И если этих вредителей не уничтожить, то они разрушат

веру в партию. Мне очень грустно, что я до сих пор ещё не встала в ряды коммунистов, чтобы вместе с ними бороться до победного конца. Может быть, именно по этой причине они продолжают колебаться, не решаясь принять меня в партию, хотя все члены ячейки, многие ответственные работники этого уезда и провинции, следившие за ситуацией, высказывались за положительное решение моего вопроса. Чем больше думаю, тем становится грустнее. Хотела было поделиться с родными, рассказав об этом раздирающим мне душу противоречивом чувстве, но потом решила промолчать. Сможет ли кто-нибудь понять меня? Кто, как и я, должен жить в такие тяжёлые, тягостные дни? Жить в любви и не быть счастливой, потому что всегда находятся люди, ревнующие к этой любви, которую проявляют ко мне многие люди. Приходится признать, что у жизни есть как хорошая, так и плохая сторона. И никогда не бывает, чтобы жизнь повернулась к тебе только хорошей стороной. Почему же, Тхюи, тебе приходится всегда слишком страдать?

29 мая [1968 г.]

Тяжёлые дни следовали один за другим. Погрузившись в работу, я заставила себя забыть об этом неприятном чувстве – злости, но вскоре она снова стала терзать мой мозг, как уколы колючего растения. Я спрашиваю всех вас: почему так? Почему мы, владея таким инструментом воздей-

ствия, как критика и самокритика, не пользуемся им и позволяем нарывам старой идеологии появляться в наших мозгах? Почему, будучи правы и составляя большинство, мы не боремся с меньшинством и позволяем ему создавать трудности, чинить препятствия коллективу? Следует признать, что везде есть люди хорошие и плохие. Следует признать, что противоречия - это естественная закономерность общественного развития, но нельзя по этой причине капитулировать перед ними. Наша задача – бороться за то, что правильно. А если бороться, то надо прилагать усилия, думать, жертвовать своими личными правами, а иногда и собственной жизнью за право одержать победу.

Вот так-то, Тхюи! Когда осознаешь классовые цели, задачи и права партии, – вся твоя жизнь, Тхюи, будет связана с её делом! Тебе придётся пострадать, Тхюи, тебе будет больно, когда этому делу будет нанесён урон. Ты будешь счастлива, Тхюи, когда это дело окрепнет. Так, что же ещё, Тхюи?

31 мая [1968 г.]

В районе опорных баз была проведена крупномасштабная карательная операция. В обстановке полной суматохи пришлось полностью эвакуировать больницу. Сердце разрывается от боли, когда вижу раненых бойцов, по серым лицам которых струится пот. Напрягая все силы, они с трудом делают шаг за шагом, преодолевая спуски и подъёмы на местности. Давайте навсегда удержим

в памяти эти картины, и, если нам доведётся снова жить в прекрасных условиях социалистического строя, вспомним их, вспомним жертвы людей, которые проливали кровь за общее дело. Кто заставляет нас терпеть такие мучения, товарищи? Это дьяволы, грабящие нашу страну, и они всё ещё находятся на нашей земле...

О, раненые бойцы, которых я люблю, как родных мне людей, смейтесь в трудные минуты, сохраняйте неггибаемый оптимизм, который проявляете уже давно, какой бы трудной ни была ситуация!

1 июня [1968 г.]

Сегодняшнее утро. Джунгли после непродолжительного дождя сверкают посвежевшими зелеными листьями. Воздух чист и прозрачен. На меня почему-то вдруг нахлынули нескончаемые воспоминания о Севере. Вот перед мысленным взором всплыли тенистые аллеи деревьев вдоль улиц, зеленые, поблескивающие последними каплями недавнего дождя деревья *банг* и *шау*¹³, чистые асфальтированные улицы по утрам. Вспоминается обычная, в скромном убранстве, но очень уютная комната. Утро знаменуется веселым смехом и звуками радиоприёмника, расположенного в центре нашего жилища. Вспоминаю маму, отца, сестрёнку Фьонг¹⁴

¹³ *Банг и шау* – виды тропических деревьев.

¹⁴ *Фьонг* – младшая сестра Данг Тхюу Чам.

и всех других любимых людей. Когда же перестанут грохотать залпы военных орудий, и мы сможем вернуться на наш любимый Север! На земле Юга, охваченной огнем и покрытой дымом, понесли тяжелые утраты почти все 100% семей. Смерть, боль и страдания обрушились на наших людей. И чем больше они страдают, тем сильнее их ненависть, тем у них больше сил для борьбы. Жизнь каждого южанина – неоценимый урок для меня. Быть здесь – это ведь для меня и почёт, и привилегия, не так ли?

Как писал в своем письме дядюшка Тхао: «Прекращай хандрить, Тхюи. Все мы сейчас смотрим на Юг, и там у каждого из нас есть хотя бы один человек, который сражается с врагом».

Я уехала, а сколько разных людей следит за каждым моим шагом, ожидая и веря, что я одержу победу. Да, я победила в прошлый сухой сезон, небывало жестокий, но нужно и дальше стараться, чтобы побеждать вместе со всей страной и...

О, Тхюи, побори всю боль и грусть, гнетущие твоё сердце. Будь весела, пусть улыбка по-прежнему украшает твоё лицо, Тхюи. Не допускай, чтобы кто-то шёпотом спрашивал, почему ты грустишь, почему не можешь скрыть грусть за улыбкой, словно приставшей к твоему лицу!

2 июня [1968 г.]

Сегодня вечером идёт дождь, и его капли непрерывно скатываются с покрытой листьями крыши, с листьев деревьев, эти монотонные звуки со-

здают странную меланхолическую мелодию. Со временем из моей памяти стёрлись впечатления, которые некогда получала ученица школы имени Тю Ван Ана. Бывало она сидела, покусывая кончик ручки, забывая слушать объяснения преподавателя, рассеянно посматривала на Западное озеро, поверхность которого морщилась под мелким дождем, и думала о какой-то ерунде. Почему эти давние ощущения – и мелкобуржуазные, и юношеские одновременно – вновь ожили во мне, кадровом работнике, который заботами жизненно важной войны Соппротивления? Прошедший год помог мне лучше понять реальность. Однако реальная жизнь имеет две стороны. Жизнь по-прежнему безгранична, она полна любви, и по-прежнему – не редкость поиски любви неподдельной и жертвенной. Но... независимо от того, сколь искренней бы ты ни была, всё равно потом наступит момент, когда ты, с болью и мучением, увидишь, что на свете всё ещё есть людишки, которые умело прибегают к различным уловкам, обманывают тебя, чтобы украсть у тебя часть доверия, часть прав, иногда даже незначительные, мелкие вещи – кусок хлеба или какой-то заурядный предмет. Ты хочешь жить абсолютно безопасно, с ощущением своей правоты и чувством любви? Нет, так не получится. Всегда найдутся те, кто будет считать тебя глупой, чтобы уже потом другие могли тебя притеснять. Итак, нужно бороться, но в этой борьбе осмысленность должна сочетаться с жизненным опытом. И борьба не должна вестись между отдельными индивидуумами или группами, это будет борьба между двумя идейными течениями – отсталым и прогрессивным.

4 июня [1968 г.]

Чем больше погружаешься в реальность, тем больше чувствуешь её сложность. Почему люди столь многого требуют от жизни? Ведь никогда нельзя удовлетворить все их запросы. И чем дальше, тем больше хочется стать лучше, и тем больше различных требований и пожеланий. И следуя дальше по этому пути, на каждом шагу ты встретишь бесчисленные колючки и препятствия. И если не проявлять силу воли и крепость духа, – легко потерпеть поражение.

Эй, девушка, постоянно размышляющая о массе всевозможных проблем, к чему тебе столько думать, ведь всё равно придётся пережить много мучительного и грустного! Найди же чему радоваться, веселись, живи с готовностью прощать и жертвовать. Не проси у жизни слишком многого.

Дождь всё ещё идёт. Чем сильнее дождь, тем тягостнее на душе. Когда идёт холодный дождь, особенно нестерпимо хочется оказаться в кругу своей семьи. Ну что ж, помечтаем. Ох, были бы крылья, чтобы долететь до прекрасного родного дома на улице Лодук, и там вместе с мамой, отцом сестрами и братом съесть вкусный суп из водяного вьюнка, а затем закутаться в тёплое ватное одеяло и сладко заснуть! Вчера ночью я видела во сне, что наступил мир, и я вернулась домой и встретила со своей семьей. О, как давно зажглись сердца 30 миллионов моих соотечественников мечтой о мире и независимости! И ради этого мира и независимости мы пожертвовали всем. Сколько людей добровольно отдали свою жизнь за эти два слова – независимость и

свобода! Вот и я принесла в жертву свою личную жизнь ради этого великого дела.

15 июня [1968 г.]

О, мой дорогой дневник! Перестань третировать Тхюи за то, что она доверяет тебе, записывая свои сокровенные мысли, несущие боль и грусть. Сейчас повсюду на фронтах Юга и Севера раздаются победные залпы орудий. Победа уже рядом с нами... Но эта земля в Дыкфо по-прежнему стонет под тяжестью груза боли и ранений, на ней изо дня в день продолжает литься кровь, на неё все ещё падают тела погибших в сражении бойцов. Самое печальное в том, что в эти трудные дни, наполненные лишениями и жертвами, я пока что не увидела справедливости и правды. Ещё не ведётся борьба против подлости и мерзости, порочащих честь члена партии, умаляющих радость труда каждого сотрудника больницы.

Эх, Тхюи! Что ж, ты потерпела поражение, и хотя твои люди, – члены партии, молодежь – поддерживают тебя, но ты не сумела одолеть противодействие нескольких коммунистов, задающих тон в руководстве больницы. Во время недавнего сурового сухого сезона я ни разу не впала в пессимистическое настроение, с улыбкой жила и работала, несмотря на трудности, но сейчас я ощущаю, что на душе становится все тяжелее. Мне не страшен враг на поле битвы, но я боюсь невидимого

яда врагов, которые всё ещё пребывают в рядах моих товарищей.

Крепи свой боевой дух, ищи радость в победе, верь в себя. Надеюсь, Тхюи, что ты до конца будешь энергично бороться за дело революции.

20 июня [1968 г.]

Я потрясена письмом от Дыонга, промокшим от слёз; оно дошло до меня из застенков легальным путём. Дыонг пишет: «Прошу тебя, старшая сестра, сохрани на память это простое письмо, написанное от руки. В нём – моё сердце. И если я не останусь в живых, пожалуйста, помни, что до самой смерти я очень любил и почитал тебя, старшая сестра».

Я встретила Дыонга в жаркий солнечный полдень, когда с рюкзаком за плечами искала дорогу из провинции в Дыкфо. Этот удивительный край принял меня с любовью, и такое отношение особенно проявлял ко мне Дыонг. Я провела лишь один день в его доме, и всё это время парнишка не отходил от меня. Тогда он был ещё школьником, умным, отважным; живи он при социализме, – мог бы стать подающим надежды молодым писателем. Но здесь, в условиях чуждой, насажденной врагами школьной системы, действуют ограничения, которые ранят душу, жаждущую знаний, полную надежд и мечтаний. Эти настроения Дыонга мне понятны. За короткий срок мы привязались друг к другу как старшая сестра и младший брат. Вечером следующего дня я отправилась в место своего назначения, а

Дыонг остался. Спустя некоторое время он был схвачен врагами, когда возвращался с задания. Дыонга пытали с особой жестокостью, но он не проронил ни слова, никого из нашей организации не выдал. На него было заведено дело, – с тем, чтобы отправить на остров Кондао¹⁵. Но, к счастью, благодаря поручительству старого учителя Дыонга, этой высылки удалось избежать. И вражеские власти отправили юношу служить в марионеточную армию. Сейчас он там проходит подготовку. Удастся ли ему во время боевых действий перебежать на сторону революционной армии?

28 июня [1968 г.]

О, М., ты снова приезжаешь сюда? И снова будешь прежним М., каким был в те вечера по средам, на старой дороге? Ты говоришь, что в наших отношениях, ты, М., ни разу не сделал ничего неправильного. И если это так, то как теперь сложатся наши судьбы?

Я отнюдь не глупая, не примитивная и не ограниченная особа, поэтому и пришла к тому же выводу, что и прежде, после долгого процесса осмысления. Я не знаю, как говорить с тобой. Нет, М., не приходи и не причиняй новую боль и печаль моему израненному сердцу. Мы никогда не

¹⁵ Кондао (Пуло-Кондор) – остров в южной части Вьетнама. Расположенная там тюрьма была построена ещё в годы французской колонизации и продолжала действовать при сайгонском марионеточном режиме.

сможем быть вместе, никогда у нас с тобой не будет прочного счастья, даже если останемся живы после этой войны.

30 июня [1968 г.]

Осень ещё не наступила, но жёлтые листья уже заполнили всё пространство. Ещё никогда я не чувствовала себя такой несчастливой и одинокой. «В жизни приходится преодолевать бури, но нельзя склонять перед ними голову».

Поднимайся же, Тхюи, и даже если хлещут ливни, проносятся бури, даже если слёзы льются ручьями, страдай, но никогда не теряй бодрости духа. Полагайся на свою энергию, Тхюи, на свою веру в справедливость, опирайся на идеалы своей жизни и продолжай идти по этой тернистой и трудной дороге. Разве возможна победа без слёз, без тягостных раздумий, а иногда без крови и трупов, Тхюи?

Когда ты узнала, что любовь разбилась, ты не пролила ни слезинки. Так почему же сейчас, Тхюи, ты чувствуешь себя такой слабой?

3 июля [1968 г.]

Июль снова пришёл в наши джунгли с южным ветром и шелестом листвы. Каждое утро ощуща-

ешь прохладу, и каждую ночь спокойная луна висит над джунглями. Пышущий ярким солнцем июль в этом году снова был полон боли и ненависти. Из событий прошедших лет я помню, что конференция в Женеве¹⁶ состоялась в 20-х числах июля. Я хорошо знаю об этих днях, о великом революционном процессе, проходившем на этой земле, о героизме Вьетнама. И тем не менее, кажется, что с тех пор минуло каких-нибудь шесть лет.

Это было в Ханое, когда мягкие июльские ночи заполняют всё пространство. На опустевшей дороге я прощалась с бойцом Освободительной армии, провожая его в дорогу на священную войну. И с того дня каждый раз, когда наступал июль, я становилась старше.

Сегодня тоже июльский день, и я вместе с ранеными бойцами в лесистых горах укрываюсь от врагов, которые проводят военную операцию. Это – позиция странной уверенности в победе. Только вьетнамцы, несмотря на отступление, могут предвидеть военную победу, хотя плечи гнутся под тяжестью рюкзаков и приходится пробираться через лесные заросли и горные ручьи, чтобы ускользнуть от врага.

В памяти вдруг всплывают строки из стихотворения То Хыу¹⁷:

*Есть ли на Земле ещё такое место,
Как наш многострадальный и стойкий Юг,
Как наш родной и мужественный Юг?!*

¹⁶ Имеется в виду Женевская конференция 1954 года по Индокитаю.

¹⁷ То Хыу (1920–2002) – вьетнамский партийный и государственный деятель, поэт.

Поэт был совершенно прав. Ну разве есть на свете место, подобное этой земле? Есть ли ещё такой край, где каждый человек – отважный боец с американцами. Эта земля пропитана кровью врагов, в каждой семье носят траурные повязки по погибшим, но все южане продолжают свою борьбу с удивительным упорством и оптимизмом.

О, Тхюи, какая же честь для тебя встать в ряды этих бойцов!

5 июля [1968 г.]

Один из друзей М. приехал в нашу больницу. История, которую он поведал, была рассказана с целью возродить мои отношения с М. Но получилось совсем наоборот: она опечалила и задела моё самолюбие. По правде говоря, М. не достоин моей искренней любви. Но почему же все так советуют мне простить и вернуться к нему? Нет, я никогда не приму «подлатанную» любовь. Да и М. не следует добиваться моего прощения. М. уверяет, что ни разу не поступил нечестно по отношению ко мне. И это неправда. Именно в день нашего расставания, восемь лет назад, он признался, что совершил ошибку, объяснившись в любви девушке, с которой, как он знал, не следовало заводить разговор о чувствах и создании семьи. И это положило начало череде других ошибок, которые М. продолжал совершать.

О, М.! Что бы ты сказал, прочитав эти строки?

Пришлось бы потратить много ночей в спорах со мной в попытках доказать свой рационализм.

6 июля [1968 г.]

Получаемые мной бесхитростные, тёплые письма, как и прежде, ничем меня не успокаивали, не убавляли моей тоски. Друзья помнят обо мне, сопереживают мне, но почему-то я по-прежнему чувствую себя одинокой. Правда, я вступила в ряды самого передового коллектива – партии. Словно к огню, моё сердце стремится к партии, чтобы согреться. Я пришла к партии с бесхитростным и открытым сердцем, но, кажется, не встретила такого же приёма. Вот и М. – он тоже не заслужил доверия. В жизни есть три большие ценности: Идеалы, Карьера и Любовь, и всё это прошло мимо меня. Вот почему я не грущу.

В эти дни я всё время думаю о доме, которого мне не хватает. Сквозь шум ветра в джунглях мне слышится шелест листьев в зарослях сахарного тростника позади нашего дома, лёгкий треск трущихся друг о друга пальмовых листьев... Ослепительное летнее солнце. Мне кажется, что я сейчас вместе с сокурсниками весело прохожу по солнечным коридорам больницы «Батьмай», в которой я практиковалась. Каждый образ, каждый звук оживает в памяти дни, прожитые на социалистическом Севере. Как там сейчас? Как дела на работе у папы и мамы? Есть ли у них там какие-нибудь

проблемы? Дорогие, любимые папа и мама, ваша дочь, которую вы баловали с детских лет, сейчас вступила в настоящую жизнь, реальную, многообразную жизнь, в которой есть любовь, ненависть, вера, боль. В ней также много крови, слёз, пота и побед, одержанных ценою трудностей и жертв миллионов.

Папа и мама, верите ли вы, что я преодолею это? Ваша склонная к меланхолии эмоциональная дочь, полна веселья и энергии, и она одержит победу. Я вам это действительно обещаю.

8 июля [1968 г.]

Картинки и несколько простых слов от Муя¹⁸ привели меня в лёгкое душевное волнение. «На этот раз я не пишу письмо Тхюи Чам, но не потому что я не люблю мою дорогую подругу...». Почему же так, Муй? Мелкобуржуазные сантименты всегда непростые. Как ни странно, но я всё же предпочитаю оставаться такой, а не быть простой и чёткой, как крестьяне.

Моя мелкобуржуазность – именно в этих сантимертах, а отнюдь не в том, как мне говорят, не в мелкобуржуазном поведении. Какое ещё мелкобуржуазное поведение, если я уже давно растворилась во всех слоях народа?

¹⁸ Фам Муй – художник, житель города Далат.

11 июля [1968 г.]

Ночью у меня был долгий разговор с Луаном, слушателем из группы повышения квалификации медработников. Такие разговоры укрепляют мои чувства, обогащают их, формируют моё понимание революционной сознательности и коммунистического мировоззрения.

Жизнь Луана – это больше, чем теории, это реальный урок. Уже в 10-летнем возрасте он приобрел к революционной работе. Он узнал, что такое ненависть к властям семьи, изолированной правительством, которое контролируется американцами. Он узнал, что такое чувства старых и молодых матерей, невинных детей, вынужденных терпеть при этом режиме бесчисленные страдания и невзгоды. Луан шел на задание, пробираясь ночами через заграждения стратегических деревень¹⁹, – он был связным и передавал информацию кадровым работникам. Затем, как только ему исполнилось 15 лет, он взял винтовку и ушёл к партизанам. С тех пор по сей день руки этого 21-летнего юноши неоднократно убивали американских захватчиков, на руках он выносил своих товарищей, павших в боях на его родной земле. В прошлый сухой сезон вместе со своими товарищами-партизанами Луан остался на позиции – в

¹⁹ Стратегические деревни создавались марионеточным правительством Южного Вьетнама при содействии американцев с целью изоляции местного населения от патриотических освободительных сил.

подземном укрытии в Фовине. Днём он прятался в укрытии, а ночью отправлялся на задание. Дождь, ветер, роса оставили свои следы на лице этого юноши, который выглядит старше своих лет. А по жизни, по опыту он гораздо старше. Я люблю Луана и восхищаюсь им. Хотя у него есть свои недостатки, он – один из героев вьетнамского народа.

Уже поздняя ночь, радио давно завершило свои передачи, но я и Луан продолжаем бодрствовать, и каждый думает о своём... Я думаю о мирных днях, я мечтаю о том, чтобы Луан и миллионы вьетнамских юношей и девушек остались живы после этой тяжёлой и долгой войны, и смогли бы радоваться наступившим мирным дням. О чём же ты думаешь, мой младший брат Луан? Храни, крепи веру и надежды юности. Я не хочу видеть страдания, застывшие в твоих глазах, которые ещё хранят детски наивное выражение.

14 июля [1968 г.]

Получив известие о смерти отца, Тхуан²⁰ упал на кровать, содрогаясь от рыданий. Он то замолкал, то снова захлёбывался в слезах. Рыдания этого сильного и энергичного юноши растравили мне душу и отозвались в ней такой болью, словно мне раны посыпали солью. Жалея Тхуана, я не знала, что ему сказать в утешение.

²⁰ Тхюи Чам считала Тхуана своим младшим названным братом.

Тхуан лишился матери ещё в детстве, и его отец все силы положил, чтобы вырастить троих детей. Старшая сестра Тхуана полмесяца назад была убита артиллерийским снарядом, у неё осталось четверо маленьких детей. Я видела грусть, время от времени появляющуюся в красивых глазах этого очень молодого человека. У Тхуана осталась ещё младшая сестра, несовершеннолетняя; вслед за братом она покинула отчий дом и ушла к партизанам, чтобы тоже участвовать в революционной борьбе.

Уже при первой встрече я почувствовала симпатию к Тхуану, и не потому, что у него внешность Артура Монтанелли²¹, в бытность того студентом, а потому, что он был старательным и прилежным в учении, приветливым и обходительным с окружающими.

Можно ли найти слова, чтобы его успокоить? Кто после смерти отца будет помогать партизанам? Кому перейдут дом и земельный участок? Я не знаю ответа на эти вопросы.

Тхуан сидел напротив меня, и его глаза за длинными ресницами, не могли скрыть, что он с трудом сдерживает возбуждение. Чуть дрожащим голосом он обратился ко мне: «Старшая сестра, разрешите мне поехать домой на несколько дней, чтобы сделать все необходимые там дела, а затем я вернусь. Там сейчас без присмотра буйвол, огород, и только я смогу со всем этим разобраться. Пожалуйста, войдите в моё положение».

Не знаю, хотел ли Тхуан ещё что-нибудь доба-

²¹ Артур Монтанелли – главный герой романа Э.Л. Войнич “Овод”.

вить, но он замолчал.

Я слегка погладила его руки, горячие от жара, говорившего о приступе малярии, и тоже от волнения умолкла на полуслове: «Поезжай домой и занимайся домашними делами. Не беспокойся о занятиях. Я и группа всё сделаем для тебя. Надеюсь, что ты справишься и с учёбой, и со своими рабочими обязанностями».

Иди, мой младший брат, уверенно иди по этому пути, обогрётном огнём и кровью, по этому славному пути, который ты выбрал для себя.

18 июля [1968 г.]

Получила сразу 10 писем с Севера. Каждый пишущий мне – неповторимая личность, и все вместе они меня очень любят. И каждый из них посвоему описывает картину жизни героического Севера. Мой любимый Север по-прежнему жив и полон сил, он расправляет плечи, невзирая на огонь, полыхающий от бомбардировок и взрывов. Война не заставит нашу страну замедлить поступь к победе. Страна – словно энергичный юноша, получивший ранение, который, не обращая внимания на боль, продолжает путь вперёд, с улыбкой на лице и с верой в глазах. Сколько же я встречала таких юношей на героической земле Юга! И сегодня, благодаря пришедшим с Севера письмам, в памяти вновь оживают величавые образы этих парней.

20 июля [1968 г.]

Все последние дни на меня обрушилась масса насущных дел и забот: тяжелораненые, нехватка медперсонала. Сотрудники до предела загружены. На меня лично возлагается большая ответственность, гораздо бóльшая, чем когда-либо прежде. Каждый рабочий день начинается на рассвете, а оканчивается глубокой ночью. Объем работы слишком велик, а персонала нет, поэтому все дела – на мне: и больница, и лечение, и обучение²². Помимо того, что много самой работы, возникают всякие трудности при её выполнении. Однако более чем когда-либо, сейчас я чувствую, что свои способности, знания и силы всецело отдала делу революции. Вот лежит раненый солдат; сначала я с горечью думала, что нельзя спасти его глаза, но сейчас ему немного лучше. А у этого солдата рука сильно опухла и рана опасно кровоточила, но уже сегодня она отчасти зарубцевалась. Многие раненые со сломанными или покалеченными руками тоже идут на поправку... Этого удаётся достичь ценою огромных усилий моих и персонала, которому и днём, и ночью приходится оставаться у коек раненых.

Своим ученикам из группы подготовки медперсонала я стараюсь донести важные и ценные знания по теории медицины. Я стала преподавать в этой группе не только из чувства ответственности,

²² Тхюи Чам вела занятия по обучению молодых медработников младшего звена.

но и потому, что как старшая сестра люблю своих младших братьев и сестер, которым не довелось учиться, а пришлось испытать много горя и утрат по вине предателей страны. Очень люблю их всех – Луана, Лиен, Тхуана, Суан, Нгиа. У каждого из них своя судьба, своя история, но они очень похожи: все страстно хотят учиться, все старательны, все стремятся как можно больше узнать. Тхуан ещё недавно плакал, получив известие о смерти отца. Две горькие утраты – смерть отца и гибель сестры – придавили юношу, но вот уже и на его бледных губах робко расцветает улыбка. Он начал смеяться, что-то вполголоса напевать, стал активнее участвовать в диспутах со своими товарищами. Я смотрю на Тхуана и проникаюсь к нему глубоким уважением.

Вот и Лиен, работая в больнице, усердно учится. С утра до вечера она, как хлопотливая птаха, включается во все дела, работает быстро и тщательно. Несмотря на трудности, она всегда впереди всех, и это тоже мне – пример для подражания.

Но как рассказать обо всех безымянных героях, которые ярко проявили себя на этой земле Юга, охваченной пламенем войны?

25 июля [1968 г.]

Сегодня сидела у койки Лама. Его ранило -

поврежден спинной мозг. Этот проклятый осколок артиллерийского снаряда наполовину убил Лама, лишив жизни нижней части тела. Он полностью парализован. Его тело покрыто язвами, и он ужасно мучается.

В этом году ему исполнилось 24 года. Лам был одним из лучших медработников Дыкфо. Около месяца назад он был направлен в уездный отдел народного здравоохранения. Во время той командировки Лам оказался в районе карательной операции противника. Он решил спрятаться в тайном убежище, но когда открывал люк, чтобы спуститься вниз, – как раз за его спиной появились американцы. И маленький кусочек металла превратил в мучение жизнь Лама. Он ещё не умер и лежал в ожидании смерти. Разрыв спинного мозга даже в условиях больниц Севера – безнадёжный случай. И вот он остался здесь.

Лам, знавший, насколько серьёзно его ранение, причиняющие ему такие страдания, впал в депрессию. Сегодня вечером я сидела рядом с ним. Он протянул мне письмо, которое получил от своей молодой жены Хань, и тихим голосом сказал: «Старшая сестра, ты и другие сестрички стали здесь моей семьёй, вы все очень внимательны ко мне, но зачем вы выхаживаете меня? Не сегодня-завтра я умру. А если останусь жить, то стану обузой и для вас, и для семьи». Одинокая слеза прочертила длинный след на худой щеке скуластого лица Лама. У меня сердце готово было разорваться – от жалости. Но я не знала, что ему сказать. На месте Лама, я бы вела себя так же. Однако я не могла не поддерживать его. Как же я

ненавижу эту войну! Как же я ненавижу этих воинствующих американских дьяволов! Почему они позволяют себе убивать молодых людей, таких как Лам, как Ли, как Хунг, да и многие тысячи других, которые так любят жизнь, в глубине души о стольком мечтают, но живут и сражаются, защищая свою родину.

27 июля [1968 г.]

Кха²³ схвачен!

Это трагедия. Ещё недавно он пожимал мне руку – теплое пожатие земляка и коллеги. Несколько дней назад ты, старший брат, работал рядом со мной, твоей младшей сестрой, за операционным столом. Твоя подпись чётко зафиксирована в истории болезни пациентов нашей больницы. Где ты сейчас? В тяжёлых колодках, в тюрьме, в камере пыток?

В то утро, 20 июля, ты отправился в путь. Конечно, ты был далёк от мысли, что попадешь в руки врагов, и, прощаясь с нами, улыбался. Ты пожал мне руку и тихо сказал: «Я уезжаю, Тхюи». Затем, пройдя несколько шагов, сказал более громким голосом: «Я вернусь через десять дней, самое большое – через пятнадцать».

Дорогой старший брат Кха, сейчас, более чем когда-либо, я питаю к тебе родственные чувства.

²³ Кха раньше работал с отцом Тхюи Чам в Ханое. На этот раз он был схвачен врагами и затем отправлен в ссылку на Кондао.

Эти простые и теплые чувства появились ещё в те времена, когда я носила красный галстук и называла тебя *дядюшка Кха*²⁴. Вспоминая тебя, я вспоминаю целую череду мирных дней. Тогда был чудесный дом, круглые чёрные глазки маленького Кима... Увижу ли я тебя снова? Твой рюкзак по-прежнему лежит здесь, и каждый раз, когда я смотрю на него, – щемит сердце.

4 августа [1968 г.]

Эти дни целиком заполнены работой. И каждый час, каждую минуту появляются новые трудности. И снова мое сердце согревает вера. Неужели улыбка на лице того юноши из моей учебной группы (ещё хранящая боль потери двух близких ему людей) способна успокоить меня в терзаниях по поводу личной жизни? Неужели это его неумелое пение всё ещё разносится эхом, при том, что не избыта сердечная боль горьких утрат? Вот, в частности, напоминание о том, что мне необходимо учиться столь поразительному оптимизму. Да, я буду учиться и учиться, чтобы твёрдо верить в революцию, и уроки такой веры своей последовательностью в борьбе мне дали старшие товарищи.

Я с радостью слушала песню, которая зазвучала после многочасового утомительного труда.

²⁴ *Вьетнамские дети обычно называют коллег, друзей родителей дядями и тётями.*

Как же я была счастлива, когда увидела в глазах многих окружающих меня людей понимание, признательность и уважение! Это были глаза учеников, которые хотели видеть меня на занятиях. Это были глаза пациентов, которые ждали меня в палатах. Ну всё, достаточно, перестань требовать большего. Весь Дыкфо выразил тебе свою признательность и любовь. Это очень большая привилегия.

* * *

Сестра Хай сообщила печальное известие: погиб Зунг. Он был схвачен американцами и убит на месте. Как же это горько!

Способны ли страницы этого маленького блокнота и дальше вмещать в себя столько крови? Однако, Тхюи, продолжай записывать всё и подробно, пиши о том, какой крови и каких потерь, пота и слёз стоили нашим соотечественникам эти двадцать лет. И в последние дни этой жизненно важной борьбы должна быть зафиксирована и учтена каждая потеря. Почему? Потому что уже столько лет мы ведём эту героическую борьбу, стоившую огромных жертв, и надежда, как яркий огонь, освещает нам путь на последнем его этапе; и потому что сегодня, когда мы уже почти у цели, так много нас погибает...

8 августа [1968 г.]

Осень ещё не наступила, но с каждым утром становится всё холоднее. Неужели этот холод, идущий с гор, вселит в меня ощущение своего одиночества? Брось, Тхюи, не лги себе. Сейчас ты хандришь, но из-за этого нельзя не видеть любви к тебе многих людей. Что делать, если в жизни хватает мелких, ничтожных людишек. А как их узнать? Даже вдоль русла прозрачного ручья кое-где встречаются маленькие заводи с каменистыми берегами и застойной водой. Но он всё равно прекрасен. Мы смотрим, как струится в нём вода, и любуемся его поэтической красотой, хотя кое-где и попадаются участки с неприятной затхлой водой.

О, М.! Ты – как тот ручей? Тихо струишься, чист, хотя и попадаются небольшие затоны с застойной водой? Я – человек, бредущий по дремучему лесу. С какими же мыслями?

«Надеюсь, что это только злое проклятие из сказок про колдунов, – думаю я, – но такие истории не должны касаться чистой и деликатной души Тхюи».

М., ты ведь говорил мне, что надо забыть обо всём, что влияет на наше доверие друг другу? Нет, М., доверие, сложенное из десяти лет любви и надежд, с трудом подвергается эрозии, но если оно надломлено, то ещё труднее его восстановить. Поэтому даже не знаю, что сказать. О, М., что если ты больше не вернёшься из этой поездки? Почему мы приносим друг другу одни страдания? Если же говорить точнее, – почему ты, М., причиняешь страдания сердцу горячо любящей девушки, так много ждущей от жизни?

14 августа [1968 г.]

Как всегда в послеобеденное время, слабые лучи солнца пробиваются сквозь дверь. В джунглях тишина... К этим местам словно не имеет отношение накал идущих вокруг боёв. Я прислушиваюсь к шёпоту моих учеников, которые готовятся к экзамену. Мои дорогие! Моё сердце переполняет любовь к этим младшим сёстрам и братьям. Особенно к Тхуану, кадровому работнику в группе. Он увлечён учёбой, старателен в работе, прямодушен и деликатен. Главное, за что я восхищаюсь Тхуаном, – это его фантастическая энергия, проявленная в трагической ситуации, когда сразу две смерти в его семье обрушились на юношу. Время от времени я вижу, как он тихо сидит в одиночестве, погруженный в свои думы, и долго вздыхает. За любое дело и в любой сфере Тхуан всегда берется с энтузиазмом и неуёмной энергией. Глядя на то, как он работает и учится, мало кто поймет, какую трагедию он пережил. Мне вдруг пришло в голову сравнить Тхуана и Нгия, моего названного младшего брата, и я увидела, что Тхуан наделен такими же достойными любви и уважения чертами характера, как и Нгия. Хочу считать Тхуана своим младшим братом, чтобы согреть его одинокую жизнь, полную страданий. Готова ли я к тому? Надо хорошо всё обдумать.

16 августа [1968 г.]

«Прощай, Кхием, мой дорогой друг, погибший на героической земле. О, Кхием! Обещаю, что буду мстить за тебя до последнего вздоха».

16.8.1968

Vinh biêt Khiêm
 người bạn thân thường đã ngã
 xuống trên mảnh đất anh hùng
 Khiêm ơi! Thế sẽ trả thù cho Khiêm
 đến hồi: Thế cuối cùng
 16.8.1968

Часть текста, обведённого в рамку, в дневнике Данг Тхюу Чам. Запись сделана в тот день, когда она узнала о гибели Кхиема:

pho' hiep 15/10/67

Chuy' Thuong' Kho'

Ra' di'c' loi' bao' mien' kho'
 Di'c' luot' long' ai' qua' u' kho' thuong'
 Kho' Thuong' Chuy' mai' bao' gi' tai'
 Poi' tho' cuoi' cung' mai' u' kho' thuong'

Lo' Khiem' ngay' nay' . may' i'oi' ngay' sau' nay'
 Bao' gi' ! ... kho' hay' mai' quy' ki' la' ngay' dai'
 16.8-1968

Фотография страницы из дневника Данг Тхюи Чам. На ней листок со стихами, которые адресовал ей Кхием.

Фохиеп, 25 октября 1967 года

Дорогой моей Тхюи:

Отправляюсь в дальнюю дорогу,

Ты начнёшь грустить и тосковать.

Только знай, что днём и ночью я в большой тревоге

Буду по тебе скучать и новой встречи ждать.

В час прощания надеялись на встречу мы с тобою,
А теперь... Увы, увидеться уже не доведётся нам!

16.8.1968

* * *

Я покинула Фохиеп во второй половине дня 26 января 1967 года. Во дворе дома Тхюнга собралось много людей, которые пришли попрощаться со мной. До крайности возбужденная, я начала суетиться. Не зная, чем занять себя, я присела рядом с его матерью и стала бросать овощи в корзину. Приподняв голову, я вдруг увидела устремлённые на меня глаза. Большие, чёрные, очень добрые глаза, в которых блестели слёзы, смотрели на меня с грустью и нежностью. Это были глаза Кхиема.

Я познакомилась с Кхиемом в 1967 году, в суровые дни сухого сезона, когда приехала работать в Фокхань. Этот молодой учитель пришёл ко мне с открытым сердцем, полным уважения и понимания. Люди, прошедшие годы студенчества, отличаются некими чертами, которые помогают им

легко найти общий язык. В те дни, когда приходилось прятаться в укрытии, я рассказывала Кхиему о Павле Корчагине, об Оводе, читала любимые стихи.

*«В список погибших записано имя её –
Высекли много подобных на каменных плитах.
В горе товарищем девушку парень зовёт,
Видя её среди судеб, в единую слитых»²⁵.*

Кхиему очень нравились также стихотворения «Горы-близнецы» и «Родная сторона»²⁶.

Позже Кхием рассказал мне о своей жизни до и после тюремного заключения. Он провёл в застенках три года, его переводили из одной провинции в другую, он побывал в Хюэ и других городах. От жестоких избиений он сильно похудел и ослаб.

Вначале наши отношения сводились к взаимному уважению и товариществу, затем возникла очень чистая и искренняя дружба. Проработав некоторое время на равнине, я вернулась на нашу опорную базу. С того дня прошло около года, но я и теперь словно чувствую взгляд его грустных чёрных глаз с навернувшимися слезами, устремленный на меня при прощании.

Кто мог предположить, что это было прощание навсегда. Кхием погиб! Во время карательной операции американские вояки нашли укрытие, в котором он спрятался. Они открыли крышку

²⁵ Отрывок из стихотворения поэта Ву Као «Горы-близнецы».

²⁶ «Родная сторона» – стихотворение поэта Зянг Нама. Стихи Ву Као и Зянг Нама были очень популярны и любимы вьетнамской молодёжью в годы войны Сопротивления против американской агрессии.

укрытия, и в тот момент Кхием выскочил наверх с единственной гранатой в руках. Он резко швырнул её в сторону врагов. Эти кровавые дьяволы в страхе попадали на землю, а Кхием бросился бежать. Но проклятая граната не взорвалась, и тогда бандиты вскочили, бросились вслед за ним и расстреляли. Кхием умер, его обычно кроткие чёрные глаза остались широко открытыми, и в них застыла ненависть. Его иссиня-чёрные волосы пропитались кровью и пылью. К волосам молодого героя прилипли крупинки песка с его родной земли. Его серая рубашка разорвалась и тоже пропиталась кровью. Эта рубашка была на нём в день нашей первой встречи. В ней же он шел в тот день, когда мы пробирались по узкой предательской тропинке, заполненной острыми, как когти тигра, колючками, в направлении 31, 32, 33, Кюитхиен, в направлении 15, 19²⁸. В этой рубашке он был и тогда, когда прекрасной лунной ночью возвращался из Фоханя. Под порывами холодного ветра с моря он немного дрожал. Я протянула Кхиему, предлагая надеть, одну из рубашек Куэ – простую рубашку красного цвета, которая была очень кстати в тот момент. Он искренне сказал: «О, Тхюи! В этой жизни, кроме родителей, я никого не любил сильнее тебя – даже свою девушку так не любил!».

Кхием погиб. Это известие ошеломило меня. И я не верила, что это правда. Когда стало очевидно, что он умер, я не плакала. Я была спокойна. Я мобилизовала всю свою волю, чтобы сдержать переполнявшие меня чувства. Но каждую секунду,

²⁸ Кодовые названия маленьких деревень в Фотхиене.

каждую минуту боль с новой силой обрушивалась на меня, пока слёзы не хлынули из моих глаз. Я плакала в одиночестве, сидя у ночной лампы, соленые слезы длинными ручейками струились по моему лицу, промочив воротник и края блузки. Ой, Кхием, если есть какой-то способ сделать так, чтобы ты ещё раз смог услышать мой голос, – так услышь моё обещание отомстить за тебя, услышь эти слова, исполненные гнева. В этом обещании – раздирающая душу боль и ярость. В этом обещании – неизбывная тоска по тебе. Ты слышишь меня, Кхием, вечно живой друг моего сердца?

20 августа [1968 г.]

Написала заявление о вступлении в партию, но радости мало, а есть раздражение. Почему на пути девушки из мелкобуржуазной семьи всегда так много препятствий и трудностей? Конечно, причина в классовом подходе. Однако я вижу одну совершенно очевидную вещь. Практикуются какие-то придирки, то есть придирки со стороны ответственных лиц. Ну, что поделаешь, такова жизнь.

Каких бы успехов ты ни достиг, ты всё-таки не будешь равен кому-то другому, относящемуся к основной массе и только недавно начавшему проявлять свою политическую сознательность.

Когда ещё была жива Хыонг, то она часто подбадривала меня такими доводами: мелкобуржуазное происхождение - это преимущество!!! Не в том ли состоит это преимущество, что приходится

преодолевать больше трудностей и испытаний? Ты так считаешь, Хыонг? Я – словно брошенный всеми ребёнок, который уже давно тоскует по матери, тогда как мачеха беспокоится только о собственных детях, а к ребёнку своего мужа холодна и равнодушна. Миллионы людей создали великую и добрую Мать - Партию, но среди миллионов создавших её матерей есть одна (а возможно, и не одна), которая, как вылитая, похожа на злую мачеху из сказки.

27 августа [1968 г.]

Успешно прошла очень серьёзная операция: была зашита разорванная почка. Удалось остановить кровотечение, мочеиспускание пациента пришло в норму. Следовательно, есть основание для безграничной радости, – ведь спасена человеческая жизнь! Но почему же я так спокойно воспринимаю улыбку и благодарность в глазах этого пациента? В его случае кровотечение было остановлено, но сколько крови других людей пролилось и продолжает литься! Нужно залечивать все раны на теле нашей Родины. Американские враги, подобно кровожадным дьяволам, рвут нас на куски. Но только тогда, когда мы всех их прогоним со своей земли, перестанет литься кровь.

29 августа [1968 г.]

Сегодня получила письмо от Тхюи Фьонг из Куинёна. Я никогда раньше не встречалась с этой прелестной девушкой. Но я люблю Фьонг за её энтузиазм и за её героическую жизнь. В начале весны, направляясь в армию, она попала в зону внезапной атаки американцев и была захвачена. Она оказалась в тюрьме, где и находилась до последнего времени. Недавно она была освобождена, но ещё очень слаба, поэтому не может вернуться домой.

Я держу в руках письмо от Фьонг: длинный лист машинописной бумаги с округлыми рукописными буквами. И вдруг я вспомнила о Кхиеме и на меня нахлынула волна огромной нежности к нему. Фьонг – одноклассница Кхиема, и она была по уши в него влюблена. И если бы Кхием остался жив, – их, как я надеялась, могло бы связать прекрасное чувство.

Сегодня Фьонг возвращается из тюрьмы, а Кхиема больше нет. Да, Фьонг, ты права: эти люди, павшие славной смертью, счастливы. Ну а мы... мы должны жить с огнём ненависти, который горит в наших сердцах. И мы должны испепелить наших врагов в этом огне. Запомни, Фьонг, запомни: сегодня уже двадцать три года, как земля, на которой мы живем, орошается кровью и слезами.

30 августа [1968 г.]

Каждый день приходят вести о победах в обеих частях страны, нас переполняет радость, однако мне грустно.

Почему так? Потому что пока на нашей земле хозяйничают американские бандиты, – будут и утраты и боль; до тех пор, пока они здесь, счастья не будет.

Зашёл Лиен и спросил, почему я продолжаю так относиться к М.? Почему, дорогой Лиен? Да потому, что на это есть тысяча причин! Я не знаю способов наладить мои отношения с М. Ты думаешь, что я не страдаю? Нет, если улыбаются мои губы, это не значит, что улыбается и моё сердце. Не хочется продолжать думать об этом: чем больше думаю, тем тоскливее мне становится. Я не знаю, кому верить. Верить М.? Или же верить сотням тысяч мнений по поводу моей личной жизни? И с чем мне считаться – со своей мечтой или с реальностью, которую мне показали многие?

Перестань спрашивать меня, – на полях сражений раздаются залпы орудий. Прислушайся к этим залпам и поступай, как призывает лозунг: «Всё для фронта, всё для победы».

1 сентября [1968 г.]

Я очень расстроилась, когда отослала подарок моему другу. Я не хотела посылать ему просто

какую-то вещь, и, наверняка, он тоже не хотел бы получить именно такой подарок – просто предмет. Но почему я послала ему свой подарок без записки, безо всякого пояснения, без единого слова?

Кто же поймёт моё сердце? Сердце девушки, переполняемой любовью и эмоциями. К тому же я бескомпромиссна, и у меня есть гордость.

Сегодня со мной произошла одна история. И что же я узнала и стала ли она уроком для меня? Нет, не может быть урок столь горьким и бессмысленным. Тут всего лишь ревность, которая, кажется, присуща человеческой натуре. И если всё закономерно, то почему мне так грустно? Эта организация – среда, в которой девушка мелкобуржуазного происхождения вроде меня ежечасно, ежеминутно подвергается испытаниям трудностями и лишениями. Но это ничего не значит. Раньше я жила счастливо и комфортно, пришло время почувствовать горький вкус и тернии обычной жизни.

Как же мне жить? Конечно, лучше всего – с высоко поднятой головой – не поступаясь своими светлыми чувствами и высокими идеалами. «Сохраняйте в себе дух коммуниста, – кристально чистый, твёрдый, лучащийся верой...».

Высказав всё это, я не избавилась от терзаний, горечи и удивительного одиночества. А что же вокруг? М. покинул меня, Кхием погиб, Ван уехал, уехала Вторая сестра²⁹, уехали Нгия и Тхюнг... А с кем-нибудь из окужающих совсем нелегко поделиться сокровенными мыслями.

²⁹ Имеется в виду Чан Тхи Кхием, близкая подруга Данг Тхюи Чам.

5 сентября [1968 г.]

Ночью попрощалась со слушателями моей учебной группы. Сердце билось в повышенном темпе. Той ночью я была рядом с вами, мои младшие сёстры и братья, сидела на том же стуле и слушала, как вы исповедовались в своей любви ко мне. Но завтра вы уедете. Вы отправитесь воевать и вас ждут тысячи трудностей и препятствий. Очень надеюсь, что вы выстоите. Я очень хорошо понимаю вас, преисполненных энтузиазма, веры и сил, но... можно ли гарантировать, что вы доживёте до победы! Вы отчаянно храбры, и я горжусь вами, но в глубине души я переживаю за вас. Это беспокойство и обоснованно, и ошибочно. Это беспокойство человека, со стороны взирающего на близких ему людей, которые вовлечены в противостояние не на жизнь, а на смерть.

Прощайте, мои младшие сёстры и братья, я смотрю в ваши сияющие глаза под длинными ресницами и читаю в них то, что вы хотели бы выразить – вы верите, любите и станете скучать, когда мы окажемся далеко друг от друга. Я понимаю и обещаю, что буду достойна вашего доверия.

6 сентября [1968 г.]

В эти послеобеденные часы лес, обычно шумный от людских голосов, вдруг затих. Было слышно только завывание ветра над вершинами

деревьев, да по всему лесу разносилось пение цикад. Ветер стал холоднее. Что это – холодный ветер ненастья или наступившая осень? Меня вдруг охватил холодный озноб, от которого онемели и душа, и тело. Воспоминания нахлынули на меня, словно захлестнув всё моё существо... Вот стоит такой же осенний полдень, предвечерний туман расползается по полям в пригородах Ханоя. Я из общежития еду на велосипеде домой. Холодный ветер свистит в вершинах деревьев, растущих вдоль дороги. И я слегка вздрагиваю, когда проезжаю мимо дерева, ствол которого расщепился на две части.

Нет, сегодня ветер холодный и душа моя озябла, но совсем не потому, что рядом со мной нет любимого человека, а потому, что рядом нет многих моих любимых людей. Это папа и мама, родные сёстры и брат, которые сейчас на Севере, другие братья, дядюшки, которые спустились в равнинные районы и дни и ночи напролёт ведут смертельную борьбу с врагом, это мои любимые товарищи, отдавшие жизнь за грядущую победу. А кто ещё? Это мои младшие братья и сёстры, мои молодые коллеги, которые уже давно рядом со мной и с большим воодушевлением перенимают мои знания и опыт. Все эти люди подарили мне свою большую любовь... Без них и вдали от них мне очень грустно.

Однажды поэт То Хыу сказал:

*«В горах лучистым днём ли, лунной ночью,
Всё о любимых мы тоскуем очень...»*

Почему же на этот раз применительно к моей личной жизни поэт оказался не совсем точен?

Может быть потому, что мои воспоминания о М. совсем стёрлись из сознания, я даже намеренно стремилась забыть его. Или же поэт был прав, потому что М. – совсем не мой любимый? Разве любящие люди ведут себя так, как поступил М. по отношению ко мне? Он только друг, и был только другом и никем иным. Думаешь, мне легко сегодня так говорить, М.?

8 сентября [1968 г.]

Сегодня пришёл тайфун № 7! В этом году на Севере много тайфунов. Здесь, в этом уголке леса стоит тишина, а за его пределами – бушует ветер, упадёт много деревьев и будет разрушено много домов. Каковы будут последствия этого тайфуна, мой любимый Север?

Как и на Севере, в моём сердце тоже бушует буря. Одолевают беспокойство и воспоминания. О, Север, ты должен выстоять и выйти победителем, как в те дни военных побед. Наверняка, ещё будет много трудностей. Молодые мужчины уже направляются на фронт, и на плечи женщин, оставшихся дома и противостоящих тайфуну, несомненно, обрушится много забот.

Странно, но сегодня вечером у меня почему-то такое ощущение, будто я нахожусь в маленьком доме на берегу моря. К вечеру ветер становится холоднее, в руках у меня вязаная шерстяная кофта, сердце переполнено воспоминаниями. Уже

наступила пора холодных ветров, и это моя вторая осень вдали от семьи, и вторая осень моего участия в войне.

И где вы, мои дорогие, этим вечером? Мои любимые братья и сёстры на равнине, друг, который сейчас на линии огня? Один дорогой мне человек уже упокоился в родной земле. Эх, Кхием, вечернее небо меняет свой цвет на светло-фиолетовый. Там, наверное, ты слышишь, как плещутся волны. Там, Кхием, ты можешь увидеть знакомую дорогу из Куитхиена к новому посёлку. Помнить ли ты, Кхием, те фиолетовые вечера? Почему ты молчишь? Ты замолчал навсегда и уже не ответишь мне.

10 сентября [1968 г.]

Получила письмо от Тхуана и разволновалась, читая его такие трогательные и горячие воспоминания. Моё сердце вдруг ощутило тепло, будто от маленького огонька. Слушай, Тхуан, твои чувства, твои слова – это один из источников, дающих мне силы преодолевать трудности, выполнять свои профессиональные обязанности. Твоя борьба, воля и энергия служат для меня примером, побуждающим постоянно учиться.

Ты с грустью спрашиваешь меня, почему я не приняла тебя как младшего брата, как Тхыонга и Нгиа? Потому что я хочу, чтобы между сестрой и братом были святые и высокие отношения. Я тепло

к тебе отношусь, но, конечно, ещё не вполне в тебе разобралась, да и ты, наверняка, ещё не всё во мне понял. Поэтому, мой младший брат, давай подождём.

Этой ночью, сидя у настольной лампы, я много думала о тебе, моём энергичном и умном младшем брате. Надо уважать те высокие чувства, которые мы питаем друг к другу. Давай же сохранять верность нашим чувствам и будем достойны взаимного доверия.

15 сентября [1968 г.]

Я принимаю участие в уездной конференции женщин. Счастлива находиться в атмосфере любви и тепла, которые исходят от моих старших товарищей. Жизнь – именно такая, она состоит не только из моментов одиночества.

На обратном пути во время остановки на берегу маленькой речушки я вдруг вспомнила Тхуана и почувствовала, как мне его не хватает. Это чувства сестры к брату, но почему-то думая о них, я начинаю волноваться. Я представила себе маленький холодный дом, в котором на алтаре предков слабым пламенем горит светильник. Тхуан вернулся с задания, ужинает в одиночестве, расположился в гамаке, чтобы немного отдохнуть. В губах – сигарета, дым расплзается по пустому дому. У него ведь больше нет никого, кроме товарищей и друзей. Когда Тхуан возвращается

домой, он совсем один. Я хотела бы своими добрыми чувствами подбодрить его, согреть его неприкаянную жизнь. Я написала ему письмо, понимая, что не смогла высказать и части своих мыслей. О, Тхуан, заслуживаю ли я твоей любви?

17 сентября [1968 г.]

Слушаю рассказ сестры Кап о том дне, когда погиб Кхием. Эта история разрывает мне сердце. Кхием погиб, его голова была разбита, его рука и нога валялись на земле в стороне от туловища. Он лежал на песчаной земле своего родного края. У отца Кхиема были связаны руки, из раны на плече струилась кровь. Когда он увидел растерзанное тело сына, слёзы ручьём полились из его глаз, в них были боль и ненависть. И была в его глазах также великая отцовская любовь.

Кхием умер, его мать стояла у тела сына и не могла вымолвить ни слова. До сих пор она не может оправиться от этого удара. В моменты просветления она снова принимается оплакивать своего сына.

Эх, Кхием! В том далёком мире видишь ли ты страдания и боль живых людей? У твоих родителей не просыхают слёзы, а у твоей подруги сердце истекает кровью.

19 сентября [1968 г.]

На уездной молодёжной конференции я ощутила радость за это поколение, выросшее в борьбе. Там мне довелось встретиться с некоторыми участниками и выслушать их выступления.

– Хоанг, 14 лет. За первые 6 месяцев борьбы он уничтожил 6 американских солдат, подбил из самодельного оружия 2 танка противника, захватил 7 единиц боевого оружия, включая 2 миномёта, и т.д.

- Ан Фо Тяу. Захватил 5 единиц боевого оружия, включая 2 миномёта, и радиопередатчик.

Эти младшие братья стали героями уже с юных лет.

Надо гордиться нашей молодёжью!

27 сентября [1968 г.]

Меня приняли в партию.

Самое чёткое представление, вынесенное из нынешнего дня: я должна бороться, чтобы в жизни быть достойной звания коммуниста.

Но почему же сравнительно со значением этого дня радость была не столь велика? Почему так, Тхю? Возможное я уже однажды приводила: когда уставший от голода и плача ребенок наконец-то получает материнское молоко, – оно уже не кажется ему таким вкусным и сладким.

Размышляя о людях, отдавших жизнь за дело партии, я с болью в сердце вспоминаю тех дорогих мне товарищей, которые на земле Дыкфо погибли в

этой страшной войне.

5 октября [1968 г.]

Я потеряла пациента, которому проводила операцию по ампутации. Ему было 66 лет, довольно крепкий мужчина. Ветеран партии, 23 года он участвовал в борьбе. И семья, и все мы в больнице изо всех сил старались вылечить его, но так и не смогли спасти.

Хотя и мои коллеги по больнице, и даже сын этого старика подтвердили, что лечение проводилось правильно, я сильно расстроена. Отчего он умер? Были ли какие-то технические просчеты с моей стороны? Нет, не было. Хотя я впервые проводила ампутацию, тем не менее, как обычно, была спокойна и выполнила все технические нормативы по хирургии. Тогда почему? Из-за неудачного переливания плазмы? Даже не знаю, что сказать по этому поводу: мы находили вену, но затем снова и снова теряли её, потому что наш пациент всё время дёргался. Ужасная трагедия! Разве не извлекли урока из этой операции со смертельным исходом, которого не должно было быть?!

6 октября [1968 г.]

Обо мне судачат. Одни шутливо, другие ревниво. Я не раз думала об этих сплетнях, но в

конце концов пришла к выводу, что далеко не все любят меня только за то, что я врач. Тёплые письма, подарки, которые я получаю, – проявление любви к близкому другу, а не к врачу. Это – лишь сердечное отношение ко мне старших и младших братьев и сестёр, друзей.

Время от времени я спрашиваю себя: почему многие младшие братья и сёстры, многие друзья отводят мне столь важное место в своей душе?

8 октября [1968 г.]

В начале осени солнце не скупится на золото, для украшения всего этого участка джунглей. В начале осени солнце порывы ветра иссушают губы людей и их сердца... И я снова вспоминаю... Эти воспоминания безбрежны и глубоки, как океан, объявший Вьетнам. Вспоминаю своего тайного доброго друга, который жил в маленьком доме в конце улицы Дойкан. Вспоминаю свою младшую сестричку-шалунью, она имела обыкновение высоко поднимать и закреплять заколками свои длинные шелковистые волосы. Вспоминаю младшего братишку, живущего на Юге; недавно он прислал письмо, чтобы попрощаться перед отъездом на учёбу. Вспоминаю милого младшего брата, его блестящие глаза под длинными ресницами. Вспоминаю дорогого мне человека, который навсегда остался лежать в родной земле на берегу моря.

О, моя страна! Когда же станет меньше этих воспоминаний, когда наконец наступит мир? Я знаю, что день победы близок, но почему счастье всё так же далеко от меня?

«Коммунист очень любит жизнь, но когда нужно, он легко ею пожертвует». Умереть, любя жизнь, за которую мы проливали пот, слёзы и кровь, жертвуя собой все эти двадцать три года.

10 октября [1968 г.]

Сегодня на раскалённой от огня земле Юга мы отмечаем годовщину освобождения нашей столицы. Волнующие воспоминания охватывают меня. Ханой освобождён... Жалкие фигуры последних французских солдат, покидающих город, – они уходят в северном направлении по мосту Лонгбиен.

Прошло уже четырнадцать лет со дня освобождения Ханоя. Несмотря на бомбежки, наш Ханой выстоял и сейчас пребывает в полном здравии. Я всё ещё слышу звонкий смех малышей во дворе детского сада «Мам нон» («Молодые побеги») на улице Хангбонгнюом³⁰, всё так же трамваи, громко позвякивая, спешат по улицам города.

О, Ханой, мне так тебя не хватает, но я восполняю это, любя Сайгон, Хюэ и сотни других больших и малых городов, которые расположены на земле, всё ещё полыхающей заревом пожара.

³⁰ То есть улица Тхонюом – улица Красильщиков.

Такой жестокой войны ещё не бывало, и между тем мы сражаемся, проявляя беспримерный героизм и стойкость. Кто выживет, и кто погибнет до того, как наш народ завоюет Независимость? Если даже мне суждено погибнуть, я всё же успела пожить при социализме, тогда как сотни тысяч людей росли в условиях страданий и трудностей и не знали ничего другого. Это Кхием, Хьонг, Ли, Туан, Хунг, Тхо, а также многие другие, которые погибли, не успев увидеть ни одного счастливого дня! Как же это больно!

11 октября [1968 г.]

Один парень признался мне, что я запала ему в сердце, и попросил дать ответ. Ни секунды не колеблясь, я ответила, что отношусь к нему как к другу. Чуть позже – добавила: я удалила из своего сердца все мечты о личном, чтобы сосредоточиться только на работе.

Ответ мой был правдив, но так ответила совесть, а не сердце. Откровенно говоря, оно все еще изранено любовью к М. Я хочу забыть. И мне в этом помогает гордость, но время от времени я все же страдаю, как человек, который только что разбил ценную вещь и больше не может найти подобную ей. Сегодня ночью пересматривала старые письма. Эх, М., твои слова на бумаге ещё не стёрлись, но почему же из самой моей жизни твой образ успел испариться? Ты похоронил это прекрасное чувство, ты поступил вопреки тому, что сам

бережно хранил все эти восемь лет. Мне кругом говорили, что всё наладится – вы снова будете вместе, как этого хотят многие. Но сама я понимаю, что всё закончилось, – когда зеркало разбилось, разве можно его склеить снова? Как снова наполнить пустую чашку?

12 октября [1968 г.]

Прочитала письмо Фука и страшно на него рассердилась. Он утверждает совершенно абсурдные вещи, не приводя никаких фактов. Тем не менее, для меня это урок того, как иные выражают своё мнение.

* * *

Побывала на совещании представителей партизанских подразделений, встретила и разговаривала с некоторыми из участников. Я вдруг ощутила, что сроднилась с этой замечательной землёй Дыкфо, герои которой, прославленные своими победами, сегодня собрались здесь. Я рада, что познакомилась с очень многими из этих людей, которые приехали из разных мест – от Ффонга до Фотханя. И земля Дыкфо радостно принимает меня в свои объятия... Младший брат молча вложил в мою руку сложенные листки письма, в котором выразил свои чувства. Что сделать, чтобы быть достойной любви жителей Дыкфо?

13 октября [1968 г.]

Мы с Тхуаном встретились через месяц с лишним. Быть в разлуке больше одного месяца – чересчур долго для меня. Я очень обрадовалась, когда увидела его. Он жив и здоров, добился больших успехов в профессиональном отношении.

Живя рядом с ним, я очень ценила те минуты, когда мы были вместе. Потому что война продолжается, и никто не знает, кто останется жив, а кто погибнет.

У меня такое чувство, что в личной жизни Тхуана есть что-то, о чём он мне не рассказывал. Почему? Почему ты не доверяешь мне, твоей старшей сестре? Такая боязнь абсурдна. Разве ты не говорил, что любишь меня сильно и искренне? Тогда ответь мне, младший брат!

22 октября [1968 г.]

Попрощалась с Тхуаном. Нам обоим было трудно говорить, и мы не смогли сказать друг другу то, что на сердце у каждого из нас. Эй, младший брат. Я буду следить за каждым твоим шагом, прислушиваться к залпам орудий, которые продолжают раздаваться в районе Фокьонга. Ведь в пути тебя поджидают тысячи опасностей. Разве может быть спокойно моё сердце?

А я остаюсь здесь. Я понимаю твоё молчание, не сказанные тобою слова. Ты стоишь вдалеке, спрятавшись от палящего солнца под зонтом,

смотришь на меня и не знаешь, что сказать. Много ли значат слова прощания, если они не могут выразить всю твою любовь ко мне? Я вдруг вспомнила одну твою фразу, которая прозвучала в наших разговорах. Ты сказал, как и когда-то Кхием, что любишь меня больше, чем кого-либо в этой жизни. Я была очень взволнована этими словами и поверила тебе, но всё же спрашивала себя: может ли это быть правдой? Достойна ли я того, чтобы принять твою искреннюю любовь? Или же такой высокой награды удостоиваются те, кто делает революцию? И вдруг я поняла, почему люди могут жертвовать своей жизнью ради революции. Потому что революция выковывает высоких духом людей, сплачивает их в единое целое и соединяет друг с другом сильнее, чем что-либо в этой жизни. Что может быть почетнее, чем стать частью этой революционной семьи!

23 октября [1968 г.]

После нескольких дождливых дней стало холоднее.

Сегодня, в холоде начала осени, я ощутила сильнее, чем когда-либо, важность единения с дорогими мне людьми.

Война с каждым днём становится всё более жестокой. Когда же наконец мечта о мире станет реальностью, мои дорогие и любимые люди в обеих частях страны? Я не пессимистка и не нытик, это

всего лишь страстная мечта – моя и 34-миллионного народа Вьетнама. И эта возраставшая долгие годы мечта созрела!

* * *

В эти длинные холодные ночи легкое одеяло совсем не согревает меня. Я проснулась и лежала, перебирая свои воспоминания. Тысячи образов дорогих мне и любимых людей встали перед глазами. Но его лицо с волнистой прядью на лбу и говорящими глазами так и не появилось. Должна ли я корить себя за это? Нет, человек я не бесчувственный. Например, отношения с друзьями и родственниками уже заставляют моё сердце биться сильнее – а ведь тут проявляются более высокие чувства. Но... пряди волос скрыли прекрасный лоб, а глаза, некогда способные говорить, уже давно молчат. Как же ты можешь упрекать меня, мой старый друг, будто я кому-то сказала слово *люблю*?

24 октября [1968 г.]

Операция по поводу рака желудка в последней стадии. В ограниченных хирургических условиях нашей больницы я провела операцию и после осмотра брюшной полости, к сожалению, констатировала, что болезнь уже вступила в стадию метастаз. Не оставалось ничего другого, как зашить

брюшную полость и с болью смотреть на пациента, который постепенно уходил в мир иной. Сегодня вечером я стояла у его койки и чувствовала, как у меня разрывается сердце. Он старался улыбаться, когда разговаривал со мной, но из его глаз текли слёзы. «Я никого не упрекаю. Я знаю, что Вы, доктор, и персонал больницы сделали всё, чтобы помочь мне, но моя болезнь неизлечима. Значит, так и должно быть. Если я останусь здесь, то пусть моё тело покоится в миртовой роще на холме, рядом с моими товарищами. Если же меня отнесут вниз, на равнину, то я ещё смогу поглядеть на своих старых родителей, а затем упокоиться в земле в одиночестве».

Что я могла ему сказать? Я стояла молча, испытывая мучительный стыд и душевные страдания. Конечно, здесь мы были не в силах помочь ему, но в какой-то другой больнице, где условия лучше, можно было бы ещё немного продлить его жизнь. А здесь я – как солдат, проигравший сражение: стою с поднятыми вверх обеими руками, чтобы противник разоружил меня.

26 октября [1968 г.]

Что бы ты ни делала – никогда не требуй чрезмерно многого. Есть ли на свете что-либо, у чего нет ограничений, Тхюи? Значит, надо хорошенько думать, стараться всё оценивать объективно, мысленно ставить себя в любое

положение, чтобы увидеть ситуацию в целом.

1 ноября [1968 г.]

Атмосфера в организации с каждым днём становится всё более сердечной. Это потому, что я член партии, и жизнь моя как под материнской защитой? Или же потому, что я расту и совершенствуюсь профессионально как врач и как кадровый работник? По итогам за прошлый год больница в Дыкфо была отмечена как пример для всей провинции и по результатам лечения и по другим показателям. В числе лучших работников была названа и я. В этой общей победе есть и мой вклад.

Оглядываясь на пройденный путь, я не вижу ничего, о чём следовало бы сожалеть. В период сухого сезона 1967 года я выросла и как профессионал и как личность. Приехав сюда на стажировку, можно сказать, прямо со студенческой скамьи, я, молодой врач с мелкобуржуазными привычками, стала руководящим работником, преодолев тысячи препятствий. Надо и дальше развивать свои положительные качества и изживать недостатки, нельзя успокаиваться на достигнутом, нужно прилагать усилия и в профессиональном отношении двигаться вперёд.

* * *

Удивительно, как среди гор и мрачных лесов, непрерывно поливаемых дождями, перед моим

мысленным взором вдруг ясно предстал сад с яркими цветами в лучах прекрасного весеннего солнца. Ряды роз, лилий, хризантем, цветущие персиковые деревья... Мы с моим любимым гуляем по этому саду. Как далеки от меня эти цветы!

Наступит ли, наконец, время, чтобы на Юге можно было наслаждаться прекрасной порой цветения? Здесь жизнь людей проходит под взрывами бомб и снарядов и наполнена тяжелой болью утрат.

Вот вчера здесь лежал 21-летний юноша, его тело было одной сплошной раной. Он обратился ко мне по имени, в надежде на спасение. Но я только плакала, глядя на него, умирающего на моих бессильных руках.

И сейчас я вижу, как на Юге, на земле, обогрётной кровью и принявшей тела людей, которые отдали свои молодые жизни ради будущего, распускаются цветы победы и героизма. Я – в самом центре Юга. Я брожу по этим цветущим садам, и моё сердце переполняется восхищением, гордостью, и мне жалко, когда эти цветы опадают. Раньше я любила цветы, я и теперь их люблю, но с каждым своим шагом я всё больше понимаю красоту ЦВЕТОВ. И эта любовь к цветам добавила мне, жительнице Вьетнама, понимания того, что такое любовь, ненависть и гордость.

(Ты ведь тоже прекрасный цветок, не так ли, мой младший брат?)

2 ноября [1968 г.]

Вчитываясь в искренние слова, которые ты доверил письму, я немного сожалею о том письме, которое послала тебе раньше. Оно ещё не дошло, а если уже дошло, то ты, верно, будешь расстроен моими вопросами. О, прости меня, младший брат. Я недооценила твою нежную и пылкую любовь.

Я получила много писем, и в каждом – теплота и добрые мысли. Моей душе уютно в этой колыхали чувств.

3 ноября [1968 г.]

На Север пришёл мир! Несправедливые бомбардировки разрушали тишину на нашем дорогом Севере³¹. О, Север... Лица более 16 миллионов северян осветились радостью. Но улыбка каждого из них омрачена болью от сознания того, что Юг по-прежнему в огне и дыму сражений, что там всё ещё хозяйничают злобные дьяволы.

Сегодня на Севере все вы, папа и мама, другие дорогие и близкие мне люди, радуетесь, но в то же время вы думаете о Юге, ваша душа болит о Юге и обо мне. Пора всеобщей радости ещё не наступила, но всё равно будьте счастливы!

³¹ В ноябре 1968 года США временно приостановили бомбёжки Северного Вьетнама (ДРВ).

8 ноября [1968 г.]

Когда я сидела рядом с тобой, мой младший брат, держа в руках твою тёплую и любимую руку, мне вдруг стало очень больно от мысли, что я никак не смогу тебя защитить. И если в этой жестокой войне ты погибнешь, то... о, мой младший брат! Всю жизнь я буду помнить сегодняшние минуты, всю жизнь я буду помнить твои глаза, горящие любовью, а также я всегда буду помнить твои нежные слова. Мой дорогой младший брат, если ты умрёшь, утихнет ли когда-нибудь моя боль? Каждый раз, когда ты признавался мне в своей любви, у меня возникали странные чувства. Почему мы, революционеры, можем так любить друг друга? Любовью глубокой и бескрайней, как океан. Любовью, которая вздымается вверх, как череда волн. Любовью чистой и страстной...

12 ноября [1968 г.]

Не знаю, почему я вдруг стала перелистывать страницы старого дневника, перечитывать старые письма Нгиа. Я думаю о своей любви к нему, моему названному младшему брату, надеясь, что мои чувства неизменны, что они по-прежнему глубоки.

Я и сейчас очень люблю Нгиа. Несомненно, что и впредь эти чувства не будут поколеблены. Но что-то из того, что раньше вызывало волнение, постепенно потускнело. Моя любовь к Нгиа – это

нечто естественное, что не может исчезнуть. И вновь переосмысливая свои чувства, я хочу спросить себя: я что – такой человек, который, обретая новое, забывает старое? Когда был Тхуан, то всю свою любовь я отдавала ему, любимому младшему брату. А в прошлом, помните, я не меньше любила и Нгиа. Когда мы с ним разлучались, на меня находили приступы жестокой тоски, и таким нетерпеливым было ожидание, когда он отсутствовал. В своём отношении ко мне Нгиа очень похож на Тхуана – от образа мыслей до конкретных поступков. Моя размолвка с Нгиа произошла, когда я отказалась принять от него кольцо. И теперь я так же расстроила Тхуана, отказавшись взять у него деньги на покупку радиоприёмника.

Пребывая в таком состоянии недовольства собой, я стала больше понимать, что такое любовь. Любовь нельзя оценивать с материальной стороны, и тем не менее, так бывает. О, Тхюи, как же прекрасно, когда жизнь балует тебя, даруя безбрежный океан любви, тогда как многим, в отличие от тебя, её не достаёт! Почему существует такая любовь? У меня нет ответа.

16 ноября [1968 г.]

Разве возможно рассказать всё о чувствах любви, которые мы питаем друг к другу? Стоя рядом с тобой, я чувствую, как меня переполняет радость, когда ты берёшь мою руку и проявляешь

тем самым всю свою любовь и веру. Время от времени я пытаюсь проанализировать свои поступки, чтобы понять, нужно ли на что-то обратить внимание? По правде говоря, какой бы сильной и глубокой ни была любовь, но это всё же – проявление революционного духа – чистые и искренние чувства двух сердец, жаждущих любви, но истекающих кровью из-за жестокой войны. И я могу их понять только так и никак иначе, отсюда и мои странные ощущения.

19 ноября [1968 г.]

Почему, каждый раз, когда все отправляются в путь, я впадаю в такую страшную тоску? Это необъяснимо. Очень жаль, конечно, что я не участвовала в некоторых совещаниях и конференциях, – ведь побывай я на них, конечно бы, услышала, увидела и поняла много ценного и полезного для своего дальнейшего развития.

А ещё почему? Желая со всей чёткостью проанализировать свои чувства, я в конце концов пришла к такому выводу: расставанию сопутствуют щемящая печаль, бесконечные воспоминания, и когда ты с кем-то в разлуке, – в сердце поселяется тревога.

В такие же дни прошлого года, покидая Фохиеп, я с удивлением спрашивала себя: почему наши отношения сестры и брата заставляют так биться сердце? И сейчас я снова задаю себе этот

вопрос. Ответ может быть только таким: эти чувства переполняют мою душу, и пусть они вызваны революционным воодушевлением, всё равно от них сердце бьётся сильнее.

О, Тхюи! О, девушка, преисполненная любви! Твои глаза блестят от слёз, но даже если у тебя много причин для печали, ты должна улыбаться, и пусть улыбка всегда расцветает на твоём лице. Не позволяй никому искать скрытый за этой улыбкой печальный вздох. Тебе уже 25 лет, будь стойкой и рассудительной, какой следует быть в таком возрасте.

20 ноября [1968 г.]

Каждый раз, когда я прощаюсь с тобой, мой младший брат, я чувствую, как сильна и глубока моя любовь к тебе. Обнимая тебя, целуя твои глаза, я чувствую, что ничто не сможет заставить нас забыть минуты единения. Ты не раз спрашивал, почему я люблю тебя. Почему? Я люблю тебя за твою трудную жизнь, за твою отвагу и стойкость перед опасностями, за то, что твоё сердце жаждет любви, но твоя жизнь проходит в одиночестве и холоде. Да, тебя уважают и ценят люди, твои товарищи, но настоящая любовь обходит тебя стороной. Я пришла к тебе восхищённая, с верой и странными чувствами. Как старшая сестра я не говорила, что люблю тебя больше, чем Нгиа и Кхиема, но могу сказать, что всегда буду любить тебя пылко и искренне.

Ты, сжав мою руку в своей, страстно произнёс: «Поверь мне, поверь, что и раньше, и теперь, и потом никому, кроме моих умерших родителей, не будет принадлежать в моём сердце такая любовь, как к тебе, старшая сестра».

Много раз я старалась тебя разубедить, но ты всё так и не меняешь этого своего, как я считаю, нереалистического заявления. Что же сказать? Да, я верю тебе и обещаю, что буду стараться отплатить за такую благородную привязанность.

О, мой дорогой младший брат, ты – яркий огонь, зажигающий революционные сердца. Это чувства, которые раньше я воспринимала как общее, абстрактное понятие.

24 ноября [1968 г.]

Жизнь проходит перед нашими глазами в тысячах образов: любовь, страдания, надежды и зависть. У человеческого сердца одна половина наполнена алой кровью, вторая – чёрной. И в мозгу тоже есть как прекрасные, разумные стороны, так и чёрные, мрачные грани, грязные мысли.

Полное понимание этого позволит мне достичь в жизни спокойствия и уверенности.

Сегодня ночью я сидела, погруженная в свои мысли, возле керосиновой лампы. Я не собиралась грустить, но грусть всё же пришла и заволочла мои глаза. Мне мучительно хотелось, чтобы рядом был близкий друг, с которым я поделила бы свои переживания. Если бы ты был здесь рядом со мной, то взял бы меня за руку и поцеловал её. Не так ли,

мой дорогой младший брат?

25 ноября [1968 г.]

Работы невпроворот, болит голова, я очень устала. Никаких желаний, кроме того, чтобы вернуться к безмятежной любви. Но мечты мечтами, а реальность - всегда реальность. Душераздирающие стоны и крики больных все так же звучат в ушах. У меня на глазах идёт сложная, трудная и нервная работа.

26 ноября [1968 г.]

Сегодня мой день рождения³², и залпы вражеских орудий доносятся со всех сторон. Ставшая привычной картина: медицинский персонал с тяжёлыми рюкзаками, солдаты на носилках несут раненых. Все спешат укрыться от врага. Ничего, за два года войны я уже привыкла к снарядам и полыханию огня.

Сейчас лес притих. Замолкли залпы орудий, все молча следят за развитием ситуации.

Ну а я вдруг вспомнила мирные дни на Севере. Солнце – зимнее, но его лучи греют, потому что душу переполняет радость. Папа и мама купили в подарок цветы, подготовили праздничный вечер, приходят друзья с поздравлениями... Сейчас у

³² Данг Тхюу Чам родилась 26 ноября 1942 года.

меня другие мечты и желания. И поскольку мои дела идут хорошо – всё подобное следует приберечь для тех людей, которые последние 23 года рисковали жизнью в этой жесточайшей войне, а также для молодежи, которая знала только страдания, ненависть и жертвы. И для моих дорогих людей на этой земле Юга. О, мама и папа, сохраните вашу любовь для нас, приготовьтесь встречать меня и всех ваших сыновей на этой земле Юга, когда мы вернёмся. Мои младшие братья будут достойны вашей любви.

27 ноября [1968 г.]

Печаль и воспоминания тяжёлым грузом легли на моё сердце.

О, почему жизнь так сложна? Я хочу всё забыть, Я хочу только настоящей любви, которая успокоила бы моё сильно бьющееся сердце. Почему вас здесь нет, мои младшие братья³³? Когда вы рядом, нам нужна только тишина. Вы поймёте и разделите со мной эту грусть.

³³ *Имеются в виду Нгиа и Тхуан.*

29 ноября [1968 г.]

Партийный инструктаж³⁴.

Сильные стороны:

- твёрдость, отсутствие страха перед опасностью, готовность к самопожертвованию, выполнение порученных задач;
- высокая организованность;
- вежливость и проявление заботы о населении, любовь со стороны населения;
- заботливость и проявление внимания к раненым бойцам;
- хорошая организация политической подготовки.

Недостатки:

- слабость в руководстве и управлении;
- отсутствие гибкости в работе, случаи недостаточного учёта мнения коллектива при руководстве;
- проявления мелкобуржуазного подхода;
- слабый контроль над выполнением работы.

6 декабря [1968 г.]

³⁴ «Три за» и «три против» – под таким девизом проводились собрания по вопросам критики и самокритики во вьетнамских партийных организациях. Обычно эта процедура, называемая «проверкой личных пунктов», включалась в повестку дня партийных собраний. Данг Тхюу Чам писала эти строки в период, когда и военный, и гражданский персонал больницы был обязан участвовать в таких собраниях.

Думаю о своих отношениях с другими людьми... Я... какая я реально в глазах других людей? Люди, которые не жили постоянно со мной, а только встречались или изредка общались какое-то время по работе (лечебной или преподавательской), относятся ко мне с симпатией, любят меня. Людей, которые долгое время живут рядом со мной, можно разделить на три группы:

- не любящие меня, ищущие во мне недостатки и слабости; таких немного;

- любящие меня, причём любящие особой любовью и всегда выступающие на моей стороне; таких не очень мало, но и не очень много;

- те, кто посередине – таких большинство: любящих и ненавидящих меня людей поровну.

Ну и что теперь, Тхюи? Что следует из таких отношений? Как я могу улучшить их? Способен ли кто-либо угодить всем в этой жизни?

9 декабря [1968 г.]

Прекрасное послеполуденное время на пути в Партийную школу. Солнечные лучи падают на вершины высоких деревьев. Преодолевая крутые подъемы, я вдруг вспомнила те дни, когда я была рядом с тобой, мой младший брат... День, когда переносили пальмовые листья, день, когда мы шли на занятия. Моя любовь окрашена в светлые прозрачные тона. Сотрутся ли они когда-нибудь из памяти? И я, вернувшись к мирной жизни на

Севере, буду ли я всё так же пылко тебя любить? А ты, младший брат, будешь ли ты верен словам, которые ты написал в своём последнем письме: «Если у меня появится любимая, то я ей скажу, что моя любовь к тебе, старшая сестра, выше, чем к ней».

16 декабря [1968 г.]

Трудности всё не кончаются, следуют одна за другой. Враги предприняли серию крупномасштабных карательных операций. Наш район находится на пути их атак, поэтому прежние наши планы приходится пересматривать. Всё сосредоточено на единой цели – отражении вражеских карательных операций. Среди этих планов – наша профессиональная конференция. На ней должны быть подведены итоги нашей работы за два последних года. Я возлагала на неё большие надежды. По многим причинам дата конференции переносилась... И сегодня она опять отложена из-за действий противника. Какое разочарование!

Это – как то, что я написала в записке, которую послала тебе, младший брат, сегодня утром. Когда же я тебя снова увижу? Когда же я смогу осуществить нашу маленькую, но заветную мечту. В своём письме ты мне пишешь: «Воспоминания о тебе, старшая сестра, всецело заполняют мою жизнь». То же происходит со мной. Ладно, достаточно, младший брат. Воспоминания и беспокойство

всё время держат меня в напряжении. Желаю тебе выстоять перед всеми трудностями и опасностями. Обещаю, что в день нашей встречи я обниму тебя, расцелую твои глаза со всей своей неумирающей любовью.

17 декабря [1968 г.]

Известие о том, что Дыонг был схвачен во второй раз, вызвало у меня болезненный шок. Всего лишь несколько дней назад я получила от него длинное письмо. В нём Дыонг писал о сильной любви ко мне и просил считать его младшим братом (опять история о названом старшем брате!). Я не согласна с ним по многим причинам. Во-первых, Дыонг ещё не сделал так, чтобы им можно было восхищаться, чтобы я любила его так же, как Нгиа, Тхыонга и Тхуана. Во-вторых, у Дыонга есть некоторые черты характера, которые не соответствуют моим представлениям о близком, родном мне человеке. Я питаю к Дыонгу только симпатию, понимание, я высоко ценю его глубокие чувства ко мне.

И вот сейчас Дыонг схвачен врагами во второй раз. Выйдя из тюрьмы и ещё не восстановив силы и здоровье, он вынужден был испытывать боль и страдания, потому что его отца застрелили американцы. Ещё не высохли слёзы, пролитые на похоронах отца, как враги во время карательной операции снова ворвались в дом Дыонга. Сначала они застрелили его старшего брата, который

прятался в подземном укрытии, а затем схватили самого Дыонга и сожгли дотла его родной дом. Мать тихо плакала возле тела убитого сына, который лежал на полу их дома, превращённого в пепелище. Можно ли представить более печальную картину, чем эта?

О, Дыонг! Каждый раз, когда я вспоминаю о тебе, в моей душе поднимается такая волна ненависти к этим бандитам, грабящим нашу страну, что перехватывает дыхание. Мы должны их заставить заплатить за эти преступления. Мы должны отомстить за Дыонга и за многих-многих наших товарищей, которые погибли в этой жестокой войне.

18 декабря [1968 г.]

Нет, того, что сказал Муй, быть не может. Наш путь – это путь дружбы, а вовсе не путь любви, освещённый тёплыми лучами солнца. Для меня Муй и раньше, и теперь, и в будущем – понимающий, верный и нежный друг. Этого достаточно, Муй. Не нужно и нельзя заглядывать дальше.

Одно незначительное происшествие сильно меня расстроило. И не оно одно – расстраивает целая череда грустных событий, которые то и дело преподносит повседневная жизнь. Жизнь так трудна, каждый день что-нибудь происходит, и происходит на свой лад. О, Тхюи! Если ты ждёшь, что любовь засверкает новыми гранями, то почему бы не искать новизны и в других вещах, – таких,

как грусть, беспокойство, мелкая человеческая зависть?

Хватит хандрить! Смейся! Будь стойкой в любой ситуации. Не теряй веры и безграничной надежды, которые согревали твоё сердце все эти годы.

Сегодня у меня ночное дежурство. Керосиновая лампа тускло светит в маленькой комнате. Стоны раненых приводят меня в странное грустное состояние. Ещё никогда раньше воспоминания не разгорались во мне столь пламенно. О, мои дорогие и любимые люди! Кто разберётся, что происходит в моей душе нынче ночью?

19 декабря [1968 г.]

Отправляюсь на задание - сегодня предстоит работа на участке высокой горы. Добравшись до вершины, я непроизвольно огляделась вокруг и вдруг обнаружила, что перед моими глазами - пляж южного крыла Дыкфо. Окутавший гору туман мешал мне лучше рассмотреть окружающее пространство, но передо мной стали появляться знакомые картины – дороги № 32 и № 33 в Куитхиене, череда домов, стоящих вплотную к постам у подножья горы... Там... так много тепла и любви, там - безмятежные воспоминания революционной поры, там любящие меня верные сердца... Это только кусочек земли Южного Вьетнама, и почему я ощущаю такую связь с ней?

21 декабря [1968 г.]

Уже давно я не думала о М... Сегодня перечитывала письма, присланные с Севера, письма от Тхай³⁵, от Фыонг, от дяди Хиена³⁶, и вдруг меня захлестнула печаль. Они в своих письмах желают мне счастья и думают, что я буду рада снова встретиться с М. Разве это – не ирония жизни? Дядя Хиен пишет, что удалось постепенно преодолеть недоразумения и наладить отношения с Зунгом. Теперь дядя Хиен считает, что Зунг – не только добрый, хороший и надёжный человек, но и преисполнен дружеских чувств.

Счастье в любви ко мне не приходит. Не знаю, что будет дальше, кого я полюблю, кто будет этот человек? И способно ли моё сердце на настоящую любовь?

О, Тхюи! Ты что – пессимистка? Оглянись вокруг, сколько товарищей, сколько молодых людей отдали свою юность революции – они погибли, так и не познав счастья. Можешь ли ты думать только о себе? Не смотри в сторону Севера, оглянись вокруг – эта земля полыхает от бомбёжек и стонет от боли.

23 декабря [1968 г.]

³⁵ Во Тхи Тхай – близкая подруга Данг Тхюи Чам.

³⁶ Речь идет о Зоан Куэ – родном дяде (по линии матери) и близком друге Данг Тхюи Чам.

Сегодня исполнилось ровно два года, как я покинула родной дом. В 3 часа дня, в такой же день два года назад я уехала на грузовике. Дорога была очень плохой. Это я поняла, ещё не сев в машину.

И вот спустя два года настоящей жизни ты попрежнему расстраиваешься, когда видишь ту грязную, испещрённую ухабами дорогу? Отчего твоя боль? Такова жизнь, в которой есть прекрасные душистые цветы, но есть и черные тучи, застилающие небо. В течение же одного долгого года бывают и солнечные, и дождливые дни.

Сегодня я сумела подавить в себе раздражение, настроилась на бодрый лад, взяла тетради и отправилась учить своих «младших медиков». Вечером я уже могла спокойно улыбаться, наблюдая за реакцией тех людей, чьи личные права были задеты. Но отчего же сейчас, при свете керосиновой лампы, склонившись над страницей из дневника, я чувствую, как слёзы снова наворачиваются на глаза? Перестань плакать, Тхюи! Успокойся и будь непреклонна, когда знаешь, что ты права. А если захочется заплакать, – сдержи слёзы до тех пор, пока в твоей руке не окажется рука дорогого и близкого человека, которому можно доверить свои чувства и мысли. А что касается всяких трудностей, опасностей, испытаний в жизни, то надеюсь, мне удастся не утратить улыбки, которая уже давно не сходит с моего лица. Хотя... сколько слёз скрыто под этой улыбкой. Ты сохранишь их для своих родных и близких людей, слышишь, Тхюи?

26 декабря [1968 г.]

Получила письма от М. и его отца. Почти все, кто знал эту историю, счастливы за меня. Но почему же мне самой так грустно?

Отец М. написал мне, что я права во многих отношениях: это революционные убеждения, отвага, чистая, верная и непоколебимая девичья любовь. Но отец М. ещё не увидел во мне таких качеств, как самоуважение и гордость. Если бы с самого начала я поняла разницу между своей душой и душой того бойца, то, возможно, и не полюбила бы его. И если впредь она будет существовать в глубине наших чувств, то этого окажется достаточно, чтобы оттолкнуть в сторону ту любовь, к которой я стремилась.

Минуло десять лет, пройденный путь не был коротким. Сейчас я стою на развилке, с намерением свернуть на другую дорогу, хотя никто не знает, куда она меня приведёт.

Радоваться нечему. По-прежнему – только М. Сравнительно с тем временем, когда мы встретились, сейчас я человек гораздо более реалистичный, эмоционально зрелый, и бурная любовь тех безмятежных дней уже давно прошла.

В руках у меня письмо от М., но я не спешу читать. Прочитав его, я почувствую давящую грусть, но спустя несколько часов я как ни в чём не бывало снова спокойно вернусь к работе, к будням жизни. О, Тхюи! Твоё сердце опустошено, в нём нет больше места для переживаний?

31 декабря [1968 г.]

В новогоднюю ночь небо чистое, нет и намёка на облака. Уже очень поздно, но никто не хочет спать. Со всех сторон из гулких комнат доносятся разговоры. Никто не хочет спать, ведь осталась ещё только эта ночь, и уже завтра начнётся Новый год.

После этого большого праздника каждый пойдёт своим путём, перед каждым будет поставлена на ближайшие дни тяжёлая, трудноразрешимая задача. На этом последнем своём этапе война становится всё более ожесточённой. Кровь ещё долго будет литься, и её прольётся много ради окончательной победы.

Сидя рядом с тобой, мой младший брат, я не сказала всего того, что следовало сказать, потому что вокруг было много других людей, которые тоже говорили. Я была немного грустна, потому что не удалось осуществить все наши мечты. Тем не менее, я понимаю тебя, когда смотрю в твои глаза, когда слышу твоё глубокое дыхание. Любимый младший брат, любовь даёт нам веру, силы и радость единения; затем, разумеется, когда мы будем далеко друг от друга, она даст нам воспоминания. Так почему ты грустишь? Улыбайся же, младший брат! Когда я снова увижу тебя? А если не увижу тебя снова, то... Я не хочу продолжать думать в таком пессимистическом духе.

До свидания, мой младший брат. Я обнимаю тебя, слушаю твоё дыхание, я хочу сказать так много, но продолжаю молчать, потому что верю, – ты понимаешь меня, понимаешь всю глубину и

силу моей к тебе любви.

1 января [1969 г.]

Наступил новый год. Президент Хо Ши Мин обратился к народу с новогодним поздравлением:

В пройденном году добились славных мы побед,

В этом – больше и значительней на фронте.

За свободу Родины и суверенитет –

Янки – вон, приспешников – прикончим.

В путь, вперёд, трудящиеся и бойцы!

Юг и Север вновь сольются – краше нет весны!

На этот раз – не столь вдохновенно, как в прошлом году, подумалось мне – возможно, я не совсем осознаю, а может быть, не в полной мере оцениваю достигнутые успехи? Или не так? Наверное, в прошлом году сильнее ощущалась радость от начала событий, а в этом году чувствуется также радость, только уже позади бурное «начало». (Так говорю не только за себя, но и за других людей).

4 января [1969 г.]

Лежала рядом с Нинь³⁷, разговаривали, но я так и не поняла, почему вдруг она рассказала мне, как и что думает о своём старшем брате. А когда я

³⁷ Та Тхи Нинь - медсестра. После 1975 года стала заведовать медпунктом общины Фокьонг.

услышала всё, то почувствовала себя какой-то виноватой. Мне стало жаль Тхуана, я ведь всегда думала, что его понимаю, на самом деле – почти не понимала. Недоценила его самоотверженность, его высокую сознательность и совесть медикабойца. В общем отчёте о своих успехах Тхуан мельком коснулся, всего в трёх строчках, «хорошей работы *товарища Т.*»! Я совсем не знала о том, что не раз в ночное время, под дождём, когда кругом взрывались бомбы и снаряды, Тхуан спешил доставить на позиции медикаменты. Однажды пожалев Тхуана, Нинь не разбудила его, а послала другого человека на неотложную помощь. Узнав об этом, Тхуан очень рассердился и требовал, чтобы его извещали обо всём и всегда, даже если он спит, болен или чем-то занят.

Я очень мало что знала о горе Тхуана, об утратах, понесённых его семьёй. Видя его спокойным и веселым, я и помыслить не могла, что по ночам он не спит и плачет навзрыд как ребёнок. Не знала я и того, что каждый раз, когда он упрекает Тяё в незаботливом отношении к родным и тот начинает плакать, у самого Тхуана глаза наполняются слезами.

Я так мало знала о трудной жизни Тхуана. Всегда верила в него и не могла думать, что он терпит всякие неудобства и лишения ради того только, чтобы лучше жили я и другие. Он делал *ноны*³⁸ на продажу, чтобы выручить какие-то деньги! Увы, как же я об этом не подумала?! Даже его добрые чувства ко мне я не пыталась понять!

³⁸ *Нон – островерхая шляпа, сделанная из листьев пальмы.*

Тхуан, мой младший брат! Как я виновата перед тобой! И как мне всё это исправить? Твоя жизнь будет мне вечным уроком! Я должна учиться у тебя смелости, самоотверженности, ответственности, терпимости, силе воли и всему, чем преисполнено трепетное сердце революционера!

9 января [1969 г.]

В этом году Бону исполняется двадцать один год. Всего двадцать один год - и семь боевых ранений! Этот молодой командир роты разведчиков произвёл на меня незабываемое впечатление. Первый раз мы с ним встретились, когда его доставили в больницу с небольшой раной на ногу. Через несколько дней с недолеченной ногой Бон всё же выписался, а чуть более месяца спустя он снова поступил ко мне на лечение – уже с пробитым пулей суставом предплечья; от большой потери крови он выглядел безжизненным, не двигался. После операции Бон немного пришёл в себя, и на его бледных губах засияла озорная улыбка. Рана очень болела, но он не стонал и всё боялся одного: что если он больше не сможет воевать? Каждый раз во время обхода я подсаживалась и, ласково поглаживая по голове этого раненого юношу, утешала: успокойся, братик, ты ещё обязательно возьмёшь в руки ружьё и пойдёшь в бой!

Помню, позже мы как-то встретились с ним во время похода. С автоматом АК-47 на плече, узнав

меня издалека, он радостно закричал: «Здравствуйте, доктор! Смотрите: с моей рукой всё нормально!» – и поднял руку в подтверждение того, что сустав его предплечья совсем зажил. В ответ я улыбнулась, увидев вновь розовое, сияющее здоровьем лицо и задорную улыбку этого бойца Освободительной армии.

Сегодня к нам в больницу снова привезли Бона – невероятно бледного. Он лежал тихо, не издавая ни стога. Одну ногу ему оторвало миной, вся одежда пропиталась кровью. Со всей ответственностью и заботой мы с товарищами оказали ему первую помощь. Оставшись с одной ногой, Бон улыбнулся: «Теперь буду жить на 80%!». Я всё же не могла быть спокойной, он потерял слишком много крови. Пульс учащался до 140-150, но всё же нас не покидала надежда.

В конце концов потерявший много крови Бон не выдержал испытания. Дорогой Бон, твоя кровь пропитала родную землю, она окропила всю дорогу, по которой ты шёл на бой. Твоё сердце перестало биться ради того, чтобы вечно билось сердце нашей Родины.

Бон ушёл от нас с закрытыми глазами, словно заснул. Я сидела рядом, гладила его по голове; мне всё казалось, что он ещё жив, и мои слёзы капали на его волосы. Нет, Бон не умер, он остаётся навсегда в моём сердце и в сердцах своих боевых товарищей, с которыми он будет стоять рядом в этой смертельной борьбе!

Это нежданное горе вызвало тысячекратно возросшую ненависть к агрессорам. Глядя на Бона, я с опасением подумала о моих дорогих братьях и

сёстрах, которые в сражениях и днём и ночью тоже подвергаются нелепой жестокости бомб и снарядов.

Уже несколько дней подряд противник ведёт ожесточённый обстрел Фокыонга, и Тхуану чудом удалось избежать смерти. Увы, пока эти кровожадные враги существуют, наши страдания не кончатся! Не будем щадить проклятых шакалов! У нас нет другого пути.

10 января [1969 г.]

Моя тоска затянулась, как нескончаемые дожди, которые льют уже десять дней. Десять дней, а кажется, что уже целый месяц! Чего-то ждёшь, что-то всё время тревожит. Грусть сочетается с опасением за участь любимых тобой людей – участников сражений, постоянно ощущаешь грозящие им опасности. Что еще можно сказать по этому поводу? Пока янки здесь, у нас не будет дня без скорби и горя! Ах, когда же придёт конец этой ненависти?!

11 января [1969 г.]

В Фокыонге ещё напряжённо – противник продолжает наступление: у населения отбирают рис, поджигают дома, – в соответствии с планом молниеносного умиротворения. Отсюда слышны

выстрелы и взрывы – каждый выстрел с болью отзывается во мне, заставляя думать о жителях этой местности. Среди многих людей явственно представляю себе Тхуана в тёмной одежде, промокшей от пота и дождя: на его худощавом и усталом лице светят чёрные глаза и сияет улыбка. Соскучилась по нему, вот и вижу везде его лицо. Порой в памяти возникают падающие на лоб волосы умирающего на моих руках молодого бойца Освободительной армии. А тут ещё горестные утраты, свалившиеся на маленькую Лиен: она только что узнала о том, что её мать тяжело больна, при смерти. В её семье сейчас, кроме матери, нет никого – старшие братья отправились на Север, старшая сестра переехала в Сайгон, а невестку – жену пятого старшего брата – ранило и её куда-то увезли. Оставшаяся дома мать смирилась с одиночеством и всеми лишениями, отдав всю свою материнскую любовь, и вручила самое ценное младшей дочери (Лиен) с тем, чтобы она могла спокойно покинуть дом и принять участие в революционной борьбе. Сейчас у матери Лиен – кровоизлияние в мозг, она лежит без движения на лежанке опустевшей хижине, и о ней некому заботиться. Лиен плачет, и её слёзы проникают мне в душу, как слёзы Тхуана когда-то, когда он узнал о смерти отца.

Всё, всё это из-за дьяволов-захватчиков! При них не может быть иначе.

12 января [1969 г.]

Бинь сообщила, что американцы оставили Фокьонг и там опять стало спокойно. Из письма я узнала, что она жива-здорова. Только на последней, четвёртой, странице была всего одна строчка – о том, что она очень устала и не может подробности передать. В общем, письмо целиком посвящалось тому, как она скучает по мне и тревожится за меня. Она не писала, как однажды за целых 12 суток ей удалось лишь раз немного поесть, и всё это время она, не переодевалась – её промокшая одежда то высыхала, то снова промокала. За ней несколько раз гнались танки и пехотинцы, и она просто чудом спаслась. Обо всём этом мне не сообщалось ни слова, и только от человека, который получил от неё письмо, я узнала правду. Во мне боролись смешанные чувства жалости к ней, тревоги и обиды. Я было обиделась на Бинь за то, что она не была со мной откровенна (ведь намеренно скрывала от меня трудности, с которыми сталкивалась), но потом – подумала: видно, Бинь не хотела меня тревожить, а это надо толковать совсем иначе, как то: «Я тебя слишком люблю и слишком к тебе привязана, чтобы сообщать обо всём».

14 января [1969 г.]

Все в разъездах. В больнице стало необычно тихо и грустно. Осталось несколько раненых, и столько же сотрудников, и каждый тихо занимается своим делом. Лишь слышно, как неподалёку

плещется ручей. Мне уже 26 лет, кажется – не девочка, чтобы поддаваться унынию! Но в любой обстановке всё же главное – сам человек. Как писал поэт Нгуен Зу: *«Когда мы грустим, природа не может быть весёлой!»*. Как ты можешь веселиться, когда янки топчут твою родную землю, убивают твоих соотечественников! Какое тут веселье, когда страна ещё разделена пополам и родным не дано соединиться!

Дорогая Тхюи! Разве нашему сердцу суждены только грустные воспоминания и тревоги? На войне нам нужны и большая радость, и нестигаемая воля, и непоколебимая вера. Храни в себе эти чувства, отгони грусть – она не должна туманить тебе глаза!

16 января [1969 г.]

Нгиа заходил, но меня не застал – я проверяла работы слушателей на экзамене. Оставил письмо и гостинцы. Передавая мне гостинцы и деньги, Ба сказала с плохо скрытой завистью: *«Какой славный у тебя названный братик!»*. Эти слова, сказанные, конечно, без задней мысли, все же меня немного задели. Наверное, Ба и другие не понимают и не могут понять высоких чувств людей с такими горячо любящими сердцами, как у нас с Нгиа, Тхуаном, Хиемом, Тхьонгом... Нас связывает такая необычайная любовь, которая побуждает каждого думать не о себе, а о других, и каждый

готов пожертвовать собой ради своего друга. Мы не придаём значения каким-то тысячам или паре сотен донгов*, каким-то гостинцам. В конечном счёте мерилом дружбы служат не деньги, а верность нашим взаимным чувствам. Моим младшим друзьям порой не на что было купить курево, но в нужный момент они всегда приходили мне на помощь. Бывало, что они скрывали от меня свои лишения и отдавали мне самое лучшее. Короче говоря, я должна быть достойна их любви.

18 января [1969 г.]

Перечитываю письма от своего младшего названного брата. И трогательно, и так забавно, что не могу удержаться от смеха. Его чувства – не мудрёные, но горячие. Прежде подобных наивно-откровенных писем я никогда не получала. Его примитивные, грубоватые выражения на редкость прямолинейны. Он беспокоится обо всём в моей жизни, интересуется даже тем, каким будет и как станет заботиться обо мне его «зять», то есть мой муж. Смешно, конечно. Не знаю, как складывались его представления о любви, но трудную долю замужних женщин он себе уже представляет. Ясно, что сам он ещё толком не знает, по каким критериям ему выбирать себе образованную девушку, достойную быть любимой! Не беспокойся, братишка! Твоя старшая сестра не проявит

* Денежная единица Вьетнама

легкомыслия, выбирая себе любимого человека!

19 января [1969 г.]

Погожий воскресный вечер. Джунгли окутаны солнечными лучами и овеваются ветрами. По радио транслируется концерт зарубежной музыки. Сажу за работой в маленькой комнате и невольно наслаждаюсь мирной тишиной. Забываю про бомбы, снаряды, горе и скорбь, всецело поддаюсь власти вдохновенных мелодий.

Похвально это или предосудительно – не знаю. Нехорошо, когда забываешь о бесконечном горе народа, о злодеяниях кровожадных дьяволов, которые день и ночь топчут твою родную землю. Но похвально, однако, то, что среди невероятных трудностей ты не утратила жизнерадостность, оптимизм и веру, хранишь в себе свет надежды.

Милая моя Фьонг! Там, на Севере, чувствуешь ли ты когда-нибудь горечь разлуки, известную каждой вьетнамской семье? Здесь мои горе и скорбь в тысячу раз глубже. Я, как всегда, желаю, чтобы в наших с тобой душах никогда не иссякали радость и мечта. Чтобы, несмотря на взрывы бомб и снарядов, всё было, как раньше, – чтобы снова стоял воскресный вечер, и мы бы вместе слушали программу зарубежной музыки, что-то писали в дневнике и чтобы жизнь была полна мечтаний!

22 января [1969 г.]

По окончании курсов подготовки медсестёр меня не выпускали из объятий, осыпали поцелуями. Нинь с грустью взяла мою руку и шёпотом сказала: «Ну, я пошла, моя старшая сестра!» – а сама, всхлипывая, прижалась к моему плечу. Многие плакали, когда прощались со мной, но больше всего меня тронули слёзы этой хрупкой девочки. По правде говоря, я очень её жалела: их домишко со всеми продуктами питания сожгли враги. За что я её полюбила? Может быть, за то, что она несколько раз откровенно делилась со мной, а может быть, за то, что она всегда нежно и заботливо относится к своему старшему брату. Наверное, и то, и другое.

До свидания, маленькая моя Нинь! Смело шагай по славному, но тернистому пути работника революционной медицины! Уверена, что ты, хрупкая девочка, многое сделаешь в великой жизни людей нашего поколения.

7 февраля [1969 г.]

Ночь в доме старой женщины-вдовы. Мне не спится – видно, оттого, что в печурке постоянно горит огонь, а может быть, оттого, что в холодную ночь в джунглях меня согревают чувства, которые питает ко мне мой младший брат. Помнится, как мне было больно слышать от него: «Дорогая моя,

если мне когда-нибудь не повезёт и я не успею сказать тебе своё последнее слово, то считай, что сегодня я его уже сказал!». Прижав его к себе, я, расстроенная, подумала: война никого не пощадит, не дай бог, чтобы при исполнении боевого задания ты погиб! А если это случится... как мне быть?!

Услышишь ли ты в моём тяжёлом вздохе, как я люблю и тревожусь за тебя, мой младший брат?

8 февраля [1969 г.]

Пройдена часть пути - позади 14 трудных дней, когда мы шли под палящим солнцем и ливнями, преодолевая крутые склоны и быстрые речки. В трудностях я всегда нахожу радость, поскольку, что бы то ни было, жизнь - это океан любви. Нашей группе из Дыкфо и лично мне от души помогали буквально все, – от незнакомого кадрового работника до случайного прохожего.

И я несказанно рада, поскольку убедилась, что жители местечка Дыкфо относятся ко мне как к землячке, готовой разделить с ними и радость и гордость за эту героическую землю. Как не радоваться, когда среди всех участников совещания мы были поставлены в лучшее, даже привилегированное положение, к нам проявляли все возможные знаки внимания и оказывали высокую честь?! И я, ханойская девушка, приехавшая из Дыкфо, всего этого удостоилась.

Чего тебе ещё надо, милая Тхюи Чам? Эта

радость тем больше, что она пришла в трудные, но счастливые дни, когда рядом дорогие тебе люди, не так ли? Дорогие люди – это бывалые работники, которые после первой же встречи с тобой уже хорошо понимают и любят тебя. Среди них – юноша, вчерашний школьник, который добился на работе успехов благодаря полнейшей самоотдаче делу. Это терпеливая, мягкая девушка, которая всегда ставит интересы людей выше собственных. Это и тот парень, которого я считаю своим младшим братом – он всё делает для меня, заботится о том, чтобы я ни разу не забывала о еде, словом относится ко мне с необъяснимой симпатией. За прошедшие более чем десять дней я не раз задавала себе вопрос: «На чём основаны столь прекрасные чувства?». Мы с ним вполне осознаём, что у нас высокие, чистые и ясные отношения – как у старшей сестры к младшему брату. Может быть, мы что-то недоучли, сделали не так и что-то надо исправить? Со своей стороны, я должна первой ответить на этот вопрос.

11 февраля [1969 г.]

Что с тобой, дорогая Тхюи? Отчего тебе спится несладко и ты во сне видишь всякое? Почему, когда кругом дел хоть отбавляй, ты их решаешь, но при этом никогда не забываешь об одном – чувствах? Говорят, чувствами всегда управляет разум. Тогда подави в себе всякие чувства и воспоминания и

сосредоточься на работе! Сдерживай все горячие эмоции своего трепетного сердца. Ты слышишь, Тхюи? Доносятся выстрелы, возвещающие о начале победоносной весны.

14 февраля [1969 г.]

Утром отмечала Тэт* вместе с прибывшим с Севера военным подразделением. Разнообразие лиц и голосов напомнило мне дни жизни на Севере. Надо было оставаться подольше, чтобы толком поговорить, но сердце словно сжалось от неразделённой грусти, и я попрощалась со всеми и медленно пошла к себе. За вершиной горы погасло вечернее солнце, подул лёгкий ветерок... Удручённая грустью и тоской, я остановилась на холме. Очередной Новый год – Тэт, третий вдали от дома – мне пора уже привыкнуть к одиночеству на новой земле, чувствовать себя в уезде Дыкфо, да и во всей провинции Куангнгай, согретой сердцами многих людей. А между тем я все ещё веду себя, как в первые дни после того, как отправилась в дальний путь. Я полна желаний, жажды снова жить с родителями в семейном уюте, я ведь даже сейчас ощущаю себя балованной девочкой, готовой приставать к маме со своими капризами, как в далёком детстве. Собиралась было написать об этом в письме младшему брату, но передумала: наверно, не надо...

* Тэт – Новый год по лунному календарю.

15 февраля [1969 г.]

Новогодняя ночь!

Наступила ли уже полночь? Миг, когда скорбные дни соприкоснутся с наступающими счастливыми мирными днями. Вся страна безмолвна, но она готовится к событиям. Можно ли сравнить это с тем, как мать носит зародыш в своём чреве, и вот-вот на свет появится здоровый ребёнок?

Сегодня поздним вечером после операции я очень устала, к тому же мной так овладели тоска и грусть, что ничего больше мне не хотелось делать. Это нехорошо, дорогая Тхюи!

17 февраля [1969 г.]

Ты, мой младший брат, пришёл по делам, и заодно навестил меня. Это я прочитала в твоих глазах, полных тепла и ласки. В этом отношении мы с тобой одинаковы: Тэт для всех праздник, а мы чувствуем себя более одинокими в присутствии этой обстановке общем одиночестве. Я – вдали от дома, от родных, живущих и на Севере и на Юге; а ты почти один (хотя у тебя ещё двое младших), редко мы с тобой рядом друг с другом. Ну, что ж – взаимная любовь согревает наши сердца. Будь жизнерадостной, не грусти, даже когда меня нет рядом! Желаю тебе всяческих удач и успехов в новом году, и пусть он нас ещё больше сблизит!

19 февраля [1969 г.]

Кругом воцарилась какая-то недобрая тишина. Совсем исчез ночной влажный ветерок. В лесу стало так тихо, словно листья не хотели шуршать! Видимо, под влиянием леса люди тоже затихли, каждый молча занимался своим делом. Не знала, о чём они думали, но у всех глаза какие-то недовольные, а лица не улыбочивы. Я была не в настроении, приходили странные мысли. Сначала – тоска по родному дому, по младшей сестре, потом – всплывающие в памяти разные эпизоды жизни. Представилось утро одного военного похода. В джунглях стоят высокие деревья, вершину горы освещают золотые лучи... Другое утро – на равнине. Солнечные блики пробиваются сквозь бамбуковые стволы и падают на стол, стоящий перед окном...

Во мне притаилось терпеливое ожидание чего-то – я ждала возвращения знакомых людей, хотела, чтобы время летело быстрее и приносило новые радостные минуты... Всё было смутно и зыбко, но как это бредило душу.

Промелькнула тревожная мысль. Если наши опасения оправдаются, то я готова принять смерть ради конечной общей победы. Перед нам встанут нелёгкие задачи, но пока не хочется определять, какие конкретно, чтобы заранее не опасаться трудностей и тревог. Пусть всё это наступит, тогда и решу – ведь трудности я всегда встречаю спокойно, не унывая. Тем не менее, всё же надо подготовиться заранее и наметить план действий.

20 февраля [1969 г.]

Работа трудна, как никогда! И никогда прежде я не волновалась так, как сейчас. Задания, которые мне предстоит выполнить, требуют от меня больших усилий – и профессиональных знаний, и умения руководить. Конечно, я возмужала, но в свете особых требований опасаясь, что предстоящий объём работы мне окажется не под силу. Что же делать? Только стараться и стараться!

* * *

Тот солдат, наверное, отправился на фронт. Желая ему возвратиться с победой, чтобы я могла снова увидеть чёрные глаза, освещающие лицо этого бойца Освободительной армии!

21 февраля [1969 г.]

Читаю стихи, присланные П. Х.³⁸ с Севера:

*Там, под небосводом, где я был,
Прошлое с грядущим загремело;
Там, в гнезде, птенец с любовью долго жил,
Окрылился – птичка улетела...*

Неужели безответная любовь этого «телохранителя» не прошла?! Его образ давно вытеснили из моего сердца другие лица, но сегодня, прочитав стихи, я его вспомнила... Лето, тротуары улиц в

³⁸ Псевдоним журналиста-поэта Ле Фу Хыонга.

красных цветах *фьюнг*, а зелёные листья – в ярких лучах солнца...Я возвращалась домой после занятий и возле трёхэтажного дома под номером 14 на улице Ле Чык увидела его: он ждал меня, и прядь волос скрывала взгляд грустных глаз. Вечером со всех сторон гроза, вихри пыли кружили в воздухе, а он всё ждал меня у стадиона на улице Хангдэй. Проезжая на велосипеде, я с удивлением узнала его в вечернем освещении... Нельзя сказать, что я его любила, – просто относилась как сестрёнка к старшему брату, однако постепенно симпатии становилось всё меньше, так как я много раз его решительно отвергала, а он не переставал меня любить. В последнем письме он писал: «Ладно, уходи, возможно, со временем у тебя и появится любимый человек, но я могу точно сказать, что на свете никто не будет тебя любить больше, чем я!». Может быть. Однако я не раскаиваюсь: ведь я его не любила, о чем могла идти речь без взаимности! Всё же мне жаль его. Пусть надеется, что я смогу предложить ему взамен все те же чувства любви младшей сестры к брату!

24 февраля [1969 г.]

Бои начались ещё позавчера ночью – наши бойцы словно вложили в мощь снарядов всё своё воодушевление, сознание правоты и уверенность. На душе радостно и тревожно. Всё это, видимо, – от моей работы, очень для меня тяжёлой. Отчего

же ещё? Кто из моих любимых людей будет считаться павшим во имя завтрашней победы? Без потерь нет победы, но...

26 февраля [1969 г.]

Весенней ночью светит чудесная луна – мне так хочется подавить прекрасные чувства, горячие переживания, чтобы потом окунуться в работу, но не удаётся. Видно, ничто не может подавить в моём сердце ностальгию, мечты и надежды. В прошлом году, оказавшись в подземном укрытии и слыша голоса искавших нас вражеских солдат, я несмотря ни на что рассказывала Кхиему о Павле³⁹. Другой раз во время вражеской карательной операции, когда кругом рвались бомбы и снаряды, я, сидя в каменном ущелье, писала письма и дневник. Я и теперь, несмотря на груз обязанностей, остаюсь собой, я сохранила от прошлой жизни самые заветные чувства. Правда, поглощающие меня переживания не направлены на какого-нибудь юношу, – они несравнимо больше и горячее. Не могу забыть мальчонку, которого видела однажды, девочку, успевшую испытать на себе трудности работы, которая всегда называет меня «старшей сестрой». Как мне забыть младшего брата, всю душу отдающего службе, который ничего от меня

³⁹ Имеется в виду Павел Корчагин, главный герой романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

не скрывает? Сегодня я стояла у стола рядом с молодым раненым – черноглазым с длинными ресницами, который время от времени вскидывал на меня взгляд – чем напоминал мне братика, которого я когда-то пристально рассматривала. Кто я такая? Я девушка с чутким сердцем, но только в сложных, смертельно опасных ситуациях не позволяю себе проявлять слабость.

6 марта [1969 г.]

Перечитывая письма, вникаю в чувства отправителей. Как никогда, сочувствую искренним переживаниям младшего брата. Как мне поступить, что мне сказать, чтобы быть достойной его любви? К нему я отношусь так же, как и к Нгиа, Тхыонгу и Кхиему, а это значит, что, если мерить по шкале человеческих чувств, то имеются люди, стоящие выше, как я не раз говорила. А он в каждом письме мне повторяет одно: «Только тебя, моя старшая сестра, я люблю больше своей жизни». Что мне сказать по этому поводу?!

9 марта [1969 г.]

Снова встретила с Таном, и мне что-то не даёт покоя. А что именно? Грусть, тоска или упрёк – не знаю, только вдруг я почему-то разволнова-

лась: ведь с появлением Тана оживились воспоминания, для которых в душе своей в последнее время вольно или невольно я не оставляла места. Дорогой М., где ты сейчас? Тан не привёз никаких сведений о тебе. Разве мы с тобой окончательно расстались? Вот откуда боль в сердце – рана в нём никак не заживёт!

Сегодня вечером я здесь, ты там – мы оба молча готовимся к долгожданному моменту. Ты готовишься, так же, как и я, мы оба будем сражаться. Почему мы снова далеки друг от друга, о, мой любимый товарищ? Другие бойцы Освободительной армии также достойны любви: они смелы и мужественны не только в боях, но и на больничных койках! Вот паренёк-связной с ямочками на щеках, который всегда улыбался, невзирая на страшную боль от раненой и опухшей руки. Вот командир, поражавший своей выносливостью: от боли у него слёзы текли из глаз, но он отвечал: «Ничего!». Когда я садилась рядом, брала его горячую от озноба руку, слышала его усталое дыхание, – мне было очень жаль раненого, но я не могла его утешить ничем. Видимо, я питала к нему добрые чувства не только как врач, но и как землячка, однако не хотела выдать себя словами, и по моёму нежному взгляду он вряд ли об этом догадался!

Сегодня все бойцы выступили в поход, начали победное наступление. Желаю им счастливого, победного пути, а тому ясноглазому бойцу говорю: До свидания!

12 марта [1969 г.]

Что я думаю о том, как переменился ко мне Нгиа? Может быть, это «измена»? Слово слишком тяжкое, однако чувствую какую-то трещину в наших отношениях. Очень грустно. Ты забыл свои обещания? То, о чём мы говорили вчетвером на ночном берегу моря в Фохиепе? От твоих писем, гостинцев исходило тепло. А сейчас!.. Ответь, пожалуйста: неужели ты сознательно порвал связывавшие нас нити взаимной симпатии? В связи с этим я вдруг подумала о Тхуане. Может ли наступить момент, когда и Тхуан изменится подобным образом? Если это произойдёт, я больше никому не буду доверяться.

13 марта [1969 г.]

Погиб ещё один боец. Ему разворотило весь живот - сплошная рана. После операции его состояние не улучшалось, а постепенно ухудшалось, видимо, из-за внутреннего кровоизлияния: долго искали осколки, но ничего не нашли, только повредили какой-то кровеносный сосуд. На консилиуме по поводу того, нужна ли повторная операция, мнения разошлись. Я не могла успокоиться. В конце концов он умер – его смерть заставила меня думать до боли в голове. В чём причина того, что он умер? Из-за моей нерешительности? Вполне возможно. Прояви я решительность, была бы хоть какая-то надежда спасти его, хотя бы 10 процентов из 100! Но

я согласилась с мнением большинства членов консилиума, тем самым отбросив последний шанс на спасение. Его не стало, в нагрудном кармане нашли маленький блокнот, в котором были фотографии девушки с очаровательной улыбкой, а также письмо, в котором та же девушка твёрдо обещала дожидаться его возвращения. На груди умершего нашли ещё платочек с вышитыми словами «Жду тебя!». О, девушка, оставшаяся в тылу! Не вернётся Ваш любимый человек, и траурная повязка на Ваших чёрных волосах станет свидетельством Вашей скорби, злодеяний американских империалистов, а также моего раскаяния – раскаяния врача, не сумевшего спасти Вашего любимого, шанс на спасение которого ещё был.

16 марта [1969 г.]

Политический инструктаж в партии; курс «три за» и «три против».

В партийной ячейке были даны следующие характеристики.

Положительные черты:

- Заметно растёт как руководитель, глубоко вникает в суть задания, всесторонне управляет трудовым процессом;

- Успешно выполняет порученные сложные задачи;

- Проявляет идеологическую устойчивость, высокую организованность;

- Тщательно разрабатывает планы, контролирует и проверяет их выполнение.

Отрицательные черты:

- Временами допускала несколько поверхностный подход к работе;

- Не использует все возможности для своевременного анализа результатов работы;

- Недостаточно заботится о повышении жизненного уровня сотрудников.

17 марта [1969 г.]

Читаю письмо от тебя, мой друг. В коротком письме - и любовь, и обида - я словно возвращаюсь в те далёкие дни, когда в наших с тобой отношениях ещё не было никакой трещины. И в ответ я писала (может быть, не совсем обдуманно): «Всё, что уже девять лет с нами, нелегко забыть, хотя кое-кто желал бы предать это забвению. Кто же этот «кое-кто»? Это ты, это я, это и окружающие нас с тобой люди с их мнениями. Но те корни, что ушли глубоко в землю, могут прорасти, когда капли прохладного весеннего дождя – благодатных эмоций – потекут по девичьим щёкам...».

19 марта [1969 г.]

Вчера ночью в Дыкфо наши начали наступле-

ние. Весь уездный городок словно полыхал огнём ненависти наших бойцов. Среди героев был Лык, который недавно лечился у нас. В первом же бою после своего выздоровления он погиб. С горечью я восприняла весть о гибели Лыка. Передо мной будто всё ещё стоит этот парень с умными глазами – живое воплощение человека сильной воли. Помню, как он обычно накидывал на плечи красный шарф с надписью «Клянёмся погибнуть во имя Родины», а вечерами – пел бархатным голосом: *«Как прекрасна наша родная страна, когда луна освещает эти горы и холмы, а под нашими ногами проплывают облака...»*.

Дорогой Лык! Неужели тебя уже нет в живых?! Я всё ещё слышу, как ты поёшь, и в письмах от тебя не на каждом слове успели просохнуть чернила. Ты, Бон и Кхием поселились в моём сердце и в сердце народа навеки как герои, павшие во имя победы.

21 марта [1969 г.]

Если что-то следует обдумать, изучить и даже изменить (если надо – устранив лишнее) – то это мой ежедневный образ жизни. Кажется, при знакомстве с людьми, мне обычно удается завоевать их симпатии и расположить к себе. Может быть, поэтому я в своих оценках всегда субъективна. Когда я высказываюсь положительно «без учёта адресата», я правдива, а когда – отрицательно, - мой резкий тон лишает слова убедитель-

ности. Решительно преодолевай этот недостаток, Тхюи!

25 марта [1969 г.]

Уже более года не была я на равнине, и вот в последние дни меня неудержимо туда потянуло. Желание жжёт, как летнее солнце. Соскучилась я по равнине! О, равнина! Там зеленеют и колосятся рисовые поля. О, равнина! Там очаровательные девушки носят такие разноцветные платья и такие белые шляпы-ноны! О, равнина! Сквозь дым и огонь пробиваются новые ростки жизни.

И... дорогой мой младший брат, как я по тебе соскучилась! Горю желанием увидеться с тобой, чтобы заглянуть в твои милые глаза, прижать тебя к себе, поцеловать – как маленького родного братика!

27 марта [1969 г.]

Меня хотят перевести в зональную больницу. Пока это слухи, а мне уже становится ужасно грустно. Если есть решение, то мне остаётся лишь подчиниться, иначе ведь нельзя. Только, увы... Будет бесконечно грустно! Неужели придётся покинуть это место?! Даже до провинциального госпиталя далеко, а не то, что до зональной больницы! Не так-то легко будет встретиться снова

с дорогими мне людьми! Лучше этого места не найдёшь! Эта земля вырастила меня, окружила любовью, здесь я прошла через испытания и закалившие меня трудности, стала достойным работником.

В письме ты опять за меня беспокоишься, мой младший брат. Ты ещё не знаешь, что нам с тобой предстоит разлука. Однако не будем расставаться в слезах. Долго же мы прощались, когда ты отправлялся из уезда в общину! А как теперь мне придётся двинуться в далёкий путь – зону?!

2 апреля [1969 г.]

В районе Донграм высадились вражеские солдаты – оттуда к нам не более 30 минут ходьбы. Готовимся к отражению этой карательной операции. В ночной тишине вся больница занята подготовкой к эвакуации. Мне жаль раненых, ведь им придётся тащиться шаг за шагом, преодолеть не одну гору, чтобы уйти подальше от военных действий. У них нет возможности спокойно лежать и лечить раны. Пока янки тут, горестям и страданиям нет конца – и иного быть не может!

5 апреля [1969 г.]

Дорогой младший брат! Если бы ты знал, как я

тебя ждала, ты бы сегодня пришёл, сел рядом со мной, молча взял мою руку и мы бы с тобой без слов поняли всё, чем хотели поделиться! А сейчас дождь льёт как из ведра, прохладно и грустно. Понимаешь, братик?

6 апреля [1969 г.]

Как же это получилось? После стольких дней, проведенных в тоске, где же долгожданная радость от встречи с тобой, радость, бурлящая, как река во время половодья? Отчего в душе возникла грусть, появилась какая-то скованность, и я не смогла при встрече выразить всю свою чистосердечную радость, которую ты заслужил? По-видимому, я опасалась, что люди могут ошибочно истолковать наши совсем не бурные, но добрые чувства взаимной симпатии, которые, как считается, склонны обретать глубину и сложность. Углубление эмоций, конечно, не может быть предосудительным, тогда как усложнение чувств способно стать преградой для проявления взаимной сердечности, которая должна быть чиста, как зеркало. Когда ты взял и поцеловал мою руку, в этом, разумеется, не было ничего особенного, однако люди со стороны могли рассудить по-своему. Дорогой мой, я не посягала на наши прекрасные чувства, а хотела только их защитить, чтобы ни у кого не было повода для лишних пересудов – вот я и поступила осторожно. Не упрекай меня в том, что я будто бы

отнеслась к тебе уже не как к своему родному брату. Ты должен это понять, мой удивительный, умный, отважный и заслуживающий бесконечной любви друг – мой младший брат!

7 апреля [1969 г.]

Сколько я получила писем – вот выдался чудесный денёк! От матери, от младшего брата, от друзей не только из зонального, провинциального центров, но из уезда и общины – все заверяют меня в своей любви и заботе. Меня в какой-то степени обрадовали похвалы вроде: «Ты завоевала всеобщую любовь, симпатию друзей, доверие партии...»; «Ты действительно разносторонне образованная интеллигентная девушка»... Сколько раз я себя спрашивала, как мне оправдать это доверие.

Письмо от Тана навело меня на размышления. Он рассказал о себе и задал вопрос: «Близок тебе человек или далёк – зависит от тебя. Считаешь ли ты его достойным быть тебе старшим братом?». Я люблю и уважаю его не потому, что он секретарь райкома партии. Хочу, чтобы он и дальше вёл меня за собой по жизни, любил и воспитывал как старший брат. Только, как бы люди не подумали, что я не отличаюсь чрезмерной строгостью и потакаю его чувствам, более того, намеренно стремлюсь иметь связи с важными чиновниками! Конечно, не так.

8 апреля [1969 г.]

Вражеские солдаты приближались уже к водотрубам. Казалось, вот-вот и от нашей больницы ничего не останется! Я была спокойна, не впадала в панику, хотя знала, что противник уже почти рядом. Проводив раненых в безопасное место, я вернулась в операционную. Хотела себя испытать: допустим, сюда нагрянут враги – смогу ли я вести себя смело и находчиво, как нередко другие в подобных ситуациях? Но противник не стал продвигаться дальше, и я спокойно улеглась спать прямо в незапертой комнате, в обстановке беспорядка, оставшегося после спешной эвакуации.

9 апреля [1969 г.]

Участвовала в заседании райкома союза молодёжи. Высоко оценили и обсудили моё выступление. К сожалению, у меня всегда мало свободного от работы времени и я не могу более активно участвовать в молодёжных мероприятиях.

Невольно сравнила своё поведение на заседании с тем, как обычно веду себя в весёлых ситуациях с Винем, Сэ, Куангом и девочками из обслуживающего персонала. Сегодня их старшая сестра Тхюи Чам, капризная и озорная, превратилась в кадрового работника, которому поручено партией трудное задание.

11 апреля [1969 г.]

За короткие минуты, проведенные в окружении множества людей, я успела уловить заинтересованный взгляд одной пары симпатичных глаз, которые выражали мне своё понимание без всяких слов. Прощайте, милые чёрные глаза!

12 апреля [1969 г.]

Отчего я огорчена – может, не оправдалось какое-то моё ожидание? Но для себя я ничего не требую. Что мне ещё нужно, когда все обо мне заботятся, а жизнь, полная надежд, идёт вперёд, – даже, если где-то горизонт и затянут туманами. Может, работа вызывает озабоченность? Безусловно – работа остаётся тяжёлой, и выполнять её некому, что уж говорить о её качестве!

Что у тебя ещё, Тхюи? Грустно, – вот и тяжело на сердце, не так ли? Сердце твоё давно уже должно принадлежать Партии. Однако... партия не говорит, что коммунисту следует печься только о работе, – нет, в его сердце должны быть и любовь, и мечты... Так что в отсутствии преданности меня нельзя упрекать!

15 апреля [1969 г.]

Теперь на южной земле в ряду любимых мной людей одним стало больше! Неужели правда, дорогой Тан, что отныне ты – мой старший брат? Немного неожиданно для меня: ведь несмотря на бесчисленные хлопоты и заботы на посту секретаря райкома партии, ты обычно доверяешь мне, девушке с Севера, свои тревожные мысли и добрые чувства и считаешь меня родной младшей сестрой.

Полученное с Севера письмо подтвердило слова Нги: «Наша революция - как чудо: она делает шире любовь и кругозор, позволяя нам увидеть мир более прекрасным - в свете огня любви, невзирая на существующие в жизни горести и страдания».

17 апреля [1969 г.]

Сидя рядом с раненым, слыша из-под одеяла его усталое, горячее дыхание, чувствую к нему бесконечное сострадание и жалость. Хочется его обнять, разделить с ним усталость, хочется ласково взять его на руки, как мать своего захворавшего ребёнка! Этот порыв естественен, однако... моё желание неосуществимо, поскольку подобные добрые чувства не всеми толкуются правильно. Любопытные глаза и злые языки есть везде.

Как это грустно! Исчезнут ли когда-нибудь в общественном сознании такого рода извращения? Сможет ли человек, наконец, жить, не стесняясь своей искренности, к чему я всегда стремлюсь? Так что ты, братишка, пойми и довольствуйся той

любовью, что исходит от моей руки, лежащей на твоём лбу, от моего ласкового взгляда – и это вместо слов, которые я не могу произнести вслух!

22 апреля [1969 г.]

Грусть расставания грызёт душу. Сказать, что у меня нет мыслей, которыми бы хотелось поделиться с тобой, было бы неправда, но сколько ни говори, для выражения моих чувств к тебе не хватит слов. С тобой происходит то же – садишься рядом, грустно смотришь мне в глаза, и, запинаясь от волнения, произносишь: «На этот раз, старшая сестра, прощаясь с тобой, я грущу как никогда: желание жить рядом с тобой не сбылось. И когда же встретимся мы снова?!»

Что я могу тебе сказать? Что сказать, когда сердце полно и грусти и смутного беспокойства! Скоро наступит май и начнутся жестокие сражения, много крови будет пролито во имя нашей будущей победы. Что если ты окажешься в списке павших героев? Ты сказал, что, если погибнешь, то хотел бы, чтобы я считала, что ты рядом, и тогда со мной останутся твой образ, твои тёплые слова. Всё пойдет, конечно, не по предсказаниям, однако мне трудно и помыслить себе такое горе! Разве я смогу жить счастливо, когда тебя не станет в этой жизни? Нет, мой мальчик, ты всегда со мной, не уходи никуда!

24 апреля [1969 г.]

После первых конфликтов убедилась, что нельзя с лёгкостью доверяться людям! Добрые чувства нужны не только для излияния в письмах, их надо проявлять на деле. Для тебя это горький урок, Тхюи! Жизнь кишит микробами властолюбия, полна острых колючек зависти, и все это толкает людей на борьбу за каждую кроху их репутации и материальных интересов! Поэтому – ничего удивительного, надо себе сказать: будь осторожна и ещё раз осторожна! К тому же, такое ведь уже с тобой случалось, не так ли, Тхюи? Вспомни уроки, преподанные тебе М. и Нгиа!

Ау! Ты уже не маленькая, тебе 26-27 лет, а ты так и не набралась ума, опыта, которым должен обладать каждый, проживший около половины человеческой жизни! Меньше мечтательности и наивности! Больше расчётливости, осмотрительности на работе, находчивости и ловкости, необходимых человеку, занимающему определённое положение, к которому многие стремятся...

Знаешь, Тхюи, тебе хочется жить чистой верой и надеждой на лучшее, хранить прекрасные чувства любви ко всем в жизни, однако, к сожалению, так нельзя!

26 апреля [1969 г.]

Вернулась Суен⁴⁰, и вместо радости принесла одни грустные и недобрые вести. В разговорах с ней я старалась сохранить видимость невозмутимости, однако на сердце - жуткая боль. Тот раненый ещё слаб, у него возможны опасные осложнения. Всё время представляю себе его влажные, грустные глаза на бледном, похудевшем лице. Не знаю, как помочь ему, моему младшему брату.

27 апреля [1969 г.]

Наверное, нет ничего тоскливей эвакуации – бегства от вражеских карателей, ничего печальней оставленных домишек с их опустевшими помещениями и холодом безлюдья. Сегодня вечером я посетила то место, где располагалась наша больница – дислокация противника была неподалёку. Я смотрела на ставшие мне родными домики и кипела от ненависти к врагу. Эти домики – свидетели стольких наших усилий. Каждая соломинка, каждый камень пропитаны потом людей. Если мы уйдём отсюда окончательно, то не скоро тут появится подобная больница. Я не пессимистка, но на меня навалились тревожные и безрадостные мысли.

Прошедшей ночью в опустевшем после эвакуации доме мне приснился сон о мирной жизни. Я увидела Ханой с просторными классами в

⁴⁰ Нгуен Тхи Ким Суен – сотрудница больницы.

школе имени Тю Ван Ана, потом тетрадь для нот, на которой была приклеена фотография Тхань Ча – девочки с пушистыми волосами и Хао⁴¹ с ромашкой в руке. Я встречалась с родителями, с дядей Хиеном, старшим братом Биеу и всеми теми на Севере, кто мне дорог. Это сон не только мой, это общая страстная мечта тридцати миллионов вьетнамцев о мире и независимости...

Луна слабо освещала впавшее в дремоту мелколесье. Всё погружено в безмолвие, словно всё окружающее думает о том, чтобы не нарушить покой больницы.

Сидя на скамейке перед операционной, я молча любовалась окрестным пейзажем, и не могла преодолеть грустное настроение. Завтра наша больница должна осуществить масштабный план отражения вражеских карателей.

28 апреля [1969 г.]

Хотя существовал намеченный заранее план действий, - сложившаяся ситуация не была предусмотрена. По принятому на вчерашнем заседании решению руководства, сегодня утром во избежание возможного вторжения противника на больницу была начата эвакуация на территорию Партийной школы тяжелораненых и лежачих.

Не было и шести утра, но я торопила сотруд-

⁴¹ До Ким Хао – близкая подруга Дан Тхюи Чам, а Тхань Ча – старшая дочка Ким Хао.

ников выносить раненых, а затем сама с вещами пошла с ними. Поднявшись по склону холма, чтобы дойти до Партийной школы, все вспотели, но передохнуть было пока нельзя – я попросила сразу вернуться за оставшимися тремя ранеными. Не прошло и полутора часов, как раздались выстрелы. Я подумала, что противники уже приблизились к посту часовых и предупредила раненых и больных, что надо быть наготове. Мы не успели ничего предпринять, как появились партизаны-горцы с вестью о том, что вражеские солдаты уже добрались до водосточных жёлобов, и жители спешно бежали.

Из тех, кто мог выносить больных, никто не подоспел – остались ещё пять раненых, а с ними – только я, Там и несколько не успевших уйти маленьких школьников из первой группы. “Товарищи, нельзя оставлять раненых, их во что бы то ни стало надо вывести!” – сказала я, с сомнением посмотрев на хрупких, худощавых подростков. Положение стало более критическим, когда Там и Куанг с ужасом сообщили, что вражеские солдаты подошли к ручью, где мы обычно купались.

Раненых вынесли, остался неходячий Киём⁴² с переломом бедра. Я позвала девочку Ли и мы с ней стали пытаться вынести его. Однако Киём рослый, тяжёлый, и мы вдвоём были не в состоянии его даже поднять. Всеми силами мы его всё-таки вытащили из дома, оставили на земле, побежали искать подмогу. Хорошо, что встретились с Минем

⁴² Чыонг Ван Киём – боец Освободительной армии. После войны он нашёл мать Данг Тхюи Чам и переписывается с ней.

и Ко. Те сообщили, что вражеские солдаты расстреляли раненого Вана. С большим трудом мы вынесли Киема, потом вместе укрылись в яме.

Спустя час собрали всех раненых - не хватало лишь Вана и девяти сотрудников больницы.

Решили перебраться в Хошау, где можно было расположиться и воспользоваться провиантом армейского подразделения 120, как ранее и было предусмотрено.

На этом закончилась труднейшая эвакуация. Правда, и раньше больница не раз подвергалась обстрелам и внезапным атакам противника, но на этот раз было труднее, так как не приходилось от кого-либо ждать помощи, – раненых выносили на плечах даже те, кому здоровье не позволяло делать это.

Вот преодолены ручьи и склоны, и мы добрались до нового места. Ноги дрожали от усталости, но все были спокойны, как-никак за эти годы успели возмужать.

В шестнадцать часов мы уже были на новом месте.

Над вечерними джунглями взошла луна. Осмотрев раненых и убедившись в том, что у них не возникло серьезных осложнений, я пошла к себе и улеглась; не отнимая руки ото лба, я думала о разном, и между тем любовалась светлой луной.

Ровно два года назад, в апреле, я получила направление и прибыла на работу в Дыкфо в разрушенную обстрелом больницу. Нынче на солнечном Юге снова апрель. И ненависть к врагу так же горяча, как летние лучи солнца. Сегодня

вечером с вершины горы я смотрела в сторону старой больницы, видела столбы дыма и не могла сдержать слёз. Сгорело всё, что было построено усилиями жителей, оказавших большую материальную помощь содержанию раненых! Что сказать по этому поводу? Каждый вьетнамец дает простой, но решительный ответ: «У нас единственный путь – сражаться до тех пор, пока здесь ещё остаётся хоть один американский империалист, и только так мы добьёмся счастья!».

29 апреля [1969 г.]

Среди ночи, в 1.30, я просыпаюсь. Под слабым светом луны простираются затихшие джунгли. По радио «Освобождение» транслируется старинная песня *вонгко*⁴³, мелодия которой обычно вызывает у слушателей глубокую ностальгию. Меня внезапно охватывает неодолимая тоска по дому. Наверное, тишина ночного леса вызывает это ощущение одиночества. Или, же в своём нынешнем положении бездомного я тоскую по родному дому, где живут мои родители, где всегда по семейному уютно?

Но послушай, дорогая Тхюи, этой ночью не только ты чувствуешь себя бездомной и одинокой, рядом ещё сорок человек, в том числе солдаты с мучительными ранами, с тобой миллионы южан,

⁴³ *Вонгко* (вьет.: *vong cõ*) – жанр старинной песни с протяжной, грустной мелодией.

несущие в себе горечь утрат и ненависть к врагу.
Хорошо ли ты это понимаешь, Тхюи?

2 мая [1969 г.]

В трудностях я не одинока, рядом со мной товарищи и друзья, которые так же, как я, ежечасно беспокоятся о больнице. Среди множества писем всё же есть одно наиболее волнующее, в котором и выражается глубокое переживание и сочувствие по поводу всего случившегося.

Благодарю всех людей. Уверяю вас, что мы стойко преодолеем все испытания, выстоим как победители.

3 мая [1969 г.]

Прошло около года, и вот я снова в Фокьонге. На ставшей мне родной земле всё будто по-прежнему. Меня радушно встретили и знакомые и незнакомые жители Фокьонга, но мне всё же невесело. Никого из хорошо знакомых не застала – все в разъездах. Данг заболела, и обиделась за то, что я не согласилась побыть с ней хотя бы ещё денёк! От её обиды мне становится грустнее, рядом с ней под светлой луной мне лучше спится. Ах, милая моя сестричка! Как мне не хватает тебя здесь! Ты меня так любишь, но не можешь поделиться своей любовью, а я горю желанием

повидаться с тобой! Знаю, что я не права, только никого упрекать нельзя. Пока янки ещё в нашей стране, никто из нас не может передвигаться по своему желанию. Так к чему мне огорчаться?! Какая же ты, однако, дорогая Тхюи Чам! Ты всё ещё ведёшь себя как маленькая, у тебя всё ещё эмоции властвуют над разумом!

11 мая [1969 г.]

Начинаем строить больницу. Все заняты этим. Мы с Лиемом, Винем, Шау и Санг остаёмся с ранеными. Вечером наступает зной. В этой долине полное безветрие, воздух – тяжёлый. Слышны моторы вражеских самолётов и бесперебойные взрывы бомб и снарядов... Меня давит какое-то тревожное ощущение. Сотрудников мало, а шестерых раненых надо вынести на носилках. Всё имущество больницы сосредоточено здесь, а окружающая местность неудобна для отступления. Что и как делать, если противник сюда заявится?

Ждать победы осталось недолго, но сколько предстоит пролить крови, дорогие товарищи! Я не пессимистка, однако предчувствую, что наступает пора неизбежных лишений.

12 мая [1969 г.]

После разговоров с Лонгом⁴⁴ я задумалась. Я его знала ещё в трудные дни строительства больницы. Помню, как-то однажды этот худощавый, белокожий начальник глянул на меня ласковыми и весёлыми глазами: «Старайся, сестричка, набирайся опыта, совершенствуйся и в своей специальности, и в науке руководства!». Засучив рукава, он брал нож и шёл со всеми на работу. Прошло немного времени и его направили на другое задание. Хоть мы недолго сотрудничали, но он относился ко мне с большой симпатией. Присылал письма сердечные и заботливые.

Тхуан и Ки о нём не раз говорили: «Это редчайший человек!» Однажды Тхуан мне сказал: «На свете только к двум людям я питаю любовь и уважение за их образ жизни, – это Лонг и ты, моя сестра!» Относительно меня он явно преувеличил, а что касается Лонга, то это заслуженно.

13 мая [1969 г.]

Я пришла в Фокьонг после сражения. Кругом ещё пахло боем. Наши решают вопросы раненых и погибших. Радость победы (уничтожили 98 вражеских солдат, сбили вертолёт НУ-1А, подбили ещё танк) не затмила во мне грусть. Это только у меня или у всех тоже? Ведь и с нашей стороны погибли 15 солдат, ранен 21 человек – разве это мало?

⁴⁴ Нгуен Дык Лонг – заведующий отделом народного здравоохранения уезда Дыкфо.

В затихших деревнях время от времени раздаются хлопки вражеских выстрелов словно жарят зёрна кукурузы. Я снова погружаюсь в размышления, но нахожу в себе не страх, а только ненависть к врагу.

Мы с младшим братом сидим рядом (и я, и он всегда этого хотим). Но полной радости нет. Ночную тьму освещают звёзды и вражеские осветительные ракеты. Стараюсь прочитать что-нибудь в его лучистых глазах, но ничего не обнаруживаю, кроме прежней привязанности, И, как и прежде, он сидит подле меня молча.

Мы с ним во многом схожи – и на работе и в сфере чувств мы не бываем удовлетворены. Всегда чего-то не хватает. Это – стремление к лучшему или неоправданные притязания?

18 мая [1969 г.]

Военные действия не прекращаются – днём и ночью раздаются выстрелы и взрывы, доносится оглушительный рёв самолётов, а тьму ночного неба над уездным центром рассеивают осветительные ракеты. Бои становятся всё ожесточённее, наши бойцы круглосуточно - на передовых позициях, их лица совсем почернели от солнца, ветра и дыма. По части трудностей и опасностей им, бойцам Освободительной армии, достаётся больше всех, их кровью пропитаны и знамена, и земля, которую они защищают. Сейчас как никогда глубоко я осознаю, что их отвага и их лишения

священны. Знаю, что многие и многие из них родом с Севера, некоторые вступили в огонь войны прямо из мирного времени. На днях я видела молодых белокожих разведчиков, их щёки покрылись щетиной – видно, это были вчерашние школьники. Вместо ручек они взяли в руки автоматы и отправились на фронт сражаться с американскими империалистами ради спасения Родины. Итак, вся страна пришла в движение...

* * *

Почему я так поступила по отношению к младшему брату? Я ведь всегда такая: всем людям, порой даже самым близким, делаю больно. Это не характер, просто чувства у меня сложные, от близких людей слишком многого требую - не материального, конечно, а вот в отношении духовного, предъявляю чересчур высокие требования. Тхуан не раз говорил, что любит меня больше всех, за исключением своих родителей, а я в этом иногда ещё сомневалась. Узнав, что в Фокыонге напряжённое положение, что ему приходится туго, я хотела помириться с ним, однако отправила ему письмо со словами упрёка. Мой брат, я, как и прежде, тебя люблю, но любовь – это не только лучезарное утро, тихий вечер или ночь с луной над рисовым полем. Нет, в конце спокойных летних дней случаются и грозы. Видишь, как нелегко дружить с носительницей мелкобуржуазного сознания!

20 мая [1969 г.]

Мы едва не расстались с жизнью! Сегодня утром несколько вертолётчиков HU-1А, с ними самолёт «Разведчик», кружили низко над ложиной. Наблюдая за их приёмами тщательного прочёсывания, я встревожилась. Действительно, они опускались чуть ли не до верхушек деревьев – сделав круг, они обнаружили помещение для раненых. Оглушительно взорвались гранаты, и вся хижина сразу же погрузилась в огонь и дым. Все мы, кто как сумел, залегли в убежища. Убежища были неглубокие, однако ничего лучшего мы не смогли придумать. Я сочла, что гибель неминуема!

Едва «Разведчик» удалился, как я прибежала к раненым - они также успели спрятаться в убежища, даже лежащие. Вновь приблизился «разведчик», его круги всё сужались, и вокруг хижины снова взорвались гранаты. Прямо у подножья склона, ведущего к первой палате, последовали громкие взрывы ракет.

Я повернулась к раненому бойцу Миню:

– Что ты решил, Минь?

– Будем сидеть, ничего не поделаешь!

Я в тот же миг подумала о близких мне людях (а это быстрее, чем предаваться воспоминаниям о них): «Какая лёгкая смерть!». Все обречённо ждали, что бомбы и снаряды вот-вот разобьют вдребезги этот небольшой участок леса, но минут тридцать спустя пираты-сеятели смерти убралась.

Я поспешно поднялась и распорядилась вывезти раненых. Взвалив Кхама себе на спину, я шла уставшая, но с чувством облегчения. Все так

обрадовались тому, что вышли из адского испытания целыми-невредимыми!

В этот же день мы перебрались на новое место.

Увы, последняя стадия нашего пути очень тяжела!

24 мая [1969 г.]

Мы оказались в Фокыонге как раз в тот момент, когда разворачивалась военная операция. В 2 часа началась стрельба. Бомбы, снаряды, самолёты... вместе произвели ту звуковую мешанину, какая обычно слышится в фильмах о войне. Когда до нас донеслись звуки выстрелов, я немного забеспокоилась - ведь, мы очутились на передовой линии. Но не успела я и шага ступить, как под кружащим самолётом появился прибежавший Тхуан и позвал меня спрятаться в блиндаж. На этот раз мы с ним испытали на себе прелести ночи на фронте. Противник яростно нападал, реактивные самолёты бомбили всю деревню, а боевые двухфюзеляжные самолёты, кружа с наведёнными на землю прожекторами, стреляли из пулемётов. В ночном небе рассыпались огненные пули, которые отзывались болью в моём сердце: кто же пострадал от этих пулемётных очередей? Стреляли в солдат Освободительной армии, вместе с которыми я шла прошлой ночью. Это же Лам, Дэн и многие другие. Всю ночь напролёт я так и просидела с тяжкой тревогой на душе и ненавистью к врагу.

25 мая [1969 г.]

Проведённые с младшим брат дни подтвердили: всё, что он мне говорил, – правда. Он и в самом деле ни к кому не относился так, как ко мне. В наших отношениях он проявил своё понимание чувства привязанности. Это проявлялось в уважении ко мне, трогательной заботливости и мягкости, которые он выражал каждым произнесённым словом, взглядом, подтверждал, поднося мне чашки чая, делая уколы в руки, когда я болела... Всё говорит о том, что он меня как старшую сестру любит больше всех. Вот и всё. Правду ли я говорю, мой младший брат?

4 июня [1969 г.]

Тяжёлые дни не кончаются. Недалеко от нас противник высаживает десант. Солдаты громко кричат, рубят деревья в лесу. В больнице – тишина и предельная напряженность.

Я узнала об этом, будучи в командировке в Фокыонге, за ужином и, встревоженная, не могла уже есть. Сколько еще это можно терпеть?! Ну, построили мы больницу, а через пару дней – снова в бега? Когда же мы сможем вновь приступить к работе? (*Запись неразборчива*). И тревожно и обидно! Что предпринять, чтобы эвакуация проходила организованно?!

5 июня [1969 г.]

Противник наращивает силы, нам опасно здесь оставаться, а потому этим вечером большая часть персонала нашей больницы и раненых стала перебираться в Фокьонг.

В темноте не видно никого, но каждый из нас словно видел горечь на лицах у других. Надо было решать разные вопросы, и я пришла только поздней ночью, когда раненые после ужина уже ложились вповалку на пол на веранде дома Данга. Некоторые уже засыпали, остальные негромко стонали от боли ранений. Ещё троих раненых из лежачих не удалось доставить сюда (их просто было некому вынести), с ними остались кадровые работники. Туда необходимо было вернуться, хотя это очень опасно, поскольку мы не знаем, где противник. Но я непременно пойду, это нельзя откладывать, даже если поплачусь жизнью!

Уже совсем поздно, но никому не хотелось спать. Рядом со мной молча сидел Тхуан, потом, на прощание выронил: «Не знаю, как ты, а я очень тревожусь!», на что я ответила: «Я тебе оставлю рюкзак, там блокнот...». Хотела добавить, что если не вернусь, ты, Тхуан сохрани его и потом передай моим родным. При слабом свете луны мы с ним как родные увидели в глазах друг друга грусть прощания. Когда я осталась одна на опустевшей веранде дома женщины по имени Тинь, по моим щекам потекли слёзы. Ты плачешь, Тхюи Чам? Не надо, будь смелой и стойкой во всех случаях

жизни, не убирай с лица улыбку несмотря ни на какие трудности и опасности!

11 июня [1969 г.]

Образовано Временное правительство⁴⁵. Это историческое событие ознаменовало важную веху борьбы. Радуюсь великой победе, я как никогда глубоко осознаю жесточённость боев на фронте.

Днём и ночью воздух сотрясает оглушительный грохот бомб и снарядов, от рёва самолётов-разведчиков и вертолётов НУ-1А, которые постоянно кружат над головой. Повсюду в лесах - воронки от бомб и снарядов, пожелтевшие от токсичных веществ деревья. Отравлению химикатами подвергаются и люди - все сотрудники чувствуют предельную усталость и вялость во всем теле, у них нет аппетита. Каждый стремится приободрить себя и своих товарищей, однако на лицах видны признаки беспокойства и тревоги, а за ними – и некоторый пессимизм.

13 июня [1969 г.]

Я отправилась в Фокьонг с радостью, надеясь

⁴⁵ Временное революционное правительство Южного Вьетнама было образовано 8 июня 1969 года на основе Национального Фронта освобождения Южного Вьетнама.

до начала работы провести день-другой с дорогими мне людьми. Увиделась с Тхуаном, и он сообщил, что готовится принятие раненых бойцов военного подразделения 120, пострадавших в сражениях за уездный центр. Всё моё внимание тут же переключилось на это дело. В десять часов доставили раненых. У товарища Лоя рана была... (*Запись неразборчива*)... состояние при смерти. Ранение товарища Тханя не очень тяжёлое. А Там, парень из Фокыонга, большеглазый, с приятным голосом и располагающим характером, потерял одну ногу, подорвавшись на mine. Он лежал почти без сознания. Я оказала ему срочную помощь, мне было его так жаль. Сколько крови уже пролито, но наши потери и лишения еще не кончились! «Держись, мой младший брат!» - сказала я ему, не умея, однако, скрыть своё беспокойство.

Все провели ночь почти без сна, я страшно устала и мне было очень грустно.

В три часа надо было идти обратно, до перевала Ай меня провожал мой младший брат. Да не случится с ним никакой беды!

16 июня [1969 г.]

В жизни бывают эпизоды, которые не забудешь никогда, однако... Но как ты станешь о них вспоминать? С грустью? С радостью? С сожалением? Или как-то ещё, Тхюи? Ты же – девушка способная принимать верные решения в разных

жизненных ситуациях, особенно когда это касается сложных человеческих чувств!

17 июня [1969 г.]

Одной любви человеку мало! Любовь не может быть настолько страстной и сильной, чтобы завладеть всеми мыслями и чувствами человека. Если так, то из этого следует, что я всегда умела и буду уметь приказывать сердцу слушаться только советов головы, потому и не наделала ошибок, которые допускают люди в определенных ситуациях. Только одно меня удивляет и шокирует: ошибка - ошибкой, но и в целом поведение их правильным не назовёшь. Как же сложна жизнь, а война её в миллионы раз осложняет!

Кругом ночная тьма, а на небе светло. Это от молнии или от снарядов? Или, может быть, от чьих-то чёрных глаз, светящихся любовью? Мне трудно дышать - это от летнего зноя или от жара любви? На душе и грустно и весело, хотя веселья-то нет! Лишь грусть владеет всем моим сердцем, жаждущим не любви вообще, а конкретной любви, на всю жизнь. Моё сердце готово получить чистую и горячую кровь, а не больную. Разумеется, сердце без крови не может жить, но я готова даже на смерть, чтобы сохранить чистоту и высокие устремления сердца коммуниста, сердца настоящего человека.

18 июня [1969 г.]

И вновь пришли ко мне письма от родных, а в них - словно отголоски мирного времени. Улицы, утопающие в красных цветущих деревьях, маленькие комнаты с ароматом лотоса... Посреди комнаты - знакомая тумба с радиоприёмником... Всё это, однако, так далеко, мои младшие братья и сёстры. Ваша старшая сестра Тхюи Чам теперь видит лишь след огненных пуль на ночном небе, дышит воздухом, пропитанным едким порохом, и каждый раз прощается с друзьями, беспокоясь и тревожась за них... Вот и сейчас читает ваши письма с некоторой грустью.

В последнее время многие уходят на Север. Все они явно радуются, только при прощании со мной стараются это не показывать. Каждый раз я провожаю их в добрый путь с улыбкой, но после их отъезда долго стою, словно остолбенев. Не грусти, Тхюи, наступит день независимости страны, и ты тоже отправишься на Север, но уже с ничем не омрачённой радостью.

25 июня [1969 г.]

Карательная операция противника началась рано: мы не успели позавтракать и вынуждены были спрятаться в подземелье. Я быстро устала, - уже более года ни разу не приходилось сидеть в душных подземных укрытиях.

Обстановка становится все напряженнее: все позиции на подступах к трём деревням общины занимают силы врага, состоящие из американских солдат, солдат марионеточной армии и военной полиции. Наше убежище недалеко от места дислокации противника - вчетвером мы спрятались туда, не закрыв за собой крышу, чтоб не задохнуться от жары и духоты. Часовым был Тан⁴⁶, но он устал, сел возле меня и начал рассказывать о действиях вражеских солдат над нами. Вдруг послышался крик солдата марионеточной армии. Тан в страхе посмотрел наверх и закрыл выход. Кричавший совсем близко солдат подошёл к нашему укрытию на расстояние метров пяти. В спешке не удалось плотно закрыть сверху убежище и до нас доносились громкие ругательства и шаги приближавшихся солдат. Тан шёпотом спросил:

– Что, если мы погибнем?

– Ничего не поделаешь!

– Нет, я этого не допущу. Пусть меня убьют, но тебя... что будут думать родители?...

(Запись неразборчива) смотрел на меня тревожно и умоляюще. Я отвернулась от его взгляда. В его глазах читалось что-то похожее на то, что говорила Христина в заключении, умоляя Павла⁴⁷. Душа моя страдает от жалости к нему и к себе. Но иначе было нельзя, я поступила так, как Павел.

* * *

⁴⁶ Нгуен Тан – сотрудник больницы, впоследствии погиб.

⁴⁷ Персонажи романа Н. Островского «Как закалялась сталь»

Меня ошеломила гибель Зяю. Во время карательной операции шпионы показали врагам подземное укрытие, где находился Зяю. Туда бросили несколько мин, направили несколько автоматных очередей, чем он и ещё пятеро партизан были убиты.

Не далее, как прошлой ночью в Суантхане мы встретились с этим новым старшим медбратом в Фокыонге и он был рад встрече. Он совсем изменился. Я догадалась, что в числе заданий, данных ему Тхуаном, было и поручение охранять меня не только как уездного работника, но и как самого близкого ему человека. Зяю хорошо выполнял поручение. Во время командировок он вместо Тхуана сопровождал меня повсюду. Однажды поздней ночью он привёл меня домой к Тхуану и тихо спросил: «Чам останется у тебя или пойдёт ко мне?». Мой младший друг и брат ответил: «Как хочешь». Зяю любезно поручил меня Тхуану: «Прошу охранять мою Тхюи Чам!», а сам ушёл только поздней ночью.

Я не могла подумать, что тот вечер, когда мы с ним шагали по просёлочной дороге, вместе лакомились дыней, с удовольствием ели потом рисовую кашу в обстановке домашнего уюта, был последним!

Вот снова наступил вечер, светит луна, вокруг - та же природа, те же люди, а его мы зарыли в землю.

Его молодая жена с ребёнком на руках сидит как бездыханная. Я не могла сказать ни слова и сама обливалась слезами, когда она дрожащим

голосом наставляла: «С ним больше ничего не случится. Дай бог, чтобы с вами и Тхуаном не случилось ничего подобного!».

В ответ - не будем тратить слов, просто отомстим врагу за павших и за себя - живущих в страданиях и ненависти!

Младший брат посмотрел на меня, и в его глазах читалось: «Наша жизнь слишком коротка, моя старшая сестра! Как нам поступать, чтобы ни о чём не сожалеть, когда придет смерть?».

29 июня [1969 г.]

Снова из-за утраты товарищей, гибнущих один за другим, истекают кровью сердца живых людей! В 1 час 15 минут привезли раненого, который потерял ногу, подорвавшись на mine. Это был Лиен, командир народного ополчения Фокыонга, который недавно помог мне спрятаться, спустившись в подземное укрытие. Смотрю на него и тревожусь за других дорогих мне людей. Что бы ни случилось - это не зависит от нашей воли!

7 июля [1969 г.]

Прощаюсь с Фокьонгом – меня посылают в командировку в северную часть уезда. Сегодня вечером покидаю Фокьонг, мне предстоит пересечь стратегическую дорогу и попасть в район, получивший название Кхешань.

Мне было тоскливо и грустно расставаться с местом, к которому успела привязаться. Здешние женщины - словно матери или старшие сёстры, мои сослуживцы, местные ополченцы - все они меня знали и любили. Куда бы ни шла, во всех семьях меня приветствовали как старшую дочь или сестру, крепко пожимали мне руки.

И... что можно сравнить с откровенными чувствами, которые проявил при этом мой младший брат! Он сидел, опершись на стол, сидел полный тревоги и жалости - ведь он провожал меня в опасный путь. Он крепко держал мои руки, но я чувствовала, как его горячие руки дрожали. Глядя на меня грустными глазами, он спросил: «Ты вернёшься ко мне, старшая сестра?». Хотя я его пыталась приободрить, но сама с тревогой думала о том, хватит ли у меня сил, пробраться через Кхешань. Я нарочно улыбалась, но сердце сжималось. Возможно, мы с тобой рядом в последний раз, мой младший брат! Хотелось бы превратить тебя в маленького, чтобы взять с собой в трудную жизнь - не так-то просто найти такого младшего брата, который щедро отдаёт мне свою доброту и любовь.

Ну, прощайте, дорогие мои! До скорой встречи, радостной встречи!

8 июля [1969 г.]

Снова я в Фохиепе, в знакомой хижине, перед которой - дерево *ома* и колодец. Встретилась с Нгиа и Тхыонгом, но одного разговора с Нгиа недостаточно, чтобы снять некий барьер, возникший в давних отношениях между нами. Но я себя утешаю: «*После тайфунов и дождей небо снова становится синим!*». Я ему простила все прегрешения и на душе стало заметно легче, видя, как он возвращается к прежней сердечности, нашей взаимной симпатии.

Вечером, когда мы проходили через Кхешань, все беспокоились за меня... (*Запись неразборчива*). До Виньфыока меня сопровождала девушка по имени Тъё. Я была тронута, ведь она заботилась обо мне как младшая сестра. Раньше я совсем не понимала её отношения, думала, она просто опекает меня, как Тхуан, но теперь убедилась, что она поступает так от чистого сердца. И на стратегической дороге, и на прудах, всегда в обеденное время - везде она была ко мне внимательна, дрожала за каждый мой шаг, оставляла мне крохи съестного и глоточки воды... Время от времени она вздыхала: «Я очень беспокоюсь за тебя, старшая сестра: как ты одна пройдёшь Кхешань, ведь там полно бомб и снарядов, не могу оставить тебя одну - вдруг что-нибудь случится! Может, я проведу тебя через Кхешань, а уж потом пойду назад?».

Я погладила её по голове и улыбнулась: «Ничего не будет, я пройду. Ведь предвидеть несчастные случаи всё равно невозможно!».

Той ночью на Кхешане, как ни странно, не разорвалось ни одного снаряда, не раздалось ни одной автоматной очереди, не поднялось ни одной ракеты... Видимо, противник всё же пожалел хрупкую, избалованную девушку, с детства привыкшую к жизни, полной любви и тепла!

12 июля [1969 г.]

Наступили свободные дни - время для раздумья. О чём так задумалась печальная девушка с любящей и страдающей душой? Конечно, меня одолевает тоска. На моём ненаглядном Юге милые мне люди всегда тревожатся обо мне, кто-то из них ночами не смыкает глаз, прислушиваясь к взрывам бомб на южном направлении. Стоя здесь, я гляжу через горы на юг, вижу обвал у подножья в Фокыонге, и от тоски у меня сжимается сердце. Там, откуда я ушла, людям приходится преодолевать невероятные трудности. Скорее всего, уже не стало Чунга, раненого солдата, рука которого была поражена гангреной. Моим коллегам каждый день дается чрезвычайно тяжело. Как мне жаль своих коллег, таких как Ты, Ки, Лань, Лиен и других. Огорчает странная любовь моего младшего брата, - и она приносит мало светлой радости, а в основном - грусть, беспокойство, боль и горечь. Ничего я не могу сказать ему - видимо, появилась какая-то трещина в наших казавшихся неуязвимыми отношениях! А что станет с моей жизнью?

14 июля [1969 г.]

Сегодня день рождения папы; об этом я вспомнила в обстановке дыма и огня, поднимающихся от бомб и снарядов. Вчера случайным снарядом убило пятерых и ранило двоих. Я сама находилась в зоне взрывов таких же тяжёлых снарядов. Людей охватил страх, а я как и прежде, уйду в воспоминания, в тревожные раздумья. Дорогие папа, мама и мои младшие братья и сёстры, вы не можете представить себе жизнь у нас, на фронте. Это суровая героическая жизнь, когда погибнуть легче, чем пообедать! Но люди ведут себя стойко, живут и воюют. Я, сражаясь среди десятков тысяч таких людей, думаю, что погибну ради завтрашнего дня нашего народа. День победы настанет без меня. Горжусь, что отдам свою жизнь без остатка Отчеству. Конечно, мне горько, что не удастся пожить в счастье и мире, ради чего многие, в том числе и я, проливали свою кровь. Но что поделаешь, ведь сотни тысяч таких, как я, заплатились жизнью, не успев узнать ни одного счастливого дня! Ни о чём не стоит сожалеть!

В вечерний час снова мне взгрустнулось, я соскучилась по тебе, мой странный младший брат! Что ты делаешь сейчас? Я представляю, как ты лежишь в гамаке с грустными глазами и похудевшим от тоски лицом. Мой младший брат, что я могу тебе сказать, мой чудный мальчик?

16 июля [1969 г.]

Не знаю, о чём можно думать, наблюдая за бомбардировкой, совершаемой американскими воздушными пиратами. Вот, например, обычный вечер. И вдруг двухфюзеляжный самолёт делает несколько кругов над деревней № 13 в Фоане и пускает ракету, после чего друг за другом пикируют два реактивных самолёта. Из самолётов вырываются тяжёлые бомбы, от которых сразу же поднимаются столбы из огня и дыма. От квадратных напалмовых бомб, при их ударе о поверхность земли поднимаются огненные шары, обдавая всё вокруг красным пламенем.

Каждый раз вместе с рёвом самолётов падали новые бомбы и раздавались оглушительные взрывы. Я была недалеко и смотрела на это жестокое зрелище, кипя ненавистью к пиратам. Кого они сожгли своим огнем? Что может остаться от человеческих тел в глубоких воронках? Сидевшая рядом со мной старая женщина с тревогой смотрела в сторону деревни, бормоча: «Там ведь живёт тёща Хунга!».

20 июля [1969 г.]

Закончился курс подготовки акушеров для всего района. Среди тех, кто был отправлен в далёкие командировки, была женщина по имени Хай, работающая ныне в провинции Зялай. От неё я

получила написанное корявым почерком размытое слезами письмо. Мне было жаль её, ведь только выполняя порученные партией задания, люди совершают такие дальние поездки. Помню, как раньше, перед отъездом на Юг, я сама, уже сев в грузовик, тоже плакала. Слезы эти были вызваны не только печалью, но также чувствами чести и гордости. А у Хай перед дорогой по грустному лицу текли лишь горькие слёзы. В тот час, помня, что она - член партии, Хай пыталась подавить в себе боль.

Потом были и другие проводы. Я видела людей, которые отправлялись в дальний славный путь, можно сказать, без оптимизма. Почему так? Понять нетрудно, ведь фронт всегда предъявляет высокие требования, и в то время из тыла уже много лет посылали и продолжают посылать новобранцев на передовую. Но, в конце концов, что это значит, Тхюи? Не значит ли это, Тхюи, что в тебе появились крупинки пессимизма?

22 июля [1969 г.]

Дожливый вечер вдали от дома.

В сердце сгущаются тоска и грусть, как дождливая пелена, которая заслоняет горизонт. Упрекаю себя за то, что это не ко времени: среди смертельных опасностей я ещё позволяю себе расслабиться на фоне природы! На самом деле, не из-за того, что идёт дождь и что под протекающей соломенной крышей в опустелой хижине мне

становится грустно, а потому, что в последние дни, после того, как я перебралась в долину, я ощущаю бесконечное одиночество. По утрам над морем восходит солнце, вечерами на широкое поле опускается закат, потом песчаное побережье освещается светом луны, всё изумительно красиво, но все это мне не в радость. Какая может быть радость, когда каждый день жизни полон скорби и страданий! Только вчера вражеские каратели убили пятерых наших и каждый вечер не прекращают сбрасывать бомбы на посёлки. Какая может быть радость, когда близкие люди в разлуке, и их ежеминутно гложет тоска и горечь!

Мне присылают письма, короткие, полные беспокойства - обо мне заботятся день и ночь, наставляют, что надо быть осторожной. Нет слов!

Вечером получила письмо от младшего брата. Сообщил, что собирается в командировку в Шестую зону. Эту весть я восприняла как недобрую. Если он будет далеко, я лишусь самой прочной опоры в жизни на южной земле. В самом деле, никто не может любить, понимать меня и заботиться обо мне так, как он. Странно всё-таки, что нет у меня более верной привязанности, хотя мы относимся друг к другу как сестра и брат, и как люди, идущие по одному пути.

23 июля [1969 г.]

Моё имя выгравировано на американской зажигалке рядом с именем дорогого мне товарища.

Дао дал мне посмотреть и спросил, кто это сделал. Я улыбнулась и тут же вернула, однако, потом оставшись наедине с собой, разволновалась. Дорогой М., зачем ты вычеканил наши имена рядом? В память о романтических далёких днях, о том, что в тебе сохранилась эта любовь? Или ты это сделал просто так, не вкладывая в это какой-либо смысл? Но без смысла такое делать никто не стал бы, тем более ты, М., не из таких. Скажи мне, пожалуйста, М.: «Зачем ты выгравировал моё имя рядом с именем бойца Освободительной армии, который, как ты не раз говорил, - не пара девушке-выпускнице мединститута?».

24 июля [1969 г.]

На равнине встретила с Шаном. Для него это было так неожиданно, что он словно остолбенел - от радостного удивления лишился дара речи. Пригласил меня к себе, так как вскоре собирается на Север. Отказаться было неудобно, и мы с ним пошли. К вечеру, когда мы дошли до затопленного водой поля Фована, хлынул ливень. Спасаясь от дождя, мы побежали к знакомым Шана, но оказалось, что их хижину недавно сожгли янки, и от крыши над головой остался лишь небольшой лист кровельной жести, который не мог защитить от дождя ни хозяев, ни гостей. Мы с Шаном уже собрались уходить, но хозяйка огорчённо сказала: «Поужинайте с нами, потом уж и пойдёте.

Думаете, рис не успеет свариться?». На ужин мы оставаться не хотели, тем более, что довести рис до готовности было мало шансов. Дождь лил как из ведра, сухое место вокруг костра сокращалось, хворост горел все слабее, пока огонь совсем не потух под брызгами дождя, и вода в котелке не перестала кипеть. Вряд ли кинооператорам когда-либо удавалось снять что-то подобное этим кадрам. А зря! Такой кадр поведал бы многое о преступлениях войны!

Среди тех, кто прятался от дождя, один сотрудник весело рассказывал о тех днях, когда противник только начал поджигать жилища людей. В то время в одной благоустроенной деревне было сожжено всего несколько домов. Наступил Тэт, хозяину пришлось поставить поднос с приношениями предкам на уцелевшую от пожара часть двери прямо на оголившемся полу. Наш рассказчик с соседями пришли поздравить хозяев с новым годом, но были так ошеломлены, что не смогли произнести ни одной фразы утешения. Теперь такое можно увидеть по всей деревне, поэтому сегодня случай с неудавшимся ужином ему уже кажется забавным. По этой части врагу нас не одолеть: они сожгли хижину, - мы построим новую, достаточно нескольких кровельных листов над головой - вот тебе и жилище! На войне люди предъявляют к жизни минимальные запросы. Главное, воевать и работать; а чтобы прожить, нам достаточно котелка риса с рыбным соусом, куска непромокаемого материала, чтобы постелить его на дно землянки и, конечно, такой корзины на коро-

мысле, в которой были бы наготове одежда, рис, бататы и соль, - то, что можно быстро забрать с собой, спасаясь во время вражеской карательной операции.

Пусть Шан расскажет на Севере всем, что у нас на Юге ещё много горя и страданий, что настоящая жизнь наступит только с выдворением американских агрессоров.

26 июля [1969 г.]

В районе Кхешаня группа партизан, занятых доставкой боеприпасов, внезапно наткнулась на пост американцев на склоне горы Кыа. Случилось это так: несшие караул американцы крепко спали, и когда первая группа партизан подошла и увидела, как те, лежа на камнях, храпят, - от неожиданности один из наших споткнулся и сорвался в глубокое ущелье (но зацепился о каменный выступ!). Янки тут же вскочили и открыли огонь, забросали гранатами и минами, но обошлось без жертв. В час ночи партизаны пришли в Фоан, нашли командира общинного ополчения Хунга и рассказали о случившемся. Тогда я была неподалёку, в подземной траншее, слышала их рассказ, но не могла представить себе, что среди них был Ниеу, младший брат Тхуана. Потом утром снова говорили о партизанах из Нгамана, и я поняла, что с ними должен был быть и Ниеу. Я жалела этого наивного мальчугана. Побежала его искать, но

узнала, что его повели в другое место - подальше от вражеских карателей. Такая досада, что не встретила с ним! Я бы его обняла и утешила как старшая сестра младшего братика... В моей жизни очень не хватает этого младшего брата!

27 июля [1969 г.]

В восемнадцать тридцать, когда семьи садятся за ужин, противник внезапно начал наступление. Люди поспешно взяли, что смогли, и бросились бежать. Я не побежала, надеясь спрятаться в блиндаже, если враги подойдут близко. Вот так, буквально под пулями я и продолжала ужинать. Хунг и Там вернулись уже затемно. Взвесив сложившиеся обстоятельства, решили, что оставаться на месте небезопасно, и что надо разделиться на маленькие подгруппы: я направлюсь в Фокуанг, Там и Хунг – в зону № 18. Долго не было Тин, а я ждать больше не могла.

В полумраке я шла одна, в безлюдной деревне как-то чувствовала себя немного обиженной. Дошла до хижины Фьонг, но там не было ни души, от снарядов повалились деревья, кругом стоял едкий запах пороха. Я подбежала к хижине женщины по имени Тхинь и от неё узнала, что все ушли в направлении холмов, однако она не решалась меня туда проводить из-за постоянного оружейного обстрела. Словно в подтверждение её слов один снаряд взорвался недалеко, осветив

место, где мы с ней стояли. Пришлось заночевать у неё. Для меня это первая ночь, проведенная в одиночестве, там, где не от кого, кроме немногих оставшихся жителей ждать помощи и защиты. На протяжении почти двух последних лет где бы я ни была, на душе всегда было спокойно, даже в опасных ситуациях, потому что рядом были люди - моя надёжная опора и охрана. Этой ночью я осталась одна, впервые после моего приезда на Юг, и в голову приходили разные мысли. Куда я побегу, если нагрянет противник? Как мне поступить в случае вражеской атаки? С кем надо связаться, чтобы получить возможность спрятаться в блиндаже?

В тесной землянке было жарко и душно, и мы с хозяйкой выбрались наружу. От зудения комаров, а может быть, от раздумий я никак не могла заснуть. Было уже поздно - кончилась последняя радиопередача, а я всё еще не сомкнула глаз. Вдруг в деревне залаяли собаки, я поднялась и стала вслушиваться в ночную темноту. В одно мгновение во мне вспыхнуло необъяснимое горячее желание: пусть на дорожке появится любимый мной человек - мой младший друг - и тут же ко мне подойдёт! Я, конечно, прижмусь лицом к его крепким рукам, и пусть слёзы объяснят ему моё молчание!

Почему я подумала именно о тебе, а не о ком-нибудь другом? Это понять нетрудно, ведь здесь на Юге во всех опасных ситуациях ты всегда был рядом, охранял, утешал меня, заботился обо всём, исполнял мои капризы, делился мыслями о борьбе с трудностями и недостатками, провожал меня,

даже если идти надо было недалеко... А что ты делаешь сейчас? Знаешь ли ты, что я сегодня - в эвакуации от вражеских карателей, что я чувствую себя чужой среди незнакомых людей?

29 июля [1969 г.]

До чего же сурова и жестока война! Сегодня ко мне привезли раненого: ожог всего тела от воздействия фосфора. Прошёл час, как несчастного доставили сюда, но его тело все еще продолжало дымиться. Это был двадцатилетний парень, единственный сын женщины - моей коллеги в общине, где я сейчас живу. Произошёл несчастный случай: взорвался фосфорный снаряд, причинив ему тяжёлый ожог. Никто теперь не может узнать симпатичного парня. На месте весёлых чёрных глаз образовались две дырки, откуда из-под пожелтевших ресниц, всё ещё исходил едкий фосфорный дым. Увы, его словно поджарили в печи. При таком зрелище я остолбенела от ужаса. Его мать горько плакала, дрожащими руками трогала его, с тела парня отрывались, как лепёшки искореженные куски кожи! Возле него в слезах сидели старшая и младшая сёстры. Рядом была ещё одна совсем ошеломлённая девушка с нежными, но застывшими от муки глазами, с влажными от пота волосами, спадавшими на покрасневшие от волнения и усталости щёки. Девушка по имени Ты – любимая Ханя, вместе с другими несла его сюда, к нам. Услышав, что ему необходимо переливание крови, она тут же

побежала через речку вброд. Вода в речке поднялась, и хоть она не умеет плавать, но всё же перешла на другой берег - любовь придала ей силы! Сейчас Ты в терпеливом молчании сидит рядом с Ханем, на лбу этой красивой девушки - словно отпечатались горе и страдания. Глядя на неё, мне так захотелось сложить стихотворение о злодеяниях войны, цель которых - разрушить любовь и счастье миллионов людей! Но я так и не смогла сочинить ни строчки. Описать те чувства, которые теснились у меня в груди невозможно!

30 июля [1969 г.]

Ровно в полночь из южной зоны пришёл Ки с горькой вестью: противник внезапно атаковал больницу, и девушка Лиен была убита, когда помогала раненым эвакуироваться. Что стало с ранеными – пока неизвестно.

За три месяца подряд больница четвёртый раз подверглась вражескому нападению. Моё сердце не находило себе места от неизвестности: кто ещё из моих товарищей убит, куда разбежались оставшиеся в живых? Над вами, мои товарищи, как и надо мной, нависла целая гора трудностей. Хватит ли у меня сил одолеть эту гору? С ней во что бы то ни стало надо справиться, пока она не рухнула и не погребла под собой нас всех!

Бедная моя Лиен! Помню, как на прощание ты меня целовала и наставляла всегда быть осторожной. А теперь ты первой пала смертью храбрых! С нами

уже нет красавицы и образцовой сотрудницы, любимицы всей больницы! Слышишь, Лиен, пока я буду жива, я буду мстить врагу за тебя, за Ли и за всех наших погибших в этой смертельной схватке!

31 июля [1969 г.]

Пришла Хань - с подробностями о бедствиях нашей больницы. Оказалось, на этот раз трагедия произошла снова 28-го числа, как ровно три месяца назад, когда противник впервые напал на нашу базу, каким-то образом обнаружив наше местопребывание. Кроме Лиен на холме погиб ещё Ты, а Ле схватили живой.

От скорби и ненависти я окаменела - и, хотя заранее ко всему себя подготовила, - не могла успокоиться.

Дорогие мои люди, погибшие и живые! Нас не могут разлучить, мы вместе сражаемся с врагом плечом к плечу со мной Лиен, Ты, Ли, Хыонг и десятки тысяч других, живых, и мы боремся до полной победы!

3 августа [1969 г.]

Снова встретилась с Таном после трёх месяцев, полных трудностей и суровых испытаний. Тан всегда относился ко мне не как

товарищ секретарь райкома партии, а как добрый старший брат. Не знаю, заслужу ли его полное одобрение - ведь в наших отношениях я всегда веду себя как девушка, которую характеризуют черты человека социалистического общества, то есть демократичность, принципы равноправия и сочувствия друг к другу вне всякой зависимости от рангов и должностей.

Перед его отъездом в южную зону я, желая повидаться с ним на прощание, спешила из Биньми. Я добралась лишь вечером и увидела, как он вышел из дома. В сумерках его цвет рубашки словно слился с окружающим пространством, и передо мной явились его жизнерадостная улыбка, блестящие чёрные глаза. Я вдруг почувствовала огромную симпатию и полное доверие к этому старшему брату, человеку несокрушимого оптимизма. Хотелось подойти к нему ближе, прижаться лицом к его рукам, как в детстве, когда я встречалась с папой, мамой или с дядей Хиеном. Но я молча стояла поодаль - ведь рядом были и другие люди. Он пожал мне руку, отошёл и повернулся со словами: «Будь всегда бдительна, товарищ Чам!» (Лишь мне было понятно, в каком значении Тан употребил слово *товарищ*). Не раздумывая, я ему вслед прокричала: «Пишите мне оттуда, старший брат Тан!». Сказала и пожалела - ведь неизвестно, что подумают люди! Понимает ли кто из них, как связаны мы с Таном? Вполне возможно, что кто-то и возмущён бесцеремонностью коллеги по отношению к товарищу

секретарю райкома партии.

Знаете ли Вы, Тан, что мне как-то неловко считать Вас своим старшим братом? Мне мешает то, что Вы важный руководитель. Будь Вы простым революционером, как я, это упростило бы для меня повседневное общение между братом и сестрой. Что Вы думаете о своей младшей сестре с Севера?

5 августа [1969 г.]

Я отправилась по срочному вызову, шла опасными путями, пересекая шоссейные дороги, по которым снуют автомашины врага, взбираясь на холмы, где дислоцированы американские солдаты. Я двинулась через поля в Фотхуане, освещаемые с трёх сторон мощными прожекторами. Моя тень падала в разные стороны и порой я ощущала себя как на сцене во время вечеров художественной самодеятельности, в которых участвовала, когда ещё училась в медицинском институте. Да, теперь я стала кем-то вроде актрисы, исполняющей роль девушки из освобождённого района, одетой в чёрное, которая ночами ходит с партизанами на задание в так называемых ничейных зонах. А случись мне нарваться на противника и упасть с аптечкой в руке, - люди будут оплакивать девушку, павшую за революцию в возрасте мечтаний и надежд!

6 августа [1969 г.]

В любой обстановке вечерние закаты над рисовым полем всегда поэтичны. Сегодня утром противник атаковал местечко Кимзяо, в бою один наш товарищ погиб, двое тяжело ранены. В гнетущей скорби, находясь вечером на золотистом рисовом поле, я всё же ощущаю кипучую жизнь. Шла оживлённая жатва и на лице молодого кадрового работника, который сопровождал меня, сияла улыбка. Это был Конг, любимый девушки Лиен. Не прошло ещё десяти дней, как погибла Лиен. Конг в глубоком горе, но передо мной он всё же улыбался и вёл живой разговор. Несколько минут назад на прощание он сыграл на мандолине весёлую мелодию. С удивлением смотрела на него: будь я в его положении, как бы я себя повела? Наверняка не было бы улыбки и той весёлой мелодии!

Вот какие чудеса совершает революция на этой земле - нигде столько горя и скорби, но нигде столько же оптимизма!

15 августа [1969 г.]

*«Победителю знакомы поражения,
А мудрец порой валяет дурака...»*

Надо вникнуть в глубокий смысл этих строк То Хыу, чтобы не впасть в отчаяние, после случившегося здесь: в первом же бою двое получили тяжелые ранения, шестеро погибли, десять человек были

схвачены живыми! Среди погибших был Дао, председатель военкома уезда Дыкфо. Мы с ним познакомились, когда я только что прибыла в Дыкфо. Дао был неразговорчив, но хорошо знал дело, знал людей и пользовался у жителей большим авторитетом. В том бою он повёл подгруппу наших солдат прямо к районному центру, но пуля пробилась ему лёгкое - грудь не была перевязана, и у него от потери крови началось головокружение. Умирая, он был в сознании, всё понимал и никого не хотел беспокоить. Оказывая ему неотложную помощь, я не могла удержать стекавших по щекам слез. Было так жаль его! Я всеми силами старалась его спасти. Но, подобно тяжелораненому связанному бойцу, который видит, как приближается вооружённый противник, но не может убить его - я бессильна, я ничего не могу сделать, и только руки у меня дрожат от ненависти. Нет, я не сдамся! Ненависть придаст силы. Дао, слышишь ли ты мой голос, голос товарища, друга, младшей сестры, которая дала клятву отомстить врагу за тебя, за других товарищей, погибших ради нашей завтрашней победы!

17 августа [1969 г.]

Получила письмо от младшего друга, и стало немного грустно от его вопроса: «Не забыла ли ты своего скромного младшего брата?». Какой же ты дурачок, мой умный и отважный мальчик! Я всегда скучаю по тебе и тебя люблю, всегда жалею тебя,

благодарна за твои возвышенные, особые ко мне чувства. Знаешь, каждый вечер смотрю вдаль, в туманной дымке вижу синюю гору с полоской краснозёма, - ведь там твоя родная земля, там ты беспокоишься обо мне днём и ночью. Нет, ни на минуту я тебя не забываю!

25 августа [1969 г.]

Настали очень напряжённые дни. Ночью американские солдаты обошли деревню и скрылись на рисовом поле, чтобы утром внезапно начать вылазку. Спозаранку они окружили деревню. Я спустилась в убежище, оттуда слышны были их громкие крики, когда они прочёсывали местность. В сердце бурлила ненависть. Во время вражеской карательной операции были ранены женщина по имени Тху Хыонг и её ребёнок. С медсестрой этой общины я знакома давно, а вчера вечером мы с ней разговаривали допоздна. В первый раз она, мать ребёнка-метиса призналась мне, что болезненно переживает некогда допущенную ошибку: в результате у неё сын - этаким пухленький красавчик, типичный европейский мальчишка. Сегодня ему в грудь угодили два осколка от миномётного снаряда и его жизнь висела на волоске. Вот что такое война: она не щадит ни маленьких детей, ни старух - и во всём виноваты эти проклятые кровожадные янки!

29 августа [1969 г.]

Та женщина-мать выглядела совсем молодой - глядя на её полное, белокожее лицо и тоненькую фигуру, вряд ли кто-то поверит, что у неё совсем взрослый сын, который служит в армии вот уже три года. Я о ней мало что знала, была знакома лишь с её сыном Тхиеном. А сегодня ночью она неожиданно рассказала о своём единственном сыне.

Тхиену сейчас 18 лет. Отец его при перегруппировке войск⁴⁹ отправился на Север, молодая мать сына растила одна. Тхиен рос в тепле материнской любви, что и сделало его баловнем. Каждый день он, идя в школу, требовал от матери якобы плату за учёбу, приходил домой – сладостей разных подай, а без рыбы вообще не желал обедать, к тому же ещё угрожал бросить учёбу, мать бегала за ним, умоляя хоть что-нибудь поесть, чтоб не умереть с голоду. В 15 лет он вдруг рванулся в армию, и матери ничего не оставалось, как согласиться (Тхиен добавил себе ещё год, и пошёл с одним бойцом в армейское подразделение). Мать провожала его в полной уверенности, что не пройдёт и недели, как её сын, который ничего не умел делать, и лишь любил получать гостинцы, вернётся домой, поскольку служба в армии - не для таких. Но она ошиблась: суровая и почётная служба в армии увлекла её сына. Парень выдержал такие испытания, какие он раньше даже не мог

⁴⁹ В соответствии с Женевским соглашением 1954 года, в Южном Вьетнаме оставались проамериканские силы, а революционные войска и кадровые работники должны были перебазироваться на Север.

себе вообразить. Он возмужал, и его семнадцатилетним приняли в партию. Непонятно было только одно: почему за все три года он не написал матери ни строчки!

Три года... Вероятно, Тхиен не понимал, как по нему тосковала его мама. Эти три года были особенно жестокими и тяжёлыми для его родной земли. Не раз деревня подвергалась вражеским обстрелам и нападениям, землянка, служившая жилищем для всей семьи, была полностью разрушена попавшей в нее миной. Женщина повела старуху искать новое жильё. Стоял сезон дождей и им пришлось провести не одну холодную ночь на чужих верандах. Женщина всё тужила о том, где сейчас её сын, достаточно ли у него тёплой одежды. Ожидая его возвращения, она собрала свои скудные гроши, купила шерсть и связала ему свитер. Прошла зима, а он все не возвращался, тогда она продала свитер (из опасения, что сыну он окажется мал), и стала вязать новый, большего размера. Повсюду, с кем бы она ни встречалась, женщина задавала один и тот же вопрос: «Молодой человек, товарищ, вы случайно не видели моего сына Тхиена?» Людям было и жаль её, и забавно слышать подобный вопрос. Ей говорили, мол, увы, солдат теперь много, территория освобождённых районов расширилась, так просто не ответишь!

Однажды ей удалось узнать, что сын уже переведён в подразделение № 48, она прибежала к своему начальнику отпроситься, чтобы отправиться туда. Тот ей сочувствовал и обещал помочь найти подразделение сына. Однако многодневное

напряжение от тяжелой работы и упорных поисков сына истощили силы женщины, она заболела и слегла на полмесяца. Когда она выздоровела, подразделение сына уже ушло. Снова потянулись дни неизбывной тоски, - до тех пор пока она не встретила знакомого, который служил в подразделении вместе с Тхиеном. От радости она ни на шаг от него не отходила, одолевая вопросы. Тот сначала мялся, но потом всё же сообщил: месяц назад Тхиен после трёх неудачных попыток отпроситься в отпуск к матери куда-то исчез. Услышав это, она словно обезумела - ведь тоскливое ожидание и надежда, вместившие в себя всю ее материнскую любовь, завершились полным разочарованием. Она вышла из себя и набросилась на офицера: «Ты не достоин называться земляком, ты равнодушен к родной земле! И какой ты офицер, если у тебя нет товарищей-однополчан! Ничего ты не понимаешь: я только-только оторвала сына от груди, ты же не позволил ему хоть раз за три года встретиться с матерью! Где сейчас мой сын? Если он умрёт, не встретившись с матерью, я тебе задам! Я буду призывать, чтобы ни одна женщина-мать отныне не отпускала сына в освободительную армию!».

Она бросила работу, поехала в Сайгон, – иначе здесь она бы просто сошла с ума и не смогла жить.

На самом деле её Тхиен не был дезертиром, просто перевёлся в другое, более важное, подразделение. Однажды во время перевозки риса он заходил домой, но, разумеется, не застал мать и снова ушёл. Весть об этом дошла до женщины, она

сразу же села на поезд и приехала из Сайгона в провинцию Куангнай, и наконец-то здесь встрети-лась с сыном. Она прижала его к себе как маленького, пощупала каждый его вихор, каждый шрам на его теле. Изнеженный и капризный мальчуган Тхиен превратился в настоящего солдата с загорелым лицом, худощавым, но крепким телосложением. Он стал настоящим членом партии, закалённым и опытным разведчи-ком. Капли её слёз падали на выцветшую зелёную рубашку и на привыкшие к постоянным тяжестям плечи.

Подразделение отпустило Тхиена домой на десять дней. Но матери этого было мало! Разве может хватить ведра воды на целый участок поля в летнюю засуху?! Женщина решила не отпускать сына назад, в подразделение: «Больше никуда! Если убьют, то пусть здесь - я не против. Участвовать в революционных делах можно и дома. Я тебя никуда не отпущу!».

* * *

Лёжа в качающемся между двумя бамбуками гамаке, я внимательно слушала её рассказ, смеялась, а по прилипшим к лицу прядям волос текли слёзы. Мне так жаль её, я прониклась её материнскими чувствами и стремилась дать какой-нибудь дельный совет, чтобы помочь ей последо-вать примеру тех вьетнамских матерей, которые умеют любить своих сыновей и отдавать их родине. Старшая сестра, ты не должна направлять материнскую любовь по неверному пути! Жду

окончания этой истории, чтобы записать ее потом в своём дневнике.

Перевалило за полночь, крепко заснул Тхиен – боец, почувствовавший себя снова мальчишкой. Тхиен, племянник мой, боец Освободительной армии, совершавший славные подвиги на трудных фронтовых дорогах, пообещай мне, что останешься достойным воином Армии освобождения!

30 августа [1969 г.]

В последние дни так тревожно на душе, что по ночам не сплю, а днём себе места не нахожу: в Фокыонге идут ожесточённые бои. Предчувствие чего-то недоброго оправдалось: в сообщении о крупной победе (в сражении, которое шло всю ночь, нами были уничтожены 14 танков, вертолёт НУ-1А, 15 военных автомобилей и 150 янки) была горькая весть: погиб один партизан, ранены двое товарищей. Этим погибшим оказался Ниеу, круглый сирота, любимый младший брат Тхуана! Излишне говорить, как мне жаль Ниеу и Тхуана. Мой младший брат, наверное, совсем сник от скорби. Мой брат, я прекрасно понимаю, что после смерти родителей ты растил своего братишку, кормил его, укладывал спать, следил за каждым его словом и каждым поступком. А вот теперь... Жаль, что сейчас я не могу быть рядом с тобой, чтобы обнять тебя, облегчить твоё горе, вытереть твои глаза, полные горячих слёз.

Сегодня в сумерках противник внезапно снова

атаковал деревню. В тёмном и душном подземном укрытии я думала только о Ниеу, и стекавшие по моим щекам слёзы смешивались с каплями пота. Дорогой Ниеу, мы, все наши братья и сёстры, отомстим врагу за тебя!

1 сентября [1969 г.]

Проводила Тана на совещание, и сразу стало беспокойно и грустно. За последние дни отношения между нами заметно улучшились. Я убедилась, что он питает ко мне особые чувства: всё остаётся на уровне отношений между старшим братом и младшей сестрой, между коллегами, однако в этих отношениях нетрудно заметить глубокое взаимопонимание и душевные созвучия. Как-то днём я заметила в его блокноте письма, которые я писала в спешке на маленьких листочках бумаги. Но я знаю его привычку: прочитанные письма он всегда рвёт и бросает в огонь. Если он хранит полученные от меня записки - не значит ли это, что он мне отводит в своей жизни небольшой уголок?

Среди наставлений, данных товарищу Шо, члену комитета общины Фован, было поручение охранять меня как можно лучше, чтобы не допустить потери, которая нанесла бы ущерб кадровым резервам Партии. Мне было несколько смешно, когда я услышала следующее наставление: «Запомни, я её тебе поручаю». Подозревает ли Шо, что та его короткая фраза - проявление заботы

старшего брата о младшей сестре?

3 сентября [1969 г.]

Для нас настал день огромной скорби и траура: умер Дядя Хо!^(*)

Нет, я не плачу, но словами не выразить боль сердца, которое истекает кровью. Дядя Хо! Что же ты ушёл от нас, когда дело ещё не завершено? Страна все ещё разъединена, южные собраты так и не успели встретиться с тобой, теперь же ты заснул навеки! И верно, там, в потустороннем мире ты, Дядя, не найдёшь покоя, пока половина страны в огне и всё ещё льётся кровь за твоё дело, за дело всей нации.

В память о тебе, Дядя Хо, клянёмся сражаться до полного торжества нашего общего дела! В память о тебе, Дядя Хо, мы слёзы превратим в ненависть, сжигающую американских агрессоров.

Мой Дядя Хо, весь вьетнамский народ и пролетарии всего мира верят в то, что ты всегда с нами, твоё имя и твоё дело - навеки!

4 сентября [1969 г.]

Письмо от Тана было передано мне спустя

* Из любви и уважения так называли и называют вьетнамцы своего президента Хо Ши Мина (19.5.1890 – 2.9.1969).

несколько дней, после его отъезда. Мне хотелось сказать ему о многом, но пока не могу. С ним, видно, происходит то же самое. Всё объясняется просто: вокруг всегда люди и он весь в делах.

Когда, наконец, появится возможность поговорить по душам, дорогой мой старший брат? Неужели всё время мы поверяем друг другу свои переживания лишь посредством писем и дневника? Я так больше не могу! Надо выбрать время, и ты расскажешь мне обо всём, старший брат!

13 сентября [1969 г.]

Знаешь, мой младший брат, чем больше разделяют нас расстояния и время, тем ты мне ближе! Я по тебе как никогда скучаю, и за тебя беспокоюсь. День нашей встречи - как далекий огонёк в ночи, а я, путница, - смотрю на него в нетерпении, горячо желая и ожидая его приближения. Знаешь ли ты, как я «боролась» за то, чтобы тебя перевели на работу поближе ко мне? Я огорчилась, когда мой замысел не одобрили. Занятая всевозможными хлопотами, я тем не менее думаю об одном: когда мы с тобой встретимся? Когда нам доведётся жить рядом, как в прошлые забываемые дни? Не умирай, живи, оставайся в живых, чтобы в недалёком будущем я смогла обнять тебя с бескорыстной, возвышенной любовью, которую питаю к младшему брату с Юга!

Война не скоро кончится, мы с тобой - солдаты, стоящие на передовой. Никто не знает пока, что будет дальше, но ты должен верить, как в своё время Константин Симонов в стихотворении “Жди меня”:

*“Жди меня и я вернусь –
Только очень жди!”*

14 сентября [1969 г.]

Мои сокровенные мысли воплощаются в снах. Мне приснилось, что после долгой разлуки я вернулась в Ханой, встретила с родителями и... с ним. Да, это был мой младший брат с Юга! При встрече я была очень удивлена, так как Тхуан смотрел на меня не мигая, с полными горьких слёз глазами... Увы, ведь это истинная картина сегодняшней трудной жизни!

В эти дни я чувствую себя одинокой и не могу избавиться от нарастающей в сердце грусти. Больница не может работать нормально, скитаемся, переходя с одного места на другое, тяжёлая корзина оттягивает руку, а гнетущее беспокойство и тревога в моём сердце тяжелее любого груза...

23 сентября [1969 г.]

Время бежит быстро - скоро конец сентября!

На рисовые поля, покрытые золотыми колосьями, пришла осень. Сезон жатвы должен быть радостным, ведь урожай - результат тяжёлого труда и залог благополучия. Но янки и их приспешники не дают покоя рисовым полям. По утрам привозят солдат для карательных действий, обстреливают рисовые участки. Радостная пора сбора урожая омрачается тревогой и ненавистью к врагу. Я вдруг вспоминаю фильмы и песни о полях при социализме и на душе встает мучительный вопрос: «Когда же, когда на Юге страны воцарятся Мир, Свобода и Независимость?».

* * *

Среди писем из южной зоны не было ни одного от моего младшего друга. По словам людей, от горя и болезни он совсем обессилел. Мои сочувствие и жалость к нему в моей душе постоянны, они не дают мне забыть его ни на миг. Как бы мне разделить с тобой горе, мой младший брат? Желая тебе здоровья и благополучия, и жду нашей встречи. Издалека шлю тебе самые искренние чувства любви, ты меня слышишь, мой чудный мальчик?

20 октября [1969 г.]

Много дней не вела дневник. Разве можно позволить жизни лишиться мыслей человека, умеющего думать? Нет, я не хочу этого, просто была слишком занята. Более того, из-за ежедневных горьких утрат друзей и товарищей я стала отвыкать от всего, что было неотъемлемой принадлежностью

моей жизни. Но этот дневник - не только часть моей личной жизни, он содержит также сведения о периодах героической борьбы и о страдальческих судьбах людей несгибаемой воли на южной земле.

* * *

Умер Там Винь! Дорогой Там Винь, я никогда не забуду тебя, добродушного, трудолюбивого крестьянина, умевшего охватить своей бесконечной любовью жену, детей, друзей и товарищей. Помню, как поздней ночью, когда мы крепко спали, ты один в темноте пробирался через бамбуковые кусты, и открыв крышу подземного укрытия, вычерпывал воду, чтобы на следующий день я не промочила себе ноги в холодной воде. Более того, ты всегда уступал людям сухие укрытия, а себе оставлял залитые водой... Неужели тебя не стало, дорогой Там Винь? Нет, ты всегда с нами, мой скромный, добрый и уважаемый старший брат!

21 октября [1969 г.]

Предельно опасное положение! Все посёлки в Модыке перепаханы вражескими броневиками, жители спасаются бегством; были случаи, когда кое-какие подземные укрытия не выдерживали тяжести броневиков, и наши люди гибли. С возрастающей тревогой я слушала информацию Тана о создавшейся обстановке. Однако в чёрных, зорких глазах Тана я прочитала, что на душе у этого

доброго человека ещё тревожнее. Чем больше работаю с ним, тем больше взаимопонимания появляется между нами, хотя каждый раз при встрече мы с ним лишь здороваемся и обмениваемся обычными вопросами–ответами, главным образом, связанными с работой. По словам коллег, он проявляет ко мне особое внимание, заботится. А я, со своей стороны, не могу описать своё тоскливое ожидание в дни его отсутствия. Вместе с тем, нельзя быть уверенной в том, что и он питает ко мне подобные чувства.

Дорогой Тан, ты мой добрый старший брат, и, однако, я всё же чувствую, что между нами существует что-то вроде барьера!

25 октября [1969 г.]

Трудно представить, что это бывшее место работы и отдыха группы самых ответственных и важных в уезде людей. Это опустевшая хижина с протекающей крышей. Здесь обустроен блиндаж. В целях конспирации, что ли, мусор не убирают. Ночью пищали комары, а из щелей в деревянном потолке сыпалась земля и никто из нас не мог спокойно заснуть.

Зукуанг был известен раньше как самая красивая и зажиточная деревня в богатой общине Фокуанг, расположенной на морском побережье уезда Дыкфо. Теперь приходящие в Зукуанг оценивают

его зажиточность только по надежным подземным укрытиям: здесь построили добротные, из кирпича, убежища от снарядов, укрепив их стены хорошо обтёсанными столбами, взятыми из разрушенных обстрелами повалившихся домов. В этих подземных постройках стоят прочные деревянные койки и могут укрыться сразу человек 30–40.

Вечерами после ужина жители располагаются поближе к убежищам, чтобы быть наготове, если противник начнёт обстрел из гранатомётов, миномётов, пушек или прямой наводкой из пулемётов с горы Ванг. Жизненное пространство, таким образом, сужается до минимума. Со всех сторон нам угрожают опасности.

30 октября [1969 г.]

Расположенные в низинах части деревень и поля затопило наводнением.

Янки высадились ещё вчера утром - и сегодня в четыре часа все мы уже были на ногах, чтобы предостеречь всех от их внезапных вылазок. Шёл непрерывный и сильный дождь. В семь часов противник начал наступление. Мы спрятались в подземное укрытие. У этого добротного убежища со временем испортились форточки для проветривания. Мне было как-то неловко оставаться вдвоём с женщиной по имени Ки, и я позвала с собой ещё девушку Там. Вода в укрытии быстро прибывала, а через час она была уже выше пояса. Я сильно продрогла. Американцев не было видно и не было

слышно, поэтому вскоре мы решили выбраться из укрытия и спрятаться в кустах. Днём подошли вооружённые винтовками Ди и Там, и мы пошли за ними искать новое убежище. Все укрытия были затоплены водой, к тому же никто не мог определить, где были янки. Мы все собрались в хижине Там, промокшие до нитки и дрожавшие от холода. А мне стало как-то весело: ведь только теперь я точно узнала, что такое эвакуация под дождём. У всех на бледных губах также появились улыбки. Радиоприборы и счётчики «напились» воды, пришлось их сушить над костром.

1 ноября [1969 г.]

Кругом была вода, а на дорогах - вражеские солдаты. Однако каким бы трудным ни было положение, нам нельзя отступать. Тан решил идти, а я - с ним, пусть это и будет нелегко. В больнице оставались ещё три человека, всем идти сразу было нельзя. В пять часов вечера мы с Таном двинулись к переправе - все дороги и переулки были взрыхлены снарядами, везде валялись упавшие деревья и хижины. Уцелело только несколько хижин, жители бежали подальше от вражеских карателей, в спешке брали с собой на коромыслах что подвернётся: рис, дрова, кастрюли... На всё это было тяжело смотреть!

На переправе была только одна маленькая лодочка - и пришлось из пятнадцати человек оставить половину, среди них, кроме разведчиков

были Тан, Кинь и я.

Мы шли молча, осторожно нащупывая межи на полях вдоль колючих ограждений. Когда мы шли по подземному каналу, ведущему к шоссе на дороге, я ощущала себя так же, как Мариус в парижской клоаке⁵⁰. Я не чувствовала страха (это не в моём характере); передо мной шёл Тан, - он время от времени оборачивался, видимо, чувствуя за спиной улыбку и любопытные глаза, устремлённые на яркий свет, исходящий от вражеских фортов. Дорогой старший брат Тан, в любой обстановке я хочу сохранить радость и веру. Сегодня мне хорошо идти с тобой по одному пути, ты ведёшь меня по тернистым тропам, и мы вместе преодолеваем трудности...

Пришли на место назначения в 23 часа. Попрощались с Таном. «Счастливого пути и скорейшего возвращения, мой старший брат Тан!».

5 ноября [1969 г.]

Всё идут проливные дожди и дуют ветры. Живу в доме, где нет никаких следов войны, и всё же я совсем не ощущаю уюта, хотя и окружена добрыми людьми из большой и счастливой семьи. Я сижу у подноса с горячей едой на поставленном посреди комнаты топчане и думаю о других людях. Наверное, мой старший брат Тан идёт сейчас под холодным дождём. Ты промок и дрожишь от ветра,

⁵⁰ Имеются в виду события из романа В. Гюго «Отверженные».

мой старший брат? Если бы я могла превратить свои чувства в огонь, чтоб согреть тебя!

А где же ты, мой младший брат, оставшийся в далёкой южной зоне, в зоне военных действий? В лесу ли ты или в затопленном водой блиндаже? Расстояние между нами всё больше, и я всё больше тоскую по тебе. А у скольких семей с детьми в этот час нет крова?

12 ноября [1969 г.]

После трёх месяцев трудных скитаний и причинённых врагом испытаний я снова в джунглях! Мне было тяжело расставаться с равниной. Там, в общинах и деревнях, где три месяца заботились обо мне, землю топчут вражеские солдаты. Они же сровняли огромную территорию - от Дыкфонга до самого подножья горы Кыа. Сейчас стоишь в Хойане, а видишь морское побережье Миа! Этот ущерб причинил враг нашей земле!

Многие остались жить без крыши над головой, но они никогда не покинут родную землю, опустошённую вражескими бульдозерами. Все сроднились с революцией: вечерами можно видеть, как женщины с коромыслами возвращаются по искореженным снарядами тропинкам и на скорую руку готовят своим мужьям скромный ужин и как старушки несут еду сыновьям, промокшим в укрытиях у берегов реки...

23 ноября [1969 г.]

Сегодня день рождения младшей сестры Фьонг. Дорогая моя, не думай, пожалуйста, что я вспомнила о тебе и дне твоего рождения только сейчас, в момент, когда в джунглях похолодало от северного ветра и морозящего мелкого дождя! Всегда и всюду, в любой ситуации я храню в сердце память о том, как уютно жилось в нашей семье. Мне не забыть воскресные дни и дни рождения, когда к нам приходили с поздравлениями друзья, не забыть и праздничные ужины. Сегодня тоже воскресенье, моя сестрёнка. Как ты отмечаешь день своего рождения? Знаю, ты, конечно, с тоской думаешь обо мне, и хочешь разделить радость со своей старшей сестрой на дальней стороне. Ты себе не можешь представить, что я делала в этот день. Утром с ножом работала в лесу, днём вместе с двумя связными, взяв сумку с лекарствами, отправилась к больному армейцу. По дороге нам встретились солдаты. Среди них был земляк, но я не знала, о чём с ним можно говорить. У всех солдат были бледные лица, они держали в руках молодые побеги бамбука как продукты питания. По их словам, они много дней голодали и болели тропической малярией. Знаешь ли ты, что история этой великой войны пишется ценою крови и молодости многих людей?

26 ноября [1969 г.]

У тебя, Тхюи, прибавился ещё год пребывания в условиях фронтового огня на Юге страны. Будь уверена - ты избрала славный путь! Не печалься, Тхюи, что в день твоего рождения только мокрые от непрерывных дождей деревья в лесу шепчут тебе нежные слова! Не грусти, что сегодня только ручей шумом своим словно посвящает тебе прекрасную оду. И это тесное и мокрое подземное укрытие служит тебе комнатой, где можно записать новую страницу в тетрадь твоей жизни. Не печалься - ведь потом, открывая этот дневник, ты будешь гордиться годами своей молодости. Конечно, здесь, в джунглях, у тебя такой отрады, как минуты общения с друзьями, нет на столе вазочки с пахучими розами. Здесь нет счастливой возможности побродить с любимым человеком по затихающим улочкам города, освещенного мягкими лучами заходящего солнца. Здесь ты лишена многого, и вместе с тем у тебя есть всё! Так что улыбайся, радуйся - в твоей жизни открылась новая страница.

29 ноября [1969 г.]

Не успели построить больницу, как в ней уже нельзя оставаться: среди нас выявился дезертир, который про нас всё знает. И опять все мы, взгромоздив рюкзаки на плечи, отправились искать новое место. А я пошла назад, в обратном, южном направлении.

До свидания, северная зона! Горевать я не стала, но на душе всё же было тяжело - беспокойно и тревожно.

Противник целенаправленно атакует северную часть этого уезда. Да будут мужественны наши товарищи в боях за будущие мирные, счастливые дни на этой красивой и богатой земле!

30 ноября [1969 г.]

Во время военного похода всегда трудно, особенно по зоне дислокации американских подразделений. В Фонёне - ни души, повсюду видны лишь остовы сгоревших домов, похожие на призраки. Я шла и с жалостью думала о старшем брате Тане: ведь это его родная земля, доведённая врагом до опустошения! В заброшенных садах остались тёмные цветы «стодневки», наводящие на скорбные мысли о потерях военных лет. Я долго держала в руках эти цветущие ветки, а когда переходила речку вброд, опустила их по течению, но навсегда запомнила это неброское, но трогательное растение.

1 декабря [1969 г.]

В Фокыонге у меня были волнующие встречи с жителями - моими старыми знакомыми. На земле,

которая стала мне родной, скучать не дают, принимают очень сердечно. Как всегда, чувствую себя, как дочь, оказавшаяся после долгой разлуки в своей семье, среди родных.

2 декабря [1969 г.]

Наконец-то мы встретились с тобой, мой брат! До этого я представляла себе, как при встрече ты прижмёшься к моим рукам и мы с тобой будем рыдать в старой хижине, оставшейся без Ниеу. Однако, встретившись, мы оба, наоборот, радостно заулыбались! Я обрадовалась, так как отныне буду снова жить, окруженная твоей любовью. За дни, проведенные в Каньбаке, я и не помышляла, что когда-нибудь снова буду смотреть в твои полные света глаза, держать твои руки в своих и ласково гладить твои волосы. Но этот день наступил! С нами теперь ещё Тхьонг - и вместе мы проводим такие прекрасные дни! Подул холодный ветер и повсюду в деревне заморосил мелкий дождь, но мне не холодно, - мое сердце согрето ощущениями любви и товарищества.

Завтра мне снова - в путь, буду жить в ожидании скорой встречи с дорогими людьми, с тобой, мой младший брат!

3 декабря [1969 г.]

Стояла холодная ночь, порывистый северо-восточный ветер словно пронизывал меня до костей. Я прибежала к младшему брату, дрожа от холода, но вскоре немного согрелась - он накрыл мне плечи платком из парашютного материала и взял мои ладони в свои горячие руки. Ждать до отправления оставалось недолго, и мы посидели рядом. Но, к нашему сожалению, настало время, и точно без четверти четыре мы с Тхыонгом надели на плечи рюкзаки. Младший брат провожал нас до места сбора. Прощаясь, я видела в его чёрных глазах свет необычайной любви и рассталась с ним, как с самым родным мне человеком. Когда же мы с ним снова встретимся?!

* * *

Неужели эта ожесточённая война отучила меня плакать? Раньше от всякой печальной истории, увиденной в кино, мои глаза наполнялись слезами, теперь же молча, спокойно, сжав губы, я могу прощаться с человеком, зная, что, вполне возможно, вижу его в последний раз! Сегодня вечером, когда я ходила на могилу Ниеу, и была охвачена глубокой скорбью, глаза мои были влажны, но я не плакала. Ниеу похоронили у самой дороги, ещё венки на могиле не совсем увяли, и, хотя прошло уже сто дней, мне всё казалось, что он ушёл от нас совсем недавно. Зажгла ароматные палочки, поставила на могиле, но от горького волнения не смогла сказать усопшему ни слова. Дорогой Ниеу! Ты погиб как стойкий боец, и твоя жизнь, словно песня, вдохновляет людей. Ты ушёл

из жизни в том возрасте, когда человек полон прекрасных стремлений и благородной любви! Мы, твои родные и друзья, обещаем сражаться до конца и отомстить за тебя врагу.

4 декабря [1969 г.]

Мы с Ван встретились - и бросились обнимать друг друга. Я была тронута, когда увидела слёзы на глазах моей подруги. Теперь я уже вернулась к старшим сестре и брату Ки, к своим дорогим друзьям.

Проведу в этом домишке несколько спокойных дней, что отчасти вознаградит меня за тяжесть предшествующих.

Книга вторая^(*) (1970 г.)

() В блокноте объёмом в 53 рукописных страниц дневник вёлся с 31-го декабря 1969 года по 20-е июня 1970 года. Блокнот был найден американскими военнослужащими в вещмешке погибшей Данг Тхюи Чам.*

= 1970 =

NHẬT KÝ

Kiến Canh-Quát

Đặng Thuỳ Trâm

"Hãy giữ vững tinh thần của người
công nhân. Tinh thần trong suốt
như pha lê, rắn chắc như kim
cương và chói lọi như mặt trời hào
quang của lòng tôi tương. Người
công nhân rất yêu cuộc sống nhưng
khi cần có thể như như lòng
hồng mà chết đấu."

Hoàng Văn Thu

"Сохраняйте дух коммуниста – прозрачный как
хрусталь, твёрдый как алмаз, который ярко
излучается верой. Коммунист очень любит жизнь, но
когда нужно, он легко ею пожертвует"

Хоанг Ван Тху*

* Хоанг Ван Тху (1909-1944): вьетнамский политический деятель.

31 декабря [1969г.]

Последнюю ночь 1969 года мы провели в походе, точнее, на обратном пути к прежнему местонахождению больницы, куда мы её возвращали. Прощание со знакомыми, особенно с теми, кто стал мне близок на земле Фохань, невозможно забыть.

Около месяца назад, когда после двух лет отсутствия я снова пришла сюда из северной зоны, меня встретила подруга Ван, которая всегда относится ко мне как родная сестра. Крепко обнимая меня, она плакала. Не знаю, чем ей оплатить за столь искреннюю привязанность!

Сегодня в ночной тьме я снова шла по знакомой дороге, обросшей сорной травой «*тигровый язык*», шла погрузившись в раздумья. Война с каждым днём становится все ожесточеннее, и нас повсюду подстерегает смерть. Взять хотя бы недавний случай: стоило мне помедлить пару минут, – и пришлось бы либо поплатиться жизнью, либо угодить к противнику в тюрьму! Дело в том, что нас обнаружили вражеские солдаты – подошли на расстояние менее двадцати метров, и мы пустились бежать. К счастью, никто из сотрудников и раненых не пострадал, но я потеряла походный рюкзак, осталась лишь небольшая корзинка с коробкой инструментов и радиоприёмником. Мы провели ночь в лесу, а к концу следующего дня перевалили через гору и вышли к нашим

в Фохане. Там мы и стали жить, окружённые добрыми людьми. Семьи Бона, Чыу с Хоном, Лонгом, Ба, Боном и другие меня полюбили и во всём мне помогали. Хоан, Тонг, Су, а также мои коллеги всегда были рядом – деликатные, сердечные.

Сегодня, они проводили меня довольно далеко. Не знаю, когда смогу сюда вернуться, чтобы снова сесть в лодчонку и переправиться на другой берег вечно волнуемого ветрами озера Анкхэ? Увидимся, любимый Фохань! До скорой встречи, Ван!

1 января [1970г.]

Ещё на год повзрослела – так что до тридцатилетия совсем недалеко! Через пару лет стану солидным кадровым работником! От этой мысли мне стало немного грустно. Молодые годы проходят в огне войны, которая отбирает у тебя и юность, и счастье любви. А найдётся ли человек, которого не трогает весна? Кто не хотел бы сохранить яркость глаз и губ после своего двадцатилетия? Однако... в нынешнее время двадцатилетние юноши и девушки вынуждены отказаться от своего права на мечту и счастье.

Теперь их общая мечта - победа над американскими захватчиками, Независимость и Свобода нашей Родины. Как и другие молодые люди, я пошла на фронт, и моя молодость проходит там,

где днём и ночью взрываются бомбы и снаряды. Мои молодые годы переполнены слезами, потом, и кровью погибших и живых. На фронте, в трудных испытаниях моя молодость возмужала, питаемая жгучей ненавистью к врагу.

Но весна моей молодости не увяла, я вижу свет мечты и любви, в устремлённых на меня глазах. При виде меня в помутневших от бессонницы чёрных глазах вспыхивают оживление и радость. А блестящие под длинными ресницами глаза неизменно выражают мне чувства симпатии. И ещё... Озорные глаза подруги смотрят на меня с пониманием, подбадривая. Дорогая Тхюи Чам, счастлива ли ты тем, что всё это предназначено только тебе? Радуйся, храни в сердце мечту, и пусть в твоём взгляде и улыбках всегда горит свет прекрасной молодости!

2 января [1970г.]

Я уже взрослая, а веду себя как школьница: отвернулась в обиде, хотя о многом не успела сказать! Остаюсь девочкой Тхюи Чам, убаюканной в колыбели добрых чувств людей – да, именно любовь добрых людей служит мне мягкой колыбелью, удобной для усыпляющих мечтаний! Перестану ли я когда-нибудь требовать от жизни поблажек? Обрету ли облик терпеливой доброй матери, образцовой жены, готовой противостоять любым напастям для сохранения счастья в семье?

Такой я не стану: ради близких людей я способна перенести любые материальные лишения, но что касается духовной, точнее, душевной, сферы, то тут я привыкла скорее получать, а не давать!

4 января [1970г.]

Мы с Таном увиделись при многолюдном окружении и не могли обменяться ни словом. Понимаю, мой дорогой старший брат, что в суровых условиях войны обычные проявления внимания и любви по существу невозможны. Помню, как на прощание, взяв мои руки в свои, ты сказал лишь короткую фразу: «Будь осторожной, сестра!». Но в твоих глазах я тогда прочитала всё, что ты хотел сказать.

Опять расставание! В жизни одни разлуки, тоска и беспокойство! Ступай, мой старший брат, любимый товарищ, ведущий меня по дорогам, полным тяжелых испытаний. Когда встретимся, – я открою тебе своё сердце младшей сестры, которой ты даёшь любовь старшего брата.

6 января [1970г.]

У меня болит голова – оттого, что дел много, а, может, от чего-то ещё. Не могу избавиться от какой-то удручённости. Держала в руках, но

уронила драгоценную жемчужину. Если мне удастся её поднять, она всё же не будет блестеть как прежде – не разбилась, правда, но уже с трещиной! Как это печально, дорогая Тхюи Чам! Поступай, как тебе посоветовал Минь: «Будь твёрдой, – ведь по слабости, даже мимолетной, можно совершить поступок, о котором придётся пожалеть, поскольку у него будут непредвиденные последствия». Закаляй в себе качества партийца! Твоя жизнь, Тхюи Чам, – как блокнот, с красивой, как песня, надписью на обложке. Веди его достойно, Тхюи!

Перед судом своей совести обещай, Тхюи, бережно сохранить его как образец высоких качеств интеллигента – члена партии!

Помню, как М. спросил: «Смогу ли я стать Ву Кхиемом, когда ты уже Хьонг Зянг?»¹.

Война отобрала у тебя все мечты о любви. Не хотела и не могла хотеть думать о ней, потому что окружающая реальная жизнь этого не позволяет. Так что отправляйся, М., на призыв фронта. И теперь, как прежде, – всё, что мы делаем, – для фронта. Когда встретимся, поговорим обо всём, милый ты мой друг!

7 января [1970 г.]

На шумные джунгли спускается вечер.

¹ Герои популярной пьесы Чан Куан Аня «Фронт зовёт», посвящённой движению молодёжи и студенчества Северного Вьетнама в первые годы войны против американской агрессии.

*Деревья в густой пелене от дождя.
Прохладный, повеявший с севера ветер
По дому тоску пробудил у меня...*

*В далёком краю да узнают родные
Почувствуют сердцем мою ностальгию.
В столице любимой как в сердце страны
Никто не боится холодной зимы.
При виде кокосовых пальм вспоминают,
Как братья на огненном Юге страдают.*

*Сегодня словно вернулись в Ханой
Солдаты, которых мы там провожали когда-
то -
У озера празднуют встречу с весной,
На миг забыв про войну и утраты...*

** * **

*Затишье на горном хребте Чыонгшон.
Бойцы молодые уходят на фронт.
Но как им проникнуть задумчивым взором,
Во все, что скрывают те южные горы?*

*Солённое море в Шаюинь всегда
Героям любовь выражает волнами:
Вернитесь с победой, ребята, тогда
Очистится мирное небо над нами,
И с вами мы вместе под солнцем пойдём
К красавице Вечной Весне на приём!*

* * *

*Под крышей из листьев в деревне знакомой
Рифмую слова сквозь усталость и дрему,
Немало пройдя испытаний судьбы,
В себе сохранила любовь и мечты.*

*В военных походах в ночной тишине
Я думала всё о заветной дороге,
По ней уходили и днём, и во тьме
Друзья – уходили на фронт без тревоги.*

*В сраженьях за мир и свободу страны
Возможно, что наши ряды поредеют –
Но Родине сил и любви не жалеем –
Умрём, лишь бы не было больше войны!*

* * *

*В военное время досуга не зная,
Товарищ глубоко и тяжело вздыхает,
Бессонную ночь не одну напролёт
Проводит, минуты покоя не ждёт.*

*О близких, друзьях боевых, о народе
Попробуй без боли подумать хоть раз:
От бомб и снарядов смертельных уходят
Из жизни безвинные люди от нас!*

*С родными так хочется мне повидаться,
С живыми и с теми, кого уже нет;
Готова со всеми в слезах обниматься –*

На слёзы пока не придуман запрет!

*Тяжёлого пройденный путь всегда полон,
Мой взор устремляется только вперёд;
Короток оставшийся путь или долог –
К триумфу Любви и Мечты он ведёт!*

8 января [1970г.]

Когда-то по этой дороге ты, младший брат, провожал меня до самого подножья горы. Теперь вроде всё остаётся как раньше, и относишься ты ко мне как прежде, с горячей заботливой любовью, однако в последнее время при встречах обмениваешься со мной лишь короткими фразами и сразу уходишь.

На этот раз, плохо зная дорогу, я блуждала в кромешной тьме под проливным дождём, но тебя в душе не упрекала, только чувствовала себя какой-то обиженной. Я знала, что, сидя на собрании, ты мысленно следил за каждым неуверенным шагом, который я делала, продвигаясь по грязной дороге, что ты не мог сосредоточиться на ходе собрания, прислушиваясь к взрывам снарядов. Однако... как-то это неприятно. Почему не может быть как раньше? Дорогой младший брат, в любых обстоятельствах на наших чувствах, отшлифованных до блеска, как нефрит, не должно быть никакой царапины. Мы с тобой должны быть при любых трудностях мужественны и в какой бы то ни было ситуации

проявлять спокойствие, даже мудрость, чтобы
сберечь до конца жизни наши светлые чувства.

* * *

Перестройка в работе первичной парторганизации.
Мне самой страшно стало от допущенных товарищем
ошибок. Никогда не будь такой, Тхюи! Тебя никогда не
должны прорабатывать на подобных “критических”
собраниях!

* * *

Сегодня вечером, сидя на топчане в
операционной, вдруг вспомнила о Лиен, которая
здесь жила и умерла. Её похоронили на холме, я
ещё не успела сходить на могилу. Не могу её не
вспоминать каждый раз, как захожу в эту палату.
Жизнь человека коротка и каждый день должен
быть прожит достойно! Главное – не допустить,
чтобы потом тебя вспоминали с осуждением!

9 января [1970г.]

Соскучилась по своему младшему брату. А кто
он мне: близкий человек, товарищ, любимый
младший брат или просто чужой человек? Как его
точно определить?

*Кустик бархатцев неслышных
С веткой абрикосовых цветков
Вместе расцветают пышно,*

Ожидая пчёл и мотыльков...

10 января [1970 г.]

Отчётно-выборное собрание парторганизации. Меня избрали одним из трёх членов нового состава бюро. Я этого совсем не ожидала, – у меня ведь небольшой партийный стаж.

Впереди тернистый путь – твёрдо шагай, Тхюи, преодолей все барьеры, будь достойна звания члена партии!

12 января [1970г.]

Проведённые с тобой дни полны раздумий, мой младший брат. Трудно молчать, но говорить не о чем! Всё, что надо, уже сказано, а жизнь измеряется минутами и секундами. Не хочу загадывать вперёд, хочу поделиться всем, что нам нужно сейчас - запомни: пока мы живы, каждая минута это наша честь. Перед нами неисчислимые трудности и испытания, не утрей свою сердечность - пусть она всегда служит тебе стимулом и опорой в жизни, мой младший брат!

13 января [1970г.]

Наконец, М. отправился в дальний путь! Такой исход я себе не могла представить. Восемь лет назад по знакомой тенистой дороге я его провожала на южный фронт: на прощание не было ни обещаний, ни слёз, и в течение последующих пяти лет я берегла чувства страстной и преданной любви к этому бойцу Освободительной армии. Сама я на Юг отправилась тоже по зову Родины и... любви. Мы с ним встретились, и люди думали, что ничто не может сравниться с нашим счастьем. Однако жизнь всегда полна непредвиденного: во время разлуки я ежеминутно шептала его имя, но когда мы с ним увиделись, я позволила своему самолюбию взять верх над любовью. М. не принадлежал мне; разумеется, его любовь принадлежала прежде всего партии и народу, и всё же то внимание, которое он мне уделял, не могло удовлетворить моё горячее сердце. Я не требовала, чтобы мы были рядом, то есть поженились, а в жестоких условиях фронта желала лишь сберечь прекрасные чувства любви. Это не устроило М. и мне пришлось заставить сердце забыть всё, чем оно жило более десяти лет.

Да, правильно говорил М.: «У тебя, Тхюи, сильная, горячая и преданная любовь и... много чувства собственного достоинства!»

В последние три года мы с ним встречались всего два раза и оба не могли без грусти думать о любви.

Кто в этом виноват? Я или М.? Никто не может дать ответ, люди по-разному рассуждали и

давали разные советы. Одни советовали мне перестать любить человека, который не заслужил моей любви. Другие, те, кто хорошо знал М., советовали нам обоим отбросить самолюбие и возобновить прежние отношения, на что мы отвечали только улыбками. Никто не мог понять наши чувства, и решение оставалось только за нами!

Сегодня М. уехал, не простившись, оставив только письмо со словами: «Если любовь существует, она не нуждается в подтверждении взаимным присутствием. Где бы мы ни были, на Юге или Севере, рядом или далеко друг от друга, под жарким ли солнцем или под проливным дождём, я тот же человек, которого ты знаешь уже восемь лет и ещё много лет останусь таким же. Будем друг к другу относиться как самые близкие люди. Последнее слово – за тобой».

Такой исход дела меня удовлетворяет, отныне я посвящу всю свою жизнь работе и нашей общей борьбе - без каких-либо личных любовных отношений. Думаю, что вдали от меня у М. тоже не будет никакой настоящей любви.

Если жизнь предоставила нам такой путь, надо идти дальше. Поговорим о будущем, когда встретимся.

Желаю счастливого пути любимому товарищу М. Шлю ему свои нежные чувства друга и товарища.

15 января [1970г.]

Дождь в вечернем Донграме.

С Донграмом я попрощалась 28 апреля 1969 года, когда больница подверглась вражескому нападению. И сегодня, когда я вернулась, мне больно и горько смотреть на обрушившиеся хижины, свалившиеся сожжённые деревья.

С этим местом связаны радостные и грустные воспоминания в моей жизни революционера, и тут, пройдя долгие испытания, я вступила в ряды партии.

Здесь я прошла закалку: из выпускницы вуза стала человеком с навыками руководителя, добилась немалых успехов в работе.

Здесь завязались наши чистые и прекрасные отношения между мной и младшим братом, и это было для меня поддержкой в преодолении неисчислимых трудностей и опасностей на жизненном пути.

У этого ручья когда-то днём я ждала его, под этим деревом мы сидели рядом, когда встретились вновь после разлуки... Сколько сразу всплыло воспоминаний! Враги захватили мои два блокнота с дневником, но у меня остался более драгоценный блокнот - это мой мозг, фиксирующий всё, что происходит в жизни.

21 января [1970 г.]

В последние дни почему-то часто сержусь. И не только я - сердятся и коллеги.

Но так нельзя, Тхюи Чам! Будь строже к себе, наберись качеств, необходимых старшей сестре по отношению к младшим, для многих же будь послушной младшей сестрой, ты ведь принадлежишь к руководящему звену, ты должна уметь прислушиваться к мнениям людей, ставить общие интересы выше своих. Будь скромной - авторитет нельзя присвоить, его лишь можно завоёвать, вызывая у людей чувства симпатии и уважения к тебе.

Со всей строгостью к себе ты должна преодолеть эти недостатки, Тхюи.

22 января [1970г.]

Завершён курс подготовки медработников для Фокыонга, слушатели разъехались и в Хокбау к вечеру опустели все хижины. Возвращение в это безлюдное место причинило мне печаль и горечь. Тебе стало грустно от воспоминаний, Тхюи? Однако не одной тебе на свете довелось горевать при расставании. В твоём сердце не хватает места для новых чувств!

24 января [1970г.]

Ночью похолодало – кажется, что от росы и лунного света холод вгрызается в тебя до самых костей. В тонком платке из парашютного шелка я

дрожу и потому не могу сомкнуть глаз, а быть может, это - от теснящихся в душе новых ощущений. Чувствую горячее дыхание милого товарища и слышу учащённое биение его сердца...

В этой борьбе перед нами - трудности и опасности. Вчера на обочине я видела следы вражеских сапог у тела погибшего нашего солдата, которого не успели похоронить, а также множество валяющихся на дороге обрывков проволоки от мин. Нам удалось преодолеть перевал Ай между двумя вражескими засадами, пока солдаты противника не подоспели.

Как близка и легка смерть! А что может придать нашей жизни мощь? Это, наверное, гуманные отношения между людьми. К тому же у меня и моих боевых друзей никогда не гаснет мечта о завтрашнем дне. Не так ли, милый мой товарищ?

28 января [1970г.]

Глаза засияли радостью и надеждой. Когда зажглась эта надежда? Ещё в летние дни под жарким солнцем и в огне фронтовых пожаров? Или под нежным лунным светом на дороге во время командировок? А может быть, в трудные минуты соседства со смертью?.. Неужели тебе, Тхюи, с твоими волей и разумом, предстоит задавить эту надежду? В пустыне, на земле, где может расти только финиковая пальма, садовник всё же порой мечтает о тоненьком и пленительном побеге

орхидеи. Только эта орхидея сразу же погибнет, если её посадить в землю, – она должна расти в декоративном горшке. Понимая это, надо так и делать, кроме тех случаев, когда человек может провести в пустыню пресную воду и дать орхидее возможность жить. Однако я, скорее всего, не принадлежу к людям этого поколения!

Умерла девочка Нга, которая совсем недавно пела, склоня голову к плечу: *«На острове Конко живут крабы, они скрываются в ручьях под камнями. У каждого восемь ножек-палочек...»*.

Девочка родилась в джунглях провинции Зялай. Её мать Ши четыре года подряд, как говорится, на одной руке держала ребёнка, другой – обрабатывала горное поле, работала и училась. Вьетнамским женщинам всегда трудно, но эта всё же несчастнее других. Вышла замуж, забеременела, потом родила девочку, растила ребёнка одна, без единого слова поддержки от мужа. Из-за какого-то недоразумения муж на неё перестал обращать внимание. Несмотря на связанные с ребёнком хлопоты, она продолжала учиться. Выглядит намного старше своих лет. Стала медсестрой, вступила в партию, о ней знают как о заботливой маме и хорошей жене. Отправилась к мужу, но прожив с ним считанные счастливые дни, снова с рюкзаком перешла на работу в центр провинции; прошёл месяц, и её дочка Нга умерла.

У девочки было воспаление лёгких, но вылечить её было невозможно: вражеское наступление длилось долго, никто не знал, что девочка заболела, к тому же хижина, где она находилась, была почти рядом с вражеским лагерем, и никто из

наших туда не заглядывал.

Бесконечно жаль девочку и её маму (хотя Ши меня не всегда понимает и вообще плохо ко мне относится). Всё из-за войны. Не будь войны, подобные заболевания не могли бы губить таких детей как Нга!

1 февраля [1970г.]

Бывает, что какая-нибудь мелочь мне может больно ранить сердце. Надо уметь защитить свою честь, Тхюи! Что ж, сейчас мы посмотрим, заслужила ли ты доверие М. и других людей! Наш путь проходит по краю пропасти: чуть не углядишь – и можно легко сорваться вниз! Будь осторожна и разумна, Тхюи!

2 февраля [1970г.]

Наши отправились в путь - ненависть к врагу утяжеляет их шаг. Пока у нас свирепствуют американские империалисты, мы вынуждены совершать подобные ночные переходы. Безлунной ночью при свете фонарика мне видны лица лишь некоторых товарищей. Я волнуюсь за тебя, мой младший брат. Иди, и будь осторожен! Я стану ждать твоего возвращения. Не могу отогнать ощущение растущей тревоги и беспокойства. Кто

может знать, насколько важна каждая секунда и минута сегодняшней жизни? Пока мы живём, - и мы ежеминутно сражаемся, служим Родине. Хочу быть беспечной, но это глупо. Беспечность невозможна, когда на фронте ещё льётся кровь наших товарищей!

3 февраля [1970г.]

Как объяснить состояние какой-то отрешённости, в которое погружаются все окружающие, конечно, вместе со мной? Оно проявляется и в выражении лица любимого человека, в широко открытых глазах которого видна досада от неудачи в работе? И в бедности стола на новогоднем празднике Тэт, наблюдаемой во всех семьях медиков в военное время? Оттого, что не знаю, как ответить, я расстраиваюсь - душа наполняется необъяснимой печалью. Если наступление года не имеет никакого смысла, значит, ты, Тхюи, пессимистка. Разве для тебя нет весны, Тхюи? Кругом сухо, солнечно, но холодно. Как в том году, когда я смотрела на грядки салата, освещённые золотистыми лучами, и была совсем равнодушна, так как не чувствовала любви самого дорогого мне человека. И вот теперь... прошло уже восемь лет!..

6 февраля [1970г.]

Новогодняя ночь.

Уже четыре года я вдали от дома, четвёртую новогоднюю ночь отмечаю без родных. Ханой!.. У Озера Возвращённого меча^(*) сейчас многолюдно... Башня черепахи^(**) в созвездии электрических лампочек... Но знаю, что радость ханойцев не может быть полной. Как можно веселиться, когда половина страны залита кровью?! В новогоднюю ночь каждый переживает печальные воспоминания. Сейчас и здесь есть цветы, рисовые пироги и даже поются песни, но во мне только грусть и тоска.

Впервые за четыре года встречаю Тэт на равнине, но тёплые чувства здешних людей не могут согреть меня. Улыбки на губах и радость в сердце - разные вещи!

И всё же радуйся весне, Тхюи! Дорожи каждым мгновением сегодняшней жизни!

7 февраля [1970г.]

Весенняя ночь, на волосах - капли вешнего

* Согласно легенде, в XV веке национальный герой Ле Лой - предводитель всенародного восстания против китайских захватчиков - получил от волшебной черепахи из озера меч, с помощью которого он одержал победу и основал королевство «Великий Вьет». Однажды король совершал прогулку на лодке, из озера всплыла огромная черепаха и потребовала вернуть ей меч. Отсюда и пошло название озера.

** Башня на островке в центре озера Возвращённого меча, где обитали большие черепахи.

дождя. Кругом темно, лишь звёзды слабо освещают дорогу в деревне, покрытую белым песком. В предстоящее время ситуация может осложниться, а я уйду, оставляя не завершёнными многие трудные дела. Ведь мы с тобой ещё встретимся, мой младший брат? Будь проклята эта ненавистная война, которая приносит нам только страдания! Я была не права, когда говорила, что на встречу с родителями уже не надеюсь. Ты упрекал меня за пессимизм, но это не пессимизм, а реальный взгляд на жизнь.

До свидания, мой брат. Когда встретимся, я поцелую тебя в милые чёрные глаза.

18 февраля [1970г.]

Как никогда мне хочется, чтобы тебя, мой младший брат, переправили в зону «А»*, хотя знаю, что без тебя у меня уже не будет в жизни опоры, что я лишусь утешения и всяческой защиты. Однако я этого тебе желаю ради твоего будущего. В последние дни не могу успокоиться, слыша, как оттуда доносится гул движущихся танков – значит, там идут напряжённые военные действия. Однако снаряды рвутся не только там, но и в моей голове. Будь осторожен, мой младший брат!

* Север Вьетнама.

19 февраля [1970г.]

Как я обрадовалась встрече с тобой, мой младший брат! В моей памяти ожили те далёкие дни в больнице в Донграме - когда ты пришёл с равнины. У каждого из нас за время разлуки накопилось столько горячих переживаний, а когда мы встретились, то обоим показалось, что поговорить не о чем. Почему так случилось, мой брат?

Сегодня вечером на собрании, проходившем в хижине посреди джунглей, я чувствовала твой радостный и ласковый взгляд.

Как хорошо, что нас с тобой связывают такие прекрасные чувства!

* * *

Когда Там узнал, что умерла его мать, а тяжелораненого отца увезли вражеские солдаты, он заплакал горько, навзрыд. Как его утешить, ведь от моих сердечных слов он только сильнее зарыдал?! Не могу делать то, что делают некоторые в подобных ситуациях, рассказывая о скорбных событиях в своих семьях, будто этим можно умерить чужое горе! В последние годы я не раз была свидетелем подобных случаев, однако каждый раз от мучительного сострадания я дрожала, и мне самой становилось от этого страшно. Тхуан подходил к Таму с утешением, потом посмотрел на меня – видно, желая сказать: «Подобное горе постигло меня в прошлом году и повторилось несколько месяцев назад; ты ведь это понимаешь, старшая сестра?».

Увы, моя жалость к тебе возникала также из слёз сострадания - ты остался один, и с тех пор я всегда стараюсь согреть твоё сердце горячей сестринской любовью.

20 февраля [1970г.]

Я долго смотрела на ту девушку. Она была красивой, стройно сложена, с длинной косой, смуглым лицом и большими глазами. Когда она улыбалась, то на лице проступала какая-то грусть. Откуда и почему у неё появилось это? Оттого ли, что разбилась её идеальная любовь, или наоборот, любовь ушла из-за её грустной улыбки? Мне было жаль её. Так человек, сидящий в тёплой комнате, смотрит на того, кто стоит под холодным ветром. А ведь ей предстоит ещё идти, поскольку она не дошла ещё туда, где можно остановиться. Видимо, ко мне она питает зависть, точнее, ревность. Это не девичья ревность, когда любимый любит другую, а ревность из-за добрых чувств, людей, которые я завоевала. Эти чувства - не любовь в привычном понимании, но они исключительно важны.

Жизнь сложна: ты бы и хотел жить просто, да это невозможно!

21 февраля [1970г.]

Меня снова миновала смерть. Несколько двухфюзеляжных самолётов и вертолётов НУ-1А

кружили более часа, обстреливая местность. Мы находились буквально метрах в десяти от места интенсивного обстрела, - рядом раздавались оглушительные взрывы. Мы с друзьями сидели в укрытии и каждый уже думал, что вот-вот получит пулю, так сказать, мог пощупать смерть рукой. Но всё обошлось – противник не смог точно определить наше место, покружил, пострелял и улетел. Мы поспешно покинули место укрытия.

Уходя из этого места, мы с болью смотрели на красивые деревья и на всё, что нами было построено. В течение почти двух месяцев десять человек, не покладая рук, не жалея сил, с энтузиазмом сооружали больницу. Под холодными дождями, по скользким горным склонам, мокрые до нитки, мы весело носили на плечах древесину для постройки домов. В полдень после обеда никто не шёл на отдых, а работал, приводя в порядок каждый уголок базы. И столько сил было потрачено напрасно! Ничего не скажешь! Когда теперь появятся койки? Когда сможем работать как раньше? Обидно за своих товарищей, преодолевших за все эти дни столько трудностей.

22 февраля [1970г.]

Ночью в лесу зелёные ветви деревьев служили крышей, а луна – как озорная сестра Ханг – пробирается через листву, смотрит мне в лицо, то словно нежно улыбаясь, то сочувствуя бойцам революции в трудное для них время.

Проснувшись среди ночи, я долго смотрела на луну и думала. За три года, проведенные на передовой линии фронта, я возмужала. Я тревожусь о раненых, которым негде лечиться. Тревожусь о больнице, которая, несмотря на все наши усилия, так и не была достроена. Это – беспокойство человека, несущего ответственность перед Партией. Я же по доброй воле решила отдать свою жизнь стране, и о том, что прошла через лишения, не жалею. Каждый день, пока живёшь, надо жить достойно, Тхюи! Честь – это бесценный нефрит, и никому, даже тем, кто обличён властью, не дай её растоптать!

24 февраля [1970г.]

Хочу упрекнуть тебя, мой младший брат. Почему ты так повёл себя? Я хочу лишь, чтобы в своих отношениях с девушками ты не допускал ошибок, как раньше с Ле и с Мэном сейчас. Взвешивай каждый свой поступок, мой любимый брат с беспокойным, горячо любящим сердцем!

Мы втроём засиделись за разговором допоздна, душа моя была охвачена горькими переживаниями. Может быть, мы вместе в последний раз – каждый из нас принимал это как неизбежность. Что мне сказать своим младшим друзьям? Могу лишь повторить: под любыми бомбами и снарядами, в любой смертельной опасности моя любовь к ним неизменна. Наш путь тернист, на

трудных дорогах жизни наши отношения не всегда складываются гладко. Не думай, младший брат, что если сегодня я рассердилась – значит, не люблю тебя. Нет, я бесконечно тебя люблю и потому желаю, чтобы ты был вполне счастлив. Я читала твой дневник и поняла, что ты меня любишь больше всех, но почему-то скрываешь от меня многое. Хочется быть снисходительной к твоим недостаткам, но, к сожалению, я не могу. Считай это для себя испытанием – и ты его выдержишь, если будешь высоко ставить наши отношения как старшей сестры и младшего брата, а если нет – то бог с тобой! Во мне как-никак осталась некая мелкобуржуазная обидчивость, иначе я не могу!

25 февраля [1970г.]

Как трудно и сложно быть руководителем! Всем не угодишь. Но ты, Тхюи, в любом случае должна знать, что в работе надо быть принципиальной, считаться с мнением коллектива, не вести себя заносчиво, выслушивать людей, входить в положение каждого человека.

В этом отношении ты ещё неопытная, тебе надо многому учиться у людей, закалять себя.

Беседа с женщиной по имени Сы помогла мне кое-что взять себе на заметку. Например, то, что надо быть осторожной: следить за каждым своим словом и каждым поступком, поскольку кто-нибудь непременно смотрит на тебя с завистью.

Такова жизнь. Главное – относиться друг к другу открыто. На войне и без того хватает трудностей, и на каждом шагу нас ожидает смерть, так что давайте не осложнять себе жизнь пустяками!

26 февраля [1970г.]

Жалко раненого Тина. Он ещё очень молод, и хоть рука - в белых бинтах, а сам еле на ногах держится, - его уже выписывают. Правда, Тин улыбается и напевает, но он же нездоров. Знали бы люди, что этот парень - храбрец², мужественный партизан в Фокыонге – лучшей общине уезда.

У меня почему-то возникла к этому парню внезапная сильная симпатия.

27 февраля [1970г.]

Жизнь подобна картине, писанной разными красками, а я - словно начинающий художник, оказавшийся перед лицом сложной действительности. Вижу величественный хребет с синими горами в лёгких белых облаках. Но смотреть на красные пятна, которые зияют на склонах,

² В годы войны Сопротивления в Южном Вьетнаме звание храбреца (*dũng sĩ*) присваивалось бойцам Освободительной армии или народного ополчения за трёх уничтоженных ими в одном бою американских военнослужащих.

выщербленных бомбами и снарядами, невыносимо. Помню, как под палящим солнцем я стала ходить по крутым тропам между деревьями, высохшими от ядовитых газов. Попадались прохладные ручьи и цветущие ароматные кусты... Встречались люди, чьи ласковые глаза смотрели с доверием и сочувствием, другие - глядевшие с сомнением, придирчиво, встречались и такие, кто за деланными улыбками скрывал зависть...

Не забывай, Тхюи, что при выборе всегда нужна светлая голова, будь спокойной и рассудительной! Ты уже не маленькая, умей вести себя, не растрачивая свой кредит доверия, не ставя себя выше коллектива. Почему ты, - руководитель, выросший из активиста массовых мероприятий (членом Партии стала в ноябре 1968 года, секретарём парторганизации - в июне 1969-го) всегда пользуешься всеобщей поддержкой? Наверное, ты сумела сделать всё, что наметила для себя? Конечно, на большом жизненном пути каждый допускает ошибки. Ты нисколько этого не боишься: допустила оплошность - исправляй, поступила хорошо и правильно - продолжай! Не гонись за популярностью, не будь деспотом-бюрократом, но ради того, чтобы добиться симпатии людей не поступайся принципами! Начиная любое дело, тщательно взвесь все «за», все «против». Сейчас ты - как актриса на сцене, на которую смотрят зрители. Думается, это тебе под силу: ты - актриса, и публика будет в восторге, если отлично исполнишь свою роль (а это пока тебе не всегда удаётся), если же нет - будут свистеть («Ишь, сама ходишь в актёрах,

а!..») и т. д. и т. п.

В этом нет ничего неожиданного – было бы мое положение другим - никто бы не трогал. Все бы питали жалость и сочувствие к хрупкой девушке, которая с детства привыкла к обеспеченной жизни, а ныне живёт вдали от дома, терпит всякие трудности. Однако теперь всё по-другому. «Глядите-ка, эта девчонка стала нами руководить! Сколько бы сил она ни успела отдать делу революции, разве это можно сравнить хоть с малой долей нашего вклада? Мы столько лет на южных фронтах терпели трудности и смертельные опасности, а теперь она нами командует!..».

Нет, товарищи, я всегда имею в виду лишь пользу революционного дела. Партия поручает мне важные и ответственные задания лишь потому, что желает максимально использовать мои силы и способности, позволяющие ей служить. Мне выпала честь пользоваться доверием партии, однако я себе не позволю чваниться. Это я сознаю - не один же год в школе и институте, имела возможность получить достаточное образование, хотя, лучший университет - реальная жизнь. Я провела на фронте лишь три года и, разумеется, не могу сравниться с товарищами, которые прослужили здесь десять, двадцать лет, и испытали на себе всю тяжесть борьбы. Прошу только, чтобы вы относились ко мне как родные люди, проливающие кровь ради свободы страны, с сочувствием людей, живущих вдали от дома, находящихся в одной революционной семье свою основную опору в жизни. Помогите мне советами, чтобы вырастить из меня коммуниста, умеющего успешно служить партии. Я знаю, что

мне делать, знаю на что способна, но, главное - стремлюсь быть скромным человеком, учиться у окружающих.

28 февраля [1970г.]

Сегодня я вдруг поняла, что очень скучаю по старшей сестре Хай. Вспомнила, как получала от нее волнующие, полные любви письма. Старшая сестра, никогда не забуду, как в жаркий летний полдень я провожала тебя в путь, а на лице твоём были капли пота и по щекам текли слёзы. Вместо того чтобы вернуться, я шла с тобой до самой околицы деревни деда Тхыонга, а затем ты продолжила путь одна. В дни, когда я возвращалась в ваш дом к твоей маме и сестрёнке Лай, я так скучала по тебе. Теперь Лай совсем большая, уже на голову выше меня. Её глаза и рот похожи на твои, и она любит меня, как ты. Как удивительно сильна взаимная привязанность людей, отдавших себя общему делу - они как будто связаны невидимой, но прочной нитью. У меня никогда не было и нет желания что-нибудь попросить у твоей матери, короче говоря, не хочу использовать добрые отношения в корыстных целях. И ты, и другие наши друзья вели себя так же. Однако есть люди, которые вряд ли поймут это.

Дорогая моя сестра, знаешь ли ты там, в далёком краю, как я тебя вспоминаю?!

1 марта [1970г.]

Бывает, ночами во сне мне ясно представляется пережитое и все, чем дорожу. Отчего это? Может, оттого, что всё глубоко врезалось в память. Или оттого, что там, где я живу, куда ни ступи – все связано с воспоминаниями. Вот комната для лекарств в дождливый вечер октября 1968 года; скамейка перед палатой № 1 под лунным светом; вечернее партсобрание; ручей, где по утрам я стирала одежду; операционная, где я проводила операцию и где до сих пор слышу собственное дыхание и чувствую прикосновение рук своей помощницы; дорожка, по которой я однажды поздним вечером шла к больным; минуты прощания, когда и провожавшие, и отъезжавшие стояли в молчании... Такими были минувшие дни, от которых повсюду здесь, куда ни повернись, осталось что-то, что врезалось в память. Что ты скажешь, Тхюи? Я понимаю свои чувства: они – как у Жана Вальжана³ по отношению к Козетте (чувства отца к дочери); иначе говоря, так относится старший к младшему - и в этом вся его любовь, утешение, вера в жизнь. И хотя я, конечно, не Жан Вальжан, и я не одинока, всё же в какой-той мере подобна этому пожилому мужчине. И все мои младшие друзья - как Козетта, несчастная сирота, которая росла, окруженная безграничными заботами этого доброго старика, но которая, как его ни любила, будет жить своей жизнью, потому что к ней рано или поздно придёт Мариус. Это

³ Главные герои романа В. Гюго «Отверженные».

жизнь. Однако, Тхюи, не быть тебе Жаном Вальжаном - ты ведь другая: на жизненном пути тебя поддерживают любящие руки и тебе многое удаётся. У тебя есть не одна Козетта, а много любимых людей, так что не будь эгоисткой! Поступки Жана Вальжана объясняются тем, что Козетта была смыслом всей его жизни. А у тебя всё по-другому, такой тебе вряд ли надо быть! Проявляй инициативу во всех случаях жизни!

5 марта [1970г.]

Каждый раз, когда встречаюсь с той девушкой, меня начинают одолевать беспокойные мысли. Брат, для тебя она - достойная подруга жизни, или, по крайней мере, может такую стать? Придираюсь к ней, будто я себе невесту выбираю. Я верила в старшего брата, как в себя. Как он сказал, так и будет. Но что скажет теперь он?! Сможет ли та девушка сделать тебя, младший брат, по-настоящему счастливым? Мне как-то больно, когда думаю о тебе, - твои ко мне чувства по-прежнему искренние, но не столь пылкие, как раньше. Разве не так? Раньше, бывало, как только ты поздним вечером возвращался из командировки, измученный лихорадкой или с трудом вырвавшийся из вражеского окружения – как ты тут же делился со мной тем, что произошло – ведь для тебя я была всем в жизни. Теперь совсем иначе. Неужели эта война успела так закалить твоё сердце, что оно отвердело

как у моего М.?

Вчера ночью мне приснились мои родители и любимые люди и с Севера, и с Юга – среди них я увидела ясные чёрные глаза, которые так ласково и с такой заботой смотрели на меня...

7 марта [1970г.]

Уже месяц живу вдали от Фокьонга - у меня странные чувства к земле, ставшей мне родной, - и тоска по ней, и обида. Я привязалась к этой земле - к знакомым дорогам вдоль каналов с мутной водой, окаймленных зарослями бамбука с потрёпанными от снарядов верхушками растений. Там молодые ополченцы, улыбаясь, обращались ко мне, как и местные жители, ласково *«сестра Хай»*, т.е. *«старшая сестра»*, но проявлялась и неприветливость – ведь не все были мне рады... Во всём этом, в конечном счёте, виновата я сама. Живи, храни своё достоинство, береги свою честь. Разумеется, невозможно понравиться всем, но надо исправлять свои просчёты!

8 марта [1970г.]

Не хочу признаться, но я простила своего младшего брата. Как это понимать, Тхюи? То ли его осунувшееся лицо как следствие страданий и бессонных ночей вызвало во мне жалость, то ли

грустный, полный раскаяния голос при нашем неоконченном разговоре заставил меня промолчать в ответ?

Как хрупка наша жизнь: сегодня вечером вражеские солдаты под мостом стреляли наугад, шальная пуля попала в живот девушке, стоящей у своего дома, и её не стало! Чья-то рубашка, расстеленная сушиться на склоне горы, случайно привлекла к себе внимание двухфюзеляжного самолёта, и вот на это место обрушилась огненная лавина снарядов, в результате – 9 убитых, 12 раненых и 4 пропавших без вести. В это время, если бы мой младший брат не был в мастерской, и я не оказалась бы дома для встречи с ним, он бы попал под обстрел! Значит, за всё случившееся я его простила? Нет, так нельзя, Тхюи! Я с ним обходилась лишь по праву ответственности старшей сестры: допускала всё, поощряя возрастающую любовь между ним и Кук. Однако нельзя простить его неправильное поведение в наших взаимоотношениях как старшей сестры и младшего брата. Добрые чувства к нему не позволяют признать смягчающие обстоятельства, – это может привести к тому, что сломается наша возвышенная дружба, которую мы с ним обещали беречь всю жизнь.

Не давай чувствам управлять своей жизнью. Надо поступать, как Павел Корчагин, как Овод или, по крайней мере, как мой М. Так ты и поступай, Тхюи!

26 марта [1970г.]

Незабываемые минуты в жизни человека, вступившего на путь служения Родине! Я молчала, но чувствовала на своих волосах тёплое дыхание дорогого человека – товарища. Тонкие пальцы гладили мозоли на моей ладони и вдруг остановились, крепко и нежно сжали мне руку. Чувства искренней, прозрачной и глубокой любви крепнут в моей душе. Я её бережно храню и несмотря ни на что - сберегу в целостности! Знаешь, любимый товарищ, в этой суетливой, ожесточённой от ненависти жизни нас сближают священные чувства людей, стоящих в одном строю. Мы пришли друг к другу как люди одного идеала, и от обычной любви между юношами и девушками наши чувства отличаются своей удивительной силой. Она нам даёт радость, надежду, помогает забывать о текущих горестях и мучениях, как огонь согревает наши сердца, жаждущие настоящих и чистых чувств.

27 марта [1970г.]

Знакомый распорядок жизни на военной базе! Я ненароком стала его участницей: в четыре часа утра - подъём, после завтрака отправление в поход с поясовым рюкзаком*. Место назначения до этого подвергалось яростной бомбёжке: в лесу печальный вид упавших деревьев, жалких хижин,

* Длинный тканевый мешок, который носят на поясище вокруг живота.

лишенных травяных кровель. Я сняла рюкзак и посмотрела на людей. У всех на лицах были улыбки, однако в каждом взгляде читалась тревога. Идёт сосредоточенная подготовка к наступлению. Неизвестно, что и как будет...

Хлынул дождь. Струи воды барабанят по рюкзакам (*Запись неразборчива...*) и кастрюлям, выбивая грустные ноты. С жалостью смотрю на старшего брата. Такой бледный и худой - это последствия долгих бессонных ночей, полных беспокойства о работе. Мой старший брат, сколько бы я ни жалела тебя, но убережь своё здоровье никак не могу! Условия таковы, что не дают мне что-либо предпринять. Терпи, мой старший брат. Надеюсь, ты меня хорошо понимаешь...

29 марта [1970г.]

Противник создаёт в районе нашей больницы серьёзную угрозу. Двухмоторные самолёты и вертолёты НУ-1А кружат над верхушками деревьев, бросая гранаты и пуская ракеты ближнего действия, оглушительные пулемётные очереди. Рядом с траншеей взрываются снаряды, направляемые с горы Тёп, осколком вышибло даже бревно из настила укрытия операционной. Если сюда нагрянет противник, успеем ли эвакуировать раненых? Тхань и Суат, несущие караул, не возвращаются, между тем оттуда доносятся выстрелы, слышно, как приземляется вертолёт – как бы там не

случилось чего-то!

Тяжёлая тревога ложится на сердце. Вдруг вспомнила, во время одной откровенной беседы старший друг спросил: «Зачем ты пошла на Юг терпеть трудности, ведь могла бы оставаться там, на Севере?». Неужели это упрёк в мой адрес? Знаю, что он не упрекает, а просто жалеет меня. Он - третий по счёту человек, задавший мне этот вопрос. Нет, именно в таких трудностях выявляется значимость людей революции! Кто выстоит, тот станет победителем. Вспомнились слова Николая Островского: «В горячем огне и ледяной воде закаляется сталь - она тверда и может выдержать любое испытание...».

Ночные джунгли стоят в тишине, таящей в себе кипучую активность. Я отсюда прислушиваюсь к каждому звуку, слежу за каждым движением противника. А там мой старший брат наблюдает за каждым моим шагом.

* * *

Первый раз в жизни я копала яму - могилу для погребена погибшего боевого товарища - от мотыги разлетались искры, словно то пылала моя ненависть к врагам. Вчера, возвращаясь с караульного пункта, Тхань натолкнулся на противника и у ручья, ведущего к дому, был расстрелян. Суата ранили, потом увезли на вертолёт - на том месте остались его штаны, порванные штыками... Значит, за неполные три месяца наша база потеряла троих.

Тханя принесли на носилках, когда могила еще не была вырыта. Прошли уже сутки, но под

покрывалом кровь ещё точилась. Я не могла разглядеть Тханя, видела лишь его закрытые глаза и бледное лицо. При жизни Тхань со всеми его проступками мне не нравился, но теперь, бросая землю в могилу этого боевого друга, я не могла сдержать слёзы. Надо протягивать друг другу руки, пока мы живы, а на похоронах слёзы жалости, проливаемые над бесчувственной могилой, ни к чему!

30 марта [1970г.]

Мне тяжело и печально, мои дорогие люди! Как мне объяснить, чтобы вы понимали, что со мной происходит?! Пройденные мной вехи пути полны трудностей. Чем же я отличаюсь от других людей, пройдя путь от студенческой скамьи до работы руководителя больницы? Разве что образом жизни? Образом жизни, полной эмоциональных переживаний и нескольких причудливых привычек девушки из мелкобуржуазной семьи? Но что это такое? По сравнению с другими людьми я иная. Мне так обидно, когда многие окружающие меня завистливые люди, обычно говорят, что они хорошие, скромные... Будь спокойной и стойкой, Тхюи, признай и постарайся искоренить свои недостатки!

Не грусти, ведь ты уже неплохо понимаешь жизнь. Оставь слёзы - они пригодятся, когда ты будешь обнимать любимых людей, которые

поймут тебя и утешат... Улыбайся, Тхюи!

Ты, вчерашняя студентка, уже три года на огневом фронте, прошла в жизни через немалые трудности, ты прочно стоишь на ногах, шагай уверенно, смело иди вперёд!

9 апреля [1970г.]

Видела удивительный сон что-то вроде синтеза дней, проведённых мной и на Севере, и на Юге. Вот моя группа специалистов-глазников: у микроскопов - коллеги в белых халатах. Потом монументальное здание, в котором работает уездный комитет партии; туда я прихожу, как и в другие, простые дома, и там встречаюсь с другом, одетым в хорошо отутюженный костюм. Он как старший брат усердно заботится обо мне, с ним и его жена в простой одежде с грустным лицом... Может быть, это видение будущего дня? Когда наступит Мир, я приду в старую школу, и люди, которые плечом к плечу шагают со мной в этой войне, вместе будут радоваться жизни под мирным небом...

10 апреля [1970г.]

Увиденный сон претворился в жизнь, – правда,

лишь в малой своей части. Должно быть, я не обрадовалась тому, что осуществилось моё желание. Чем это объясняется? Может быть, я ревизионистка?

22 апреля [1970г.]

Только сегодня я получила долгожданные строки от своего младшего брата. Письмо его грустное, ведь он полагает, что я его больше не люблю. Но хоть я всегда храню в сердце его дорогой образ, однако, как я ему говорила, любовь может либо заиграть всеми своими лучами, либо затвориться в молчании, если лучи не должны и не могут быть видны.

Тебе это понятно, мой брат?

29 апреля [1970г.]

Тхьонга⁶ взяли в плен!

Это единственный сын старой женщины, которая вытерпела всё, чтобы его вырастить и связывает с ним все свои мечты и надежды. Паренёк он хороший, ласковый, и рано включился в сознательную революционную борьбу. Этот мой

⁶ Чан Ван Тхьонг – младший названный брат Данг Тхью Чам. Находился в заключении на острове Фукуок, где он был вплоть до освобождения в 1975 году. До выхода на пенсию занимал пост заместителя председателя Отечественного фронта провинции Куангбэй.

младший брат сейчас в руках у кровожадного врага!

Невольно вспомнилась последняя встреча с Тхьюнгом. В тот вечер слабый лунный свет освещал его грустное лицо. Он взял мою руку и тихо сказал: «Мы с тобой больше не увидимся!», за что я его упрекнула: «Зачем ты говоришь о нехорошем?!». Он понизил голос: «Ничего тут плохого нет. Гибель революционеров - не редкость. Я провёл здесь десять лет, и мне всегда везло - сколько может длиться везение?».

Увы, ты всё предчувствовал, мой мальчик, и как же мне больно, что ты попал в руки врагов! Неужели это конец, брат мой? Я больше не увижу скромного и доброго братишку - сына земли Фохиэпа! Это горе не должно выражаться в слезах, оно должно укрепить нашу волю к мщению - стиснув зубы, с высоко поднятой головой продолжим наш тернистый путь!

28 апреля [1970г.]

В те мгновения, когда рядом со мной оказались едва ли не все любимые на Юге страны люди, я не могла не чувствовать себя счастливой. В кои то веки раз ко мне съехались мать, мои старшие, младшие братья и сёстры. Но радость встречи длилась недолго - улетучилась, как прохладный ветерок под летним солнцем. Когда все разошлись, остались только мы троём с младшим братом и его девушкой. Никому не спалось, в душе моей не

утихала щемящая боль: кругом – война, предстоит ещё много горестных утрат.

29 апреля [1970г.]

Я слушала тебя, мой младший брат, а слёзы мешали ответить. В самом деле, если тебя постигнет беда, в твоём роду не останется наследника. Из этих соображений ты захотел обзавестись семьёй. Но послушай, мой брат, что станет с вашей любовью и счастьем, когда вы столкнетесь с бесчисленными трудностями?! Любя, я желаю тебе более надежного счастья, хочу также, чтобы ты не мучился вопросом, как поступить: по собственному ли желанию, по советам людей или по моей воле? Я взяла твою руку, – стремилась передать тебе всю свою любовь и свое доверие, но промолчала, так как сама не знала, что мне делать с доверием и как именно выразить эту любовь.

3 мая [1970г.]

В Фокьонге снова напряжённая ситуация: после моего ухода нагрянули вражеские танки, над нашей базой кружат вертолёты; Тхюи, Лиен, Хынга и Лоя взяли в плен; пока неизвестно, что с моим младшим братом.

Тревожные мысли предельно меня утомили,

ныло тело. Я сделаю всё, чтобы спасти тебя любой ценой, брат мой! У меня была твоя девушка Ким – глаза её часто мигали. Я смотрела на девушку, готовую расплакаться, и понимала ее душевное состояние. Ким, послушай, хоть ты не во всем безупречна, я тебя полюбила, так как ты любишь моего младшего брата. Мы с тобой волнуемся, но мы бессильны - лишь с содроганием отмечаем каждое злодеяние врагов, которые топчут нашу землю и угрожают жизни наших людей. Других возможностей у нас пока нет, дорогая.

5 мая [1970г.]

Война распространилась по всему Индокитайскому полуострову. Негодяй Никсон⁷ в ярости и рискнул пойти на расширение военных действий. Нам предстоят ещё более тяжкие испытания. Однако, как я клялась товарищам, – пусть мы погибнем, но сражаться будем до конца!

Какая же ненависть к врагам кипит в душе! Они ведь - часть человечества, почему они такие злые, почему хотят кровью людей нашей земли поливать, как водой, свои золотые деревья?

7 мая [1970г.]

⁷ Ричард Никсон (1913-1994) – 37-й президент США в 1969-1974 гг.

16-я годовщина победы под Дьенбьенфу⁸.
Прошло 16 лет, а в стране еще льётся людская кровь. Южная часть страны уже 25 лет – в огне войны! Родина! Уже 25 лет сквозь дым и огонь она мужественно с высоко поднятой головой идёт в наступление! И каждый наш шаг в сражении даётся ценою алой крови. Есть ли в мире какая-нибудь страна, которая подвергалась стольким тяжким испытаниям, как наша?

Сегодня вечером товарищи отправились на равнину - удалось ли им пройти? На всём протяжении пути ведёт обстрел артиллерия - как видно, противник дислоцируется и на склоне горы Сой... Не нахожу себе места, с нетерпением жду вестей, в сердце - и щемящая тревога за своих и ненависть к врагу.

13 мая [1970г.]

В походе Нгиа был ранен - пулей пробило предплечье. Раньше я порой хотела побыть рядом с ним, - думала, вот лёг бы он в госпиталь с лёгкой раной, я бы могла позаботиться о нём! Теперь это случилось (когда-то мой М. мечтал попасть в тёплые, заботливые руки доктора Тхюи, но его мечта так и не сбылась!). Пережитое оставило отпечаток на лице Нгиа: в свои 23 года он похудел, постарел. От боли в руке он тихо стонал, что

⁸ 7 мая 1954 г. в битве под Дьенбьенфу бойцы Народной Армии Вьетнама одержали решающую победу над французским экспедиционным корпусом.

вызывало у меня жалость. Захотелось прижать его к себе, обнять, приласкать, умерить его боль, но сдержалась - ведь не все могут правильно истолковать мои добрые чувства, а это привело бы к разным пересудам.

В больницу Нгиа взял с собой лишь один комплект нижнего белья, трусы - подарок от Тхуана, записную книжку. Я нашла блокнот со своими воспоминаниями, написанными в 1967 году, который подарила ему на прощание, когда отправилась на военную базу. Блокнот хранится в нейлоновой обложке. Я была взволнована, узнав потом, что мой блокнот был неразлучен с Нгиа на всем протяжении его боевых дорог.

19 мая [1970г.]

Получила письмо от мамы. О, моя мамочка! Каждое твоё слово полно ласки и любви, и моё сердце, жаждущее ласки и любви, впитывает их, как капли крови. Кто же на свете понимает моё горячее желание вернуться, хоть на миг, в родную семью?! Такое желание возникло у меня ещё тогда, когда я села в грузовик, чтобы отправиться на фронт. Я отправилась, вдохновлённая идеей. В течение трёх прошедших лет на каждом переходе пути среди всякого рода фронтового шума и грохота мне слышится одна нежная, звучная мелодия, способная заглушить громыханье взрывающихся бомб и снарядов. Это голос с любимого Севера, голос родителей, младшей сестры, всех

дорогих людей. В нём есть и шелест листьев от растущих вдоль улицы Дайла деревьев, и плеск волн Красной реки, и звучание столичной жизни – и всё это отзывается во мне.

Во сне я часто возвращалась в Ханой, бросалась в объятия отца и матери, с умилением прислушивалась к наивному смеху детворы, погружалась в яркий свет уличных фонарей... Прошло три года, пройдет пять и более лет, но ничего не изменилось и не изменится в моей любви к родным. Пусть кто-то покидает дом ради денег и славы, но я бы ни за что не разлучилась с родными, если бы не было призыва Партии!

Я стала и остаюсь бойцом в этой великой битве. Противник идёт в наступление, раздаются выстрелы, а я спокойно с улыбкой спускаюсь в блиндаж; противник внезапно атакует базу - а я, укрываясь от опасности, ухожу ночевать в лесах, и не перестаю улыбаться, даже когда с вражеских вертолётов прямо над головой взлетают ракеты. Зато, когда я думаю о родных, и любимых людях на Севере и Юге страны, сердце щемит от тоски и боли; а бывает, что мои глаза наполняются солёными слезами.

22 мая [1970г.]

Собрание молодёжной организации уезда. Я была так рада возможности побыть среди молодых людей! Противник подкрался к месту собрания, а никто из нас об этом даже не подозревал, все как

ни в чём ни бывало продолжали громко петь песни, смеяться и барабанить по деревьям. Прибежал молодой представитель национальных меньшинств с сообщением о том, что к нам вплотную приблизился противник. Мы мигом разошлись, спасаясь от преследования врага. Хорошо, что мы успели уйти от опасности, ведь потом в атаку вступили пехотинцы при поддержке артиллерии и самолётов. И в этой ситуации на молодых лицах светились улыбки. Ночь провели в маленьком помещении, на гамаках – в тишине слышались остроумные шутки и приглушенный смех.

Но что меня так обрадовало? Наверное, расположение молодых людей, таких как Фыонг, Тонг, Хао, Ханг, Минь, - это как бы сплачивало всех в одну дружную семью.

24 мая [1970г.]

Старший брат собрался в дальний путь (может быть, и уехал), я почувствовала это ещё при встрече.

Спрашиваю его: что значит «далеко»? Это понятие пространственное, временное или какое-нибудь ещё? Если только он никуда не уехал, то при нашей новой встрече я лишь холодно поздороваюсь с ним – и не скажу больше ни слова!

Я до сих пор на него в обиде. Помню, как в тот день я прибежала, доложила о ситуации с противником, попросила его принять меры по вопросу

молодёжи, а он распекал Ки за отсутствие инициативы, заявляя, что у руководителя уездного комитета молодёжи должна быть ясная голова... Я так обиделась, что ни слова не говоря ему, поторопила Ки сходить туда, а сама убежала, ни с кем не попрощавшись. Вечером он послал за мной девушку, предлагая вернуться, но я не пошла. Он знает: я обидчива. В эти дни я ни разу к нему не заходила, а когда он появился на собрании, - прошла молча, - и так вплоть до нынешнего дня. Скоро мы с ним расстанемся - если бы он не ушёл, я бы сама ушла, однако искренние чувства, которые я питала к нему до сих пор, не позволили мне так поступить. Пришлось передать ему маленькую записку такого содержания: меня взволновало письмо, написанное им до начала собрания. Оказывается, он меня неплохо понимает.

25 мая [1970г.]

Он отозвался обо мне так: высокая революционная сознательность, идейность, целеустремленность в работе, рост во всех отношениях, недостаточный интерес к научной деятельности, некоторые проявления мелкобуржуазности.

2 июня [1970г.]

С больницей произошёл непредвиденный (но нередкий на войне) несчастный случай: на одну палату случайно попали бомбы, и 5 человек сразу были убиты. В одно мгновение всё превратилось в руины. После взрыва наступила страшная тишина, показавшая, что в живых не осталось никого. Прошло несколько минут сотрудница Лань закричала: «В палате Тяня убило всех!». Мы прибежали и оказались перед страшным зрелищем: на лесном участке раскидало деревья, на ветках висят обрывки одежды, столбы домов покосились. В наступивших сумерках откопали Ниена и Быоя. Тхань, который вчера перенёс операцию на кишечнике, а теперь получил новые ранения и умирал. Он смотрел на нас и еле слышно шептал: «Оставайтесь... работайте... учитесь... сражайтесь, отомстите ... за меня. Мне уже не жить...».

Мужественный товарищ! Твои слова – как наша общая клятва, клятва живых людей. Будем сражаться до последнего вздоха, отомстим за погибших!

Провела всю ночь без сна. На заре мы снялись с места. Снова в путь! «Наша война против американских агрессоров за спасение родины может ещё длиться. Многие из наших соотечественников могут погибнуть, но мы одержим победу!». Дядя Хо, я слышу твои слова, они заглушают взрывы бомб и снарядов, в пути они всегда со мной!

4 июня [1970г.]

Отчего мне не по себе, хотя мои чувства остаются чистыми и искренними? Снова встрети-лась со старшим братом и младшими братьями. Побывав на грани жизни и смерти, я готова была заключить в объятия всех близких мне людей, должна была радоваться до слёз! Но от всего этого пришлось удержаться, мы лишь молча смотрели друг на друга. Дорогие мои, скажите, почему мы не можем преодолеть невидимые барьеры в наших законных и прекрасных взаимоотношениях?

6 июня [1970г.]

В тихий летний полдень читаю письмо от подруги Ван. Сколько же любви принесли с собой эти строчки, написанные не слишком красивым почерком моей подруги! Дорогая Ван, гордись нашей верной дружбой, преодолевшей столь даль-нее расстояние и столько невероятных трудностей. Знаешь, Ван, твои искренние слова меня сопровождают на протяжении всего тернистого пути, – их жар согревает мне сердце. Говорят, что люди дружат ради денег или карьеры, но всё это чуждо нам с тобой. Ты - обыкновенная девушка с нашей охваченной огнём родной земли, но, в отличие от других, ты решила пожертвовать всем ради участия в общенародном деле, решительно отрекаясь от обеспеченной жизни, вместе с товарищами терпишь на войне трудности и лишения. Более того, у тебя большое, любящее сердце, ты мне посвящаешь

самые прекрасные чувства, понимаешь меня, всё делаешь для нашей дружбы. Для тебя я не врач с высокой должностью, а просто участник революции, девушка, которая, отказавшись от своего уютного гнезда, отправилась на Юг и плечом к плечу с южанами сражается на фронте. В ответ на твои добрые чувства я тебе тоже отдаю всю свою бесхитростную любовь.

Дорогая Ван, на трудном жизненном пути мы шагаем, опираясь друг на друга. Мы гордимся нашей дружбой, и давай бережно хранить её, любимая моя подруга!

10 июня [1970г.]

Сегодня вечером мне было очень грустно. Наверное, оставалось время, чтобы мой старший брат мог прийти ко мне перед дорогой, однако оно прошло, и мы с ним так и не простились. Расставания... Разве можно предсказать, будет или нет новая встреча после каждого расставания на пылающей земле! Неужели ты, мой старший брат, мог, ни слова не сказав, пуститься в далёкий путь?

Меня ещё расстроило письмо мамы. Письмецо короткое: мама старалась скрыть свою тоску и тревогу, но я всё же догадалась, как ей тяжело. Мамочка, знаю, как тебе больно и тревожно оттого, что твоя дочь оказалась в дыму и огне фронта. Я, как и мои младшие, обычно мало говорю в своих письмах о трудностях и опасностях, но и этого

достаточно, чтобы повергнуть тебя в тревогу. А что бы ты сказала, если бы мы писали обо всех трудностях, с которыми сталкиваемся в это жестокое время? Мама, если даже кто-нибудь из твоих детей падёт на поле боя во имя завтрашней победы, не надо много плакать - гордись, что свою жизнь он прожил достойно. Ведь на свете каждый умирает лишь один раз!

Но, по правде говоря, мне всегда хотелось и хочется вернуться к тебе, папе - на родной Север.

12 июня [1970г.]

Каждый в душе чего-то ждёт. Чего же именно? Ждём нового пополнения состава сотрудников больницы, с тем, чтобы в ближайшее время справиться с новыми трудными задачами. К концу месяца жду возвращения младшего брата, жду писем от любимых людей... И больше всего хочу Мира, Независимости, чтобы я могла вернуться к родной маме. Уже несколько дней меня не покидает тоска. Ночами снится Север. Изю дня в день чего-то жду...

Дорогая Тхюи! Впереди ещё много трудностей, продолжай идти по выбранному тобой тернистому пути. Будь настойчивой и терпеливой!

14 июня [1970г.]

Воскресный день. Небо очистилось после дождя, прохладно. Зелёные листья деревьев омыты дождём.

В моей комнате с утра стоит ваза с живыми цветами. Красивые солнечные цветы отражаются в отполированной поверхности радиоприемника. Из него доносится знакомая мелодия «Голубой Дунай»... Весёлые голоса друзей, которые приходят ко мне в гости... Увы, это лишь сон, - то, что только снится, хотя ты не спишь!

Сейчас опять воскресное утро, и дождь только что перестал. В природе тишина, и если бы грубо, оглушительно не ревели самолёты, слышалось бы журчание ручейка. Позавчера нашу базу бомбили: над ней долго кружили вертолёты «Моран», потом полетели ракеты. Услышав взрывы, все мы поспешно укрылись в убежищах. Судя по звуку, противник бомбил соседний холм, но когда самолёты улетели, сбросив четыре серии бомб, мы с ужасом поняли, что бомбы взрывались почти рядом, метрах в двадцати от нашего укрытия. На большом участке повалились, словно вырубленные, деревья, с кровель домов разлетелись порванные в клочья нейлоновые покрытия. Даже убежище забросало землей и камнями. Хорошо, что никто не пострадал. Ясно было, что противник уже пронюхал наше местоположение, и надо было, не мешкая, искать, куда эвакуировать базу.

Все здоровые ушли, на месте остались пять неходячих раненых, а с ними четыре сотрудницы. Вчера вечером лил дождь как из ведра, мы застелили полы нейлоном, но вода всё же проникала. В

палате образовались лужи, все промокли до нитки, вручную вычерпывали воду. Бедняги-раненные дрожали, кутаясь в мокрую одежду.

Глядя на это и стараясь всех приободрить, я улыбалась, хотя у самой на глаза наворачивались слезы. Лань спросила меня: «А кто сейчас знает, в каком мы положении?». И правда – кто? Конечно, многие, но никто в точности не может представить себе, что это на самом деле.

Знаю, что на этой страшной войне бывают ещё более трудные ситуации. Об утратах словами не расскажешь, да и не надо. В письмах к родным я также стараюсь не писать подробно о том, как тяжело приходится на фронте. Просто не хочется тревожить их. Мой младший брат Тхуан, например, не раз попадал в смертельно опасные переплёты, перенёс не одну горькую утрату, потеряв многих своих близких, на его лице появились морщинки, делающие его намного старше своих лет – но в письмах он всегда тревожится лишь за меня, наставляет быть осторожной и беречь себя. «Что касается меня, – говорил он, – то я жив-здоров». И в этом отношении я беру с него пример.

Что-то тяжело на сердце. Причина – тревога за больницу. Напряжённое ожидание действий противника. Если противник высадит сюда десант, неужели мы оставим раненых на произвол судьбы и сами бросимся бежать? Или будем все так же укрываться в убежищах, надеясь на удачный исход? От тоски и тяжести ожидания, наверно, могли бы отчасти оградить утешение и сочувствие

близких людей... Но всё это ложится тяжким грузом на моё сердце, переполненное, как река во время половодья.

Вчера после причиненных бомбёжкой опустошений с коромыслами на плечах уходили наши люди. Дат, пристально посмотрев на меня, полушутя сказал: «Кто об этом узнает?! Когда наступит мир, тем, кто сейчас всё это испытывает, должны предоставить большие привилегии». Мне стало неприятно: ведь не ради каких-либо привилегий тружусь, только поймёт ли кто-нибудь мою страстную мечту. Я ему ответила: «Мне не нужны привилегии, хочу лишь одного: как придёт мир - тут же домой, к матери. Вот и всё!».

В самом деле, я пока не думаю о своём будущем счастье, не мечтаю о жизни с любимым человеком; для меня главное - семья; я лишь желаю быть дома, с родными. Больше ничего, не говорю даже о служении партии и народу.

16 июня [1970г.]

С волнением читаю страницы дневника юного школьника Боя - из уезда Фусуен, провинции Хатэй. Его переживания совпадают с моими. Мы с ним переживаем самые напряжённые дни. Медпункт разрушен, противник продолжает нам угрожать - в воздухе кружат вертолёты разных марок. Когда они повисают над нами, - нервы мои напряжены до предела, как туго натянутые струны.

Но я должна оставаться на месте, с ранеными, мне нельзя иначе. Смешно, но в сложившейся ситуации политрук медпункта отказался остаться со мной. Недаром гласит пословица: «Золото проверяется огнём, а силы - трудностями».

Мне пришлось пройти это испытание, ведь иначе нельзя.

Сильно тоскую по Северу. Вспоминаю, как в редкую для июня прохладную погоду вечерами, мы с подругами на велосипедах не спеша проезжали мимо садов, цветников с яркими, как бабочки, фиолетовыми цветами и пахучими розами... Вспомнились также ивы, служащие оградой Ботанического сада. Оттуда сестра Фьонг приносила цветы и любила ставить их в комнате... Когда я смогу вернуться к тебе, далёкий мой Север?

17 июня [1970г.]

Сегодня, когда над нами перестали кружить вертолёты «Моран», установилась тишина, однако время от времени за холмом на низкой высоте пролетали вертолёты HU-1A - как видно, именно там находились силы противника. На базе были только три сотрудницы и пять неходячих раненых. Если сюда нагрянет противник, нам остается только спастись бегством, однако вряд ли это удастся. Все понимали деликатность ситуации - ведь ясно было, что трём женщинам тут не справиться. Раненый паренёк Ниен откровенно сказал: «Не волнуйтесь.

Если те появятся, - оставьте нас, бегите, а мы будем стоять на смерть!».

Ниену 19 лет, до ранения работал в отряде охранников в уездном центре. Паренёк красив собой: круглолицый, курносый, большие глаза под густыми ресницами. Когда ему было больно, он смотрел на меня, а в глазах блестели слёзы. Ниена ранило во время похода, повреждена ножная артерия, отчего сильно текла кровь. Несколько дней назад я сняла перевязку на артерии, но когда бомбили убежище, ему как раз на место проведённой операции упало бревно и переломило ногу. В течение 12 прошедших дней я опасалась, что возобновится кровотечение – это затруднило бы сохранение ноги. Сейчас опасности для ноги уже нет, но если сюда нагрянет противник, - Ниену предстоит умереть! Сердцу больно, словно от лезвия ножа; ничего не знаю, ничем не смогу защитить раненых, за которыми мы все в эти дни ухаживали несмотря ни на какие трудности.

18 июня [1970г.]

За далёким горным хребтом погасло солнце, начал сгущаться вечер. Перестали греметь реактивные самолёты и вертолёты «Моран». На вечерний лес спустилась какая-то недобрая тишина. Ни птичьего щебетания, ни человеческого говора, доносится лишь журчание ручья, да слышится какая-то мелодия из транзистора. Я не знала её, но это была нежная, мягкая мелодия, напоминающая

синее рисовое поле в вечернюю пору. И тут я забыла всё - вдруг ушла гнетущая напряжённость последних дней.

С утра, за исключением времени для обеда, каждая из нас занимала свою позицию, и пристально наблюдала за противником. Ни на минуту я не покидала свой наблюдательный пункт, но думала лишь об одном - о дне моего возвращения к родным. Вот вернусь домой, - и всё сделаю для уютного семейного гнезда, буду дорожить каждой минутой, каждой секундой мирной жизни, ценность которой помогли понять проведённые на фронте дни. О жизнь, добытая ценой крови, молодости многих людей! Ценой утраты многих человеческих судеб будет кипеть жизнь остальных людей! Сможете ли вы, северяне, проникнуть в душевные переживания южан?!

20 июня [1970г.]

После второй бомбёжки пошел десятый день, а никто из наших сотрудников не появился. Уходя, они обещали скоро за нами вернуться, чтобы выбраться всем вместе из этого опасного места, которое, как мы предполагали, подвергалось вражескому обстрелу по наводке какого-то шпиона. Оставшиеся начали считать каждый час, каждую минуту. Утром ждали дня, а днём - вечера. Прошёл первый, второй день, потом девятый день, но назад никто так и не пришёл. Мы мучительно спрашивали себя: «Почему?». Может, возникли

непредвиденные препятствия и опасности? Ответов не было, мы задавали друг другу вопросы, огорчались, обижались, потом улыбались, но у самих глаза были полны слёз...

Риса осталось лишь на один ужин. Разве можно допустить, чтобы раненые голодали?! Кто-то из нас должен был сходить за рисом, но это было опасно – всё могло случиться. Если вдвоём пойти, то с ранеными останется единственная сотрудница, и в случае новой вылазки противника ей не справиться! Хуже того, вот-вот хлынет ливень – как же быть? Прикрепить нейлоновое полотно вместо крыши – обнаружат с вертолётов. Наконец, решили, чтобы за рисом пошли сотрудницы Лань и Санг. Я смотрела, как они в закатанных выше колен штанинах пробирались через стремительный ручей, и у меня глаза наполнились слезами.

Невольно зачитала стих:

*«Мы, ребята, на просторах в трудный час,
Ты, любимый Дядя Хо, поймёшь ли нас?».*

Нет, я уже не наивный ребёнок, я повзрослела, возмужала в трудностях. Только сейчас почему-то мне нужны только заботливые руки матери, или просто родного человека, в крайнем случае - хотя бы знакомого. Пусть он ко мне придёт, пожмёт мне руку в этот час одиночества, вдохнет в меня любовь и силу, чтобы я смогла преодолеть предстоящее испытание!

Приложение

ПОКОЛЕНИЕ БЛАГОРОДНЫХ ИДЕАЛОВ И НАДЕЖД

Военный врач-хирург Данг Тхюу Чам автор дневника, прошедшего невероятно сложный путь прежде чем попасть к читателю, - моя ровесница. Наверное поэтому на одном дыхании прочитав её дневник я мысленно снова перенёсся в далёкие 1965-1966 годы, когда в составе Группы советских военных специалистов (СВС) участвовал в боях Первого (236-Ханойский), затем Третьего (285-Хайфонский) зенитных ракетных полков (ЗРП) Вьетнамской Народной армии (ВНА), отражая налёты американской авиации на территорию Северного Вьетнама - родины Тхюу.

Передо мной ясно возник образ молодой, красивой вьетнамки с чуткой, отзывчивой душой, доброжелательной и нежной в отношениях с родными и друзьями, целеустремлённой и настойчивой в достижении поставленной цели. Доброе, трепетное сердце Тхюу наполнено чувством любви и сопереживания к друзьям и коллегам-медикам и глубокого сострадания к раненым бойцам и командирам.

Этот образ возник у меня неспроста. Я хорошо помню лица и даже голоса вьетнамских военных медиков - врачей и медсестёр Ханойского

военного госпиталя, вылечивших меня от тяжёлой, изнурительной болезни - амёбной дизентерии, которой я заболел в январе 1966 года на боевой позиции 71-го огневого дивизиона 285 ЗРП. К несчастью я не сразу обратился за помощью к нашему военврачу майору медицинской службы Конобеевскому Ю.И., т.к. военных специалистов-стартовиков в полку остро не хватало и заменить меня в тот период было просто некому. Поэтому к моменту поступления в госпиталь болезнь уже изрядно истощила меня: при росте 177 см. мой вес был всего 49 кг.

Помню весёлую, неунывающую Зой, юную, застенчивую процедурную медсестру Лиен, милую, мечтательную Куинь.

Благодаря их стараниям и заботам болезнь отступила, и уже через 14 дней я снова смог вернуться в боевой строй. Даже очень болезненные уколы, сделанные их нежными девичьими руками, казались ласковым прикосновением и не вызывали такой сильной боли. А Лиен, вводя лекарство шприцом, одновременно поглаживала место укола мизинцем правой руки, каким-то волшебным образом снимая боль.

Душа женщины – это душа народа. Подтверждение тому святое понятие, выраженное крылатыми словами – Родина Мать, живущее в языках почти всех народов Мира.

Сокровенные мысли и мечты, записанные Тхюи в её дневнике не предназначались для посторонних глаз, но в них отражено всё то, чем жили и о чём мечтали в годы войны Сопrotивления миллионы её

сверстников и людей моложе и старше по возрасту. Мне кажется, что под её словами смог бы подписаться каждый соотечественник – патриот Вьетнама.

Всё записанное Тхюи в полевом дневнике красноречиво говорит о богатом душевном мире, чуткости и поэтическом таланте автора. Читая дневник, понимаешь - Тхюи гордая, в чём-то бескомпромиссная девушка, с некоторыми идеалистическими взглядами. Но её идеалы не вымышленные – это любимые ею вьетнамские народные герои, герои-патриоты из известных романов советских и европейских писателей: Павел Корчагин – «Как закалялась сталь» Николая Островского, Артур Монтанелли – «Овод» Этель Войнич.

Жизненный девиз Тхюи: «В жизни приходится преодолевать бури, но нельзя склонять голову перед ними», и она следует ему всегда.

Высокое чувство патриотизма и профессионального долга побуждает её к полной самоотдаче в тяжёлой повседневной работе полевого хирурга, а смерть каждого воина она переживает как личную трагедию.

Во имя достижения окончательной победы над врагом Тхюи готова к самопожертвованию. А ведь она ещё так молода и казалось бы вся её жизнь ещё впереди...

Дневник написан образным, поэтическим языком и читается легко, как течение тихо журчащего горного ручейка, берущего начало из чистого родника волнующих чувств живой,

необъятной души Тхю. Сокровенные мысли о жизни, чести, справедливости, её переживания, доверенные маленьким листочкам записных книжек дневника, философски глубоки и в то же время близки и понятны всем людям. В них выражена ненависть к войне и врагам Родины, печаль о погибших, переживания неразделённой любви, тревога при расставании и щемящее чувство разлуки, грусть воспоминаний о родителях и о прекрасном мирном детстве, мечты о возвращении домой, жажда испытать чувство большой и чистой любви, снова обрести мир и ощутить счастье послевоенной мирной жизни, до которой ей так и не суждено было дожить...

То, как ответственно Тхю относится к своей повседневной, изматывающей работе полевого хирурга, терпя постоянные лишения, преодолевая все невзгоды и неустроенность быта фронтовой жизни, показывает твёрдость и настойчивость характера на первый взгляд совсем негероической девушки.

Иногда Тхю бывает слишком самокритична, и в то же время она легкоранима, иногда обидчива и даже, как всякая женщина, немного капризна, но главное в её характере – доброта и отзывчивость, не мешающая чувству любви к Родине и жгучей ненависти к врагам.

Эти сложные и противоречивые чувства и переживания Тхю, испытываемые ею в условиях непрерывных боёв, каждодневная борьба за жизнь раненых и преодоление огромных трудностей закаляют Тхю. За пять лет работы полевым военным хирургом Тхю стала опытным специа-

листом-руководителем, она обучила врачебному делу многих своих более молодых коллег.

Её короткая, наполненная постоянными тревогами и сильными переживаниями жизнь уникальна. Она яркой звездой пронеслась по небу-своду и поднялась высоко в небо, озаряя своим чистым благородным светом жизнь и судьбу своего героического поколения, победившего жестокого и сильного врага и добившегося полного освобождения и воссоединения страны – Вьетнам стал свободным, единым государством.

Тхюи одна из многих миллионов вьетнамцев на протяжении почти тридцати лет, самоотверженно сражающихся за освобождение своей Родины, стойко перенося невыносимые страдания и мучительную боль. В её судьбе отражена жизнь и судьба всего вьетнамского народа, его характер и лучшие традиции: доброта, душевность и отзывчивость вьетнамцев, их уважительность, взаимовыручка и готовность помочь даже совсем незнакомому человеку.

Эти черты характера в равной мере присущи и вьетнамцам, и русским, потому что исторически наши народы пережили огромные страдания и лишения в жестокой, но справедливой борьбе против внешнего врага, когда решалась судьба Родины, судьба народа, и в итоге русские и вьетнамцы всегда выходили победителями.

Русское сердце всегда было отзывчиво к чужой беде, и во все века русский народ всегда помогал страдающим и всегда был на стороне более слабых. Помочь людям в беде - это благородно.

Должен напомнить, что через огонь вьетнамской войны прошли более 11 тысяч советских военнослужащих, защищавших небо и землю Вьетнама.

Вьетнамцы это помнят и ценят.

Необходимо отметить, что руководство страны и народ Вьетнама свято хранит благодарную память о неоценимой помощи Советского Союза и о советских военных специалистах, оказывавших эту помощь воинам Вьетнамской Народной армии в годы войны.

Вьетнам, пожалуй, единственная страна среди тех, кому Советский Союз оказывал помощь в борьбе за независимость, народ которой спустя многие десятилетия сохраняет чувства искренней благодарности к советским людям и подтверждает это добрыми делами по отношению к советским ветеранам войны во Вьетнаме.

Сейчас, когда некоторые наши бывшие «союзники» по Варшавскому договору и даже бывшие союзные республики СССР разрушают и сносят памятники советским солдатам, погибшим при освобождении оккупированных фашистами территорий этих стран, Вьетнам – единственная страна в мире, из тех, кому помогал Советский Союз – возвел в Камрани мемориальный комплекс с величественным монументом из красного гранита в память советских, российских и вьетнамских военнослужащих, отдавших жизнь за мир и стабильность в регионе.

Наша дружба рождалась в боях, она скреплена совместно пролитыми потом и кровью наших боевых товарищей в годы войны, и независимо от

сиюминутной политической конъюнктуры и стараний некоторых недалёковидных политиков перечеркнуть историю и традиции боевой дружбы, она будет продолжаться, пока будут уважать и помнить своих ветеранов войны во Вьетнаме и в России.

Ведь у наших народов одна общая цель – построение общества социальной справедливости, а народ невозможно обмануть, он всегда за справедливость.

Молодые люди, вдумчиво прочитавшие книгу дневников Тхюи смогут понять и прочувствовать ту тяжелейшую историческую эпоху войны во Вьетнаме – одной из самых жестоких и кровопролитных войн XX века, в которой погибли миллионы вьетнамских юношей и девушек и в их числе сгорела светлая жизнь Тхюи.

Эта книга позволит молодому читателю прикоснуться к чистому роднику светлой души Тхюи и поможет каждому определить для себя те жизненные ориентиры и критерии, которые позволят сохранить чистоту их собственной души. В годы войны многие мои однополчане-вьет-намцы читали советские книги, переведенные на вьетнамский язык, и хорошо знали о подвигах Героев Советского Союза совершённых в годы Великой Отечественной войны: Александра Матросова, Зои Космодемьянской – «Повесть о Зое и Шуре» - Любови Тимофеевны Космодемьянской, Алексея Маресьева – «Повесть о настоящем человеке» - Бориса Полевого, Олега Кошевого – «Молодая гвардия» Александра Фадеева, партизанки-разведчицы Лизы Чайкиной - «Чайка»

*Николая Бирюкова, комсомольца-десантника
Юрия Смирнова, зверски замученного (распятого
на кресте) фашистами, но не выдавшего военную
тайну.*

[http://www.kostroma.net/~kounb/kos/uchvov/smirnov.
htm](http://www.kostroma.net/~kounb/kos/uchvov/smirnov.htm)

Мои однополчане-вьетнамцы брали с них пример, настойчиво с полной самоотдачей изучая сложную военную технику и осваивая боевую работу на зенитно-ракетном комплексе (ЗРК) С-75 «Двина». У нас были способные и целеустремлённые вьетнамские ученики, в кратчайший срок освоившие ЗРК С-75 и вскоре смогли самостоятельно и успешно выполнять боевую задачу по отражению налётов американских самолётов.

Они говорили нам: «Вы учите нас воевать, а мы учимся у вас побеждать. Так же как вы победили фашистов, мы обязательно победим американцев». Но Победа тогда была ещё так далеко...

Так случилось, что первый советский солдат, смертельно раненый в бою в воскресенье 17 октября 1965 года, защищая небо Вьетнама, был ракетчик 82 огневого дивизиона 238 ЗРП тоже по фамилии Смирнов.

В этом бою 82 дивизион, уничтожив 2 самолёта противника ударной группы, сам подвергся бомбовому удару самолётов прикрытия. Была выведена из строя станция наведения ракет (СНР), две пусковых установки, погибли и были ранены несколько вьетнамских военнослужащих.

Были также ранены двое советских военнослужащих срочной службы, один из них, рядовой

Виталий Смирнов из Кемеровского полка – смертельно. Лучшие врачи Ханойского военного госпиталя – коллеги Тхюи - боролись за его жизнь, но беспощадная смерть настигла Виталия 24.10 1965 г. Ему было всего 20 лет. Дома у него остались жена и маленькая дочка Наташа (ей было тогда 1 год и 4 месяца).

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга по оказанию интернациональной помощи народу Вьетнама рядовой Виталий Смирнов был награжден орденом Красного Знамени и вьетнамским орденом «За Боевой Подвиг» II степени, посмертно.

Многие годы по известным причинам секретности участие советских военнослужащих в войне во Вьетнаме оставалось тайной за семью печатями...

В конце 2011 года Наташа через интернет связалась со мной и, почти полвека спустя, впервые узнала обстоятельства гибели своего отца из воспоминаний бывшего командира стартовой батареи группы СВС 238 ЗРП ВНА, генерала (в 1965 году ст. лейтенанта) Демченко Юрия Алексеевича, подробно описавшего этот трагический бой

<http://www.nhat-nam.ru/vietnamwar/memory3.html>).

Особенно переживал гибель Виталия Смирнова капитан (ныне полковник) Богун Евгений Иванович, отбравший Виталия в Кяхте и помнивший его слова: «Товарищ капитан, возьмите меня, я Вас не подведу» <http://www.nhat-nam.ru/vietnamwar/oldfoto20.html>.

Недавно Наташа разместила в интернете Фотоальбом «В память об отце» <http://www.nhatnam.ru/vietnamwar/oldfoto41.html>, в котором представлены семейные, школьные, армейские и др. фотографии Виталия Смирнова, позволяющие увидеть весь короткий жизненный путь обыкновенного русского парня, так же как и Тхюи, отдавшего жизнь, защищая землю и небо Вьетнама. В феврале 2007 года на родине Виталия Смирнова в посёлке Яя, Кемеровской области в память о нём была открыта мемориальная доска, а улица Московская, на которой он жил переименована в улицу ВИТАЛИЯ СМИРНОВА <http://adm.yayacity.ru/content/istoriya-raiona-small>

Думаю, что во имя сохранения традиций боевой дружбы между народами России и Вьетнама пришло время увековечить память

вьетнамских и советских ракетчиков, защищавших небо Вьетнама и погибших на боевом посту, умерших от ран и болезней, сооружением достойных памятников в городах Ханое и Хайфоне, чтобы ветераны и молодёжь Вьетнама и России смогли в дни государственных праздников почтить память героев и в знак уважения возложить цветы к подножью монумента.

Уверен, что сердце каждого прочитавшего эту книгу отзовется чувством сопереживания и сострадания к тем кто, беззаветно любя свою Родину, погиб в борьбе за её свободу и независимость, испытает гордость, что такие самоотверженные люди всегда есть среди нас.

Родина должна знать и помнить своих героев.

Воспоминания о Вьетнаме

Далекий год 65-й,
Тревожный, беспокойный мир,
А мы, советские ребята,
Надежно защищаем тыл.

Во влажных тропиках Вьетнама,
Вдали от Родины своей,
Прикрывши голову панамой,
Мы вспоминаем матерей.

Писать им правду мы не смели:
Зачем до срока волновать?
Мы берегли их, как умели,
И не хотели огорчать.

Здесь джунгли-заросли сплошные,
Не то, что русские леса,
Гуляют смерчи огневые,
И копоть въелась в небеса.

Ночной тропой судьбу обходим –
Её опасный поворот;
Болота, сопки, джунгли, горы...
Засада – «Пуск!». «Подъем-поход».

Дивизион готовим к бою,
Рассвет уже торопит нас,
И не дано нам знать с тобою,
Что бой начнётся через час.

Жара густая, словно в бане,
А влажность, даже выше ста,
И пот соленый разъедает
Нам пересохшие уста.

На старте глухо, грунт - как камень,
Кирка искрою торит путь,
Сошник последний забивая,
Надеюсь чуть передохнуть.

Сигнал «Тревога!». Мчатся цели,
Пытаясь в глубь страны пройти,
Есть! Все готово! Мы успели
Их на секунды обойти.

Команда «Пуск!», прессуя время,
Взорвав пространства тишину,
Ракета мчится точно к цели,
По тем, кто начал здесь войну.

В боях мы чаще побеждали,
Но не всегда и не везде,
И боевых друзей теряли
На опаленной той земле.

Не всем пришлось домой вернуться
И встретить тех, кто верил нам.
Пусть никогда не повторится
В огне пылающий Вьетнам!

Николай Николаевич Колесник

Почётный профессор РАЕН,

председатель Президиума

Межрегиональной общественной организации

ветеранов войны во Вьетнаме

<http://www.nhat-nam.ru/vietnamwar/index.html>

Оглавление

* Нгуен Хюи Хоанг.

К российским читателям

* Данг Ким Чам.

История человеческих сердец

Данг Тхюи Чам. Дневник врача на войне

Книга первая (1968 -1969 гг.)

Книга вторая (1970 г.)

* Николай Колесник.

Поколение благородных идеалов и надежд